

О вымирании первобытных народов

Георг Карл Корнелиус Герланд

Über das Aussterben der Naturvölker

Georg Karl Cornelius Gerland

Электронная книга проекта Gutenberg «О вымирании первобытных народов»

Это электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: О вымирании первобытных народов

Автор: Георг Карл Корнелиус Герланд

Дата выпуска: 12 ноября 2004 г. [электронная книга № 14028]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: немецкий

Кредиты: Произведено PG Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА GUTENBERG «О ВЫМИРАНИИ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ» ***

О ВЫМИРАНИИ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

ДОКТОРА ГЕОРГА ГЕРЛАНДА,

УЧИТЕЛЕМ В МОНАСТЫРЕ У. Л. ФР. В МАГДЕБУРГЕ.

ЛЕЙПЦИГ,

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФРИДРИХА ФЛЕЙШЕРА.

1868

ЕГО ЭКСЦЕЛЛЕНЦИИ

ГОСПОДИНУ СОВЕТНИКУ

Г.К. ФОН ДЕР ГАБЕЛЕНЦУ.

Предисловие.

Вопрос о вымирании коренных народов до сих пор рассматривался лишь эпизодически и не с той подробностью, которую, вероятно, требует важность данного вопроса. Наиболее подробно его рассмотрел Вайтц в своей «Антропологии коренных народов», т. 1, 158-186; но поскольку он обсуждает его лишь в приложении и в контексте своей работы не мог и не хотел указывать более чем основные аспекты; поскольку он, кроме того, лишь намекает на некоторые вещи или полностью упускает из виду то, что имеет большое значение, то вполне уместно вновь самостоятельно и как можно более подробно обсудить причины этого «загадочного» исчезновения. В частности, психологическая сторона предмета до сих пор чрезмерно игнорировалась; поэтому в следующих страницах ей будет уделено особое внимание.

Материал для ответа на вопрос, который нас интересует, разбросан по большому количеству путевых заметок, этнографических и антропологических трудов. Однако, поскольку для меня было важно, во-первых, подкрепить свои утверждения достоверными ссылками на источники (ведь только строгая эмпирия может помочь нам в решении нашего вопроса) и, во-вторых, чтобы приведенные цитаты были доступны для справки, я по возможности опирался на более распространенные работы и опускал ссылки на источники только в тех случаях, когда сказанное можно найти во всех путевых заметках. Никто не будет упрекать меня в том, что я очень часто использовал уже упомянутое превосходное произведение моего слишком рано ушедшего из жизни учителя Вайца «Антропология природных народов», в котором собраны критически отобранные источники, часто очень труднодоступные — а для чего же пишутся такие фундаментальные работы, если на них не строить дальше?

Для обзора и удобства цитирования я собрал здесь работы, которые я использовал в качестве доказательств, не упоминая те, которые не цитируются часто. Некоторые из тех, которые я хотел бы использовать, остались для меня недоступными.

- Ангас, «Дикая жизнь в Австралии и Новой Зеландии». Лондон, 1847.
- Australia felix. Берлин, 1849.
- Азара, Путешествие по Южной Америке в 1781-1801 годах (Журнал замечательных новых путешествий. Т. 31. Берлин, 1810).
- Бартрам, Путешествия по Каролине, Джорджии и Флориде 1773. (там же, том 10). Берлин, 1793.
- Бичи, «Повествование о путешествии в Тихий океан (1825-28)». Лондон, 1831.
- Бехм, Географический ежегодник. Часть 1, 1866. Гота, 1866.
- Беннетт, «Нарратив о китобойном промысле вокруг земного шара 1833-36». Лондон, 1840.
- Ф. Бибра, Описание острова Вандименсланд, обработанное Ф. Рёдингом. Гамбург, 1823.
- Бугенвиль, Путешествие вокруг света 1766-69. Лейпциг 1772.
- Братринг, Путешествия испанцев по южным морям. Берлин, 1842.
- Бретон, «Экскурсии в Новый Южный Уэльс, Западную Австралию и Вандименсланд». Лондон, 1833.
- Браун, Новая Зеландия и ее аборигены. Лондон, 1845.

- Карус, О неравных способностях различных племен человечества. Лейпциг, 1849.
- Ф. Шамиссо, Заметки и мнения, сделанные во время экспедиции (1815-18). Веймар, 1821.
- Чейн, Описание островов в западной части Тихого океана и т. д. Лондон, 1852.
- Кук, Третье исследовательское путешествие в Южное море и к Северному полюсу. Том 2. Берлин, 1789. — id. b, Первое исследовательское путешествие у Шиллера.
- Дарвин, «Научное путешествие», перевод Диффенбаха, Брауншвейг, 1844.
- Диффенбах, «Путешествия по Новой Зеландии». Лондон, 1843.
- Диллон, «Повествование о путешествии по Южному морю». Лондон, 1839.
- Дюмон д'Урвиль, а, Путешествие «Астроляба». Париж, 1830. id. b, Путешествие к Южному полюсу. Париж, 1841.
- Эллис, Полинезийские исследования. Лондон, 1831.
- Эрскин, «Дневник путешествия по островам западной части Тихого океана». Лондон, 1853.
- Финч, «Новая Гвинея и ее жители». Бремен, 1865.
- Фрейсине, Voyage autour du monde (1817-20). Париж, 1827.
- П. Матиас Г***, Lettres sur les îles Marquises. Пасис, 1843.
- Гилл, Жемчужины коралловых островов. Лондон, 1855.
- Ле Гобьен, История Марианских островов. Париж, 1701.
- Грей, Журналы двух экспедиций в северо-западную и западную Австралию (1837-39). Лондон, 1841.
- Гулик, Микронезия, Nautical Magazin 1862.
- Хейл, Этнография и филология (Исследовательская экспедиция Соединенных Штатов). Филадельфия, 1846.
- Хирн, Путешествие от Гудзонова залива до Ледяного моря (1769-1772). Журнал путевых заметок. Том 14. Берлин, 1797.
- v. Hochstetter, Новая Зеландия. Штутгарт, 1863.
- Хауитт, Впечатления от Австралии Феликс. Лондон, 1845. id. a, Приключения в Австралии. Берлин, 1856.
- А. фон Гумбольдт, а) Опыт исследования политического состояния королевства Новая Испания. Тюбинген, 1809.
- б) Путешествие в экваториальные районы нового континента, немецкий перевод v. Hauff. Штутгарт, 1861.
- с) Взгляды на природу. 3-е изд. Штутгарт и Аугсбург, 1859.
- Jarves, История Гавайских или Сандвичевых островов. Лондон, 1843.
- Ф. Киттлиц, Воспоминания о путешествии по русской Америке, Микронезии и Камчатке (1826 и др.). Гота, 1858.
- Ф. Коцебу, «Исследовательское путешествие в южные моря и к проливу Беринга» (1815–18). Веймар, 1821.
- Крузенштерн, Путешествие вокруг света (1803-6). Берлин, 1811.
- Ф. Лангсдорф, Заметки о своем путешествии вокруг света (1803-7). Франкфурт, 1812.
- Лаперуз, «Исследовательское путешествие 1785 года». Журнал путевых заметок. Том 16. 17. Берлин, 1799 и далее.
- Ф. Лессеп, Путешествие по Камчатке и Сибири, Журнал путевых заметок. Том 4. Берлин, 1791.
- Лихтенштейн, Путешествие по Южной Африке (1803-6). Берлин, 1812.

- Луттерот, История острова Таити, немецкий перевод Брунса. Берлин, 1843.
- Маринер, Острова Тонга. Лондон 1818.
- Майнике, а) Материк Австралии. Пренцлау, 1837.
- б) Народы южных морей и христианство. Пренцлау, 1844.
- с) Австралия в справочнике Ваппея по географии и статистике. 7-е изд. 2-й т. 2-е дополнение. Лейпциг, 1866.
- Мелвилл, Четыре месяца на Маркизских островах. Лейпциг, 1847. Там же, b, Современное состояние Австралии. Лондон, 1851.
- Моренхонт, «Путешествие по островам Большого океана». Париж, 1837.
- Nieuw Guinea, ethnogr. en natuurk. onderzocht in 1858 door een Nederl. Ind. Commiss. Амстердам, 1862.
- Никсон, «Круиз «Бикона». Лондон, 1857.
- Новара, Путешествие австрийского фрегата (1857-59). Вена, 1861.
- Омштедт, «Случаи китобойного рейса». Нью-Йорк, 1841.
- Петерманн, Сообщения и т. д. по всей области географии.
- Пёппиг, статья «Индийцы» в Ersch u. Gruber. 2. S. B. 17. 1840.
- Реми, История Гавайских островов, текст и перевод. Париж и Лейпциг, 1862.
- Сальвадо, Memorie storiche dell' Australia, part. della miss. benedettina. Рим, 1851.
- Шомбургк, Путешествия по Британской Гвиане 1840-44. Лейпциг 1848.
- Спарманн, Путешествие к мысу Доброй Надежды, 1772-76. Берлин, 1784.
- Стюарт, Дневник пребывания на островах Сандвичева (1823-25). Лондон, 1828.
- Тейлор, Ика-а-Мауи или Новая Зеландия и ее жители. Лондон, 1855.
- Томсон, История Новой Зеландии. Лондон, 1859.
- Тунберг, Путешествия по Африке и Азии 1772-79 в Mag. d. Reis. 7. Т. Берлин 1792.
- Ф. Чуди, Путешествия по Южной Америке. Лейпциг, 1866.
- Тернбулл, «Путешествие вокруг света 1800-1804», Magaz. v. Reisebeschr. Т. 27. Берлин, 1806.
- Тернер, Девятнадцать лет в Полинезии. Лондон, 1861.
- Тирманн и Беннет, Журнал путешествий по островам Южного моря. Лондон, 1831.
- Ванкувер, Путешествия в северную часть Южного моря (1790-95). Журнал путевых заметок. Т. 18. 19. Берлин, 1799 и далее.
- Виргин, «Кругосветное плавание фрегата «Эжени» (1831-33)», пер. Этцеля. Берлин, 1856.
- Вайтц, Антропология первобытных народов. Лейпциг, 1859 и далее. id. b, Индейцы Северной Америки. Лейпциг, 1865.
- Williams, a Narrat. of Missionary enterprises in the South Sea Islands. Лондон 1837.
- Уильямс и Калверт, Фиджи и фиджийцы, под ред. Роу. Лондон, 1858.
- Уилсон, Миссионерское путешествие в южную часть Тихого океана 1796-98, Журнал путевых заметок, т. 21. Берлин, 1800.
- Журнал общей географии, новая серия.

Содержание.

Предисловие. Источники

§ 1. Введение. Масштабы вымирания

§ 2. Восприимчивость коренных народов к миазмам. Болезни, возникающие спонтанно при встрече коренных и культурных народов

§ 3. Непосредственно завезенные болезни

§ 4. Лечение больных у коренных народов

§ 5. Небольшая забота коренных народов о своем физическом благополучии

§ 6. Характер первобытных народов

§ 7. Развратные нравы диких народов

§ 8. Бесплодие. Искусственное прерывание беременности. Детоубийство

§ 9. Война и каннибализм

§ 10. Человеческие жертвоприношения

§ 11. Конституция и право

§ 12. Влияние природы

§ 13. Внешнее влияние высшей культуры на дикие народы

§ 14. Психологическое воздействие культуры

§ 15. Трудности при освоении современной культуры коренными народами

§ 16. Отношение белых к коренным народам. Африка. Америка

§ 17. Продолжение. Тихий океан

§ 18. Географическое распределение отдельных причин исчезновения диких народов. Сравнение этих причин с точки зрения их значимости

§ 19. Сравнение природных и культурных народов с точки зрения их жизнеспособности

§ 20. Вымирающие и выживающие коренные народы

§ 21. Африканские негры

§ 22. Выводы из того, как цивилизованные народы относятся к первобытным

§ 23. Будущее коренных народов; средства их подъема

§ 24. Ценность коренных народов для человечества и его развития. Заключение

Сноски

§1. Введение. Масштабы вымирания.

Явление, при котором ряд народов на наших глазах медленно или быстро исчезает, приближаясь к своей гибели, является чрезвычайно важным. Очевидно, что оно имеет большое значение для исторических исследований, а также для естественной истории человека, антропологии. И если подтвердится, что, как утверждается, эти народы идут к исчезновению из-за присущей им неспособности к жизни, то, поскольку необходимое следствие этого утверждения приводит к предположению о существовании различных видов, высших и низших, в роде человеческом, ответ на этот вопрос будет иметь решающее значение и для философии. На практике этот вопрос всегда подчеркивался в странах, где белые живут вместе с цветными, так как теория о меньшей жизнеспособности небелых рас была впервые выдвинута именно в этих странах.

И действительно, примечательно, что только цветные расы демонстрируют это исчезновение и в наибольшей степени там, где они вступили в контакт с белыми; что белые, хотя они и покинули свою родину, привычный климат и т. д. и живут в непосредственном контакте с теми, кто в своей родине, по-видимому, при старых условиях жизни, деградирует, кажутся полностью избавленными от этого.

В то время как мы наблюдаем это угасание главным образом у некультурных рас, у первобытных народов, т. е. у народов, которые еще относительно близки к естественному состоянию человеческого рода (Waitz 1, 346), или у тех, у которых, говоря словами Штейнтала, еще не произошло значительного развития логических способностей: мы видим его также там, где цветные расы поднялись до уровня культуры и даже до определенной высоты культуры, в Полинезии, в Мексике, в Перу, и поэтому был сделан вывод, что эта культура была лишь полукulturой и малозначительной, потому что если бы она была подлинной и полной, то она придала бы большую силу: или же, что определенные расы, даже если они действительно поднялись выше уровня обычных «дикарей», все же шли к ранней гибели, потому что были обречены природой на вымирание, потому что вследствие особенностей своей расы им не хватало жизнеспособности, которую никакая культура не могла заменить: напротив, любая культура только безжалостно подчеркивает этот недостаток. Конечно, есть и цветные расы и дикие народы, у которых не может быть и речи о

вымирании; с другой стороны, есть и части культурных народов, индоевропейские и семитские племена, которые исчезли и вымерли. Но в случае последних не говорят о меньшей жизнеспособности, во-первых, из-за родства этих племен с признанными самими жизнеспособными народами мира, а во-вторых, из-за характера их исчезновения. Ведь причина, по которой они перестали существовать, очевидна: частично они были уничтожены войной, как и многие народы, воевавшие со старым Римом, частично они слились с другими культурными народами, окружавшими их, как готы, вандалы, частично произошло и то, и другое: более высокая культура, которая их победила, поглотила остатки побежденных, как древние пруссаки, венды и многие славянские народы в Германии, иберийцы и кельты исчезли в римской культуре. Такова была, без сомнения, судьба народов, которые населяли Европу до прихода индоевропейцев. Иначе обстоит дело с исчезновением первобытных народов: там, где они сталкиваются с более высокой культурой, даже там, где последняя ведет себя по отношению к ним мирно, мы видим, как их поражают болезни, их физические и психические способности иссякают, а их число, часто чрезвычайно быстро, уменьшается. Однако отдельные природные народы были уничтожены или, по крайней мере, сильно сократились по вполне внешним и легко понятным причинам: в частности, многие малайские племена, которые были вытеснены в горы наступающими родственными народами и при этом, несомненно, сократились так же сильно, как и баски в Европе, которые, однако, сохранили довольно постоянную численность в своих горах; так же как и жители островов Варекаури (Чатам) у Новой Зеландии, мореоре. которых в 1832-35 годах насчитывалось еще около 1500, но которые были почти полностью истреблены новозеландцами, предпринявшими в те годы поход на острова Варекаури, так что сейчас их число составляет всего 200 человек: и даже эти быстро уменьшаются в результате ассимиляции с иммигрировавшими маори (Траверс у Петр. 1866, 62). Здесь мы также должны упомянуть чернокожее коренное население Передней Индии, декханские и виндхйские народы, поскольку, по словам Лассена (ind. Alterthumskunde 1, 390), их численность также постепенно сокращается. Раньше они были более распространены, и отдельные остатки их, по-видимому, сохранились (Lassen, там же, 387 ff.) в Гималаях, Белуджистане, Тибете и других местах. Они были вытеснены наступающими арийскими индийцами, и, конечно, не мирным путем, в горы (Lassen 366), где они теперь частично продолжали жить в варварском состоянии, а частично, особенно южные деканские народы, перешли в индийскую культуру (Lassen 364. 371). Подобная судьба постигла различные американские племена, которые были частично уничтожены другими, более могущественными индейскими народами, а частично были поглощены ими; также упоминается о подобном смешении отдельных народов готтентотов с племенами кафров (Waitz 2, 318).

Однако некоторые народы кажутся уменьшившимися или даже исчезнувшими, хотя на самом деле это не так. Как показывает Вайтц 1, 159-160, такое впечатление создается частично из-за изменения названий, когда ошибочно предполагается, что, поскольку название больше не существует, тот народ также исчез, либо из-за ошибок путешественников, которые слишком широко распространяют некоторые названия, а другие основаны на полном недоразумении, либо из-за неправильной оценки численности населения, которую часто сильно преувеличивают, особенно старые путешественники, например, Кук в отношении Полинезии и т. п.

Однако прежде чем искать причины этого менее легко объяснимого исчезновения коренных народов, мы должны рассмотреть его масштабы, при этом учитывая все части света за пределами Европы.

В Азии вымирают или уже вымерли камчадалы, и их численность сокращалась так быстро, что Лангсдорф (1803-4, спутник Крузенштерна) обнаружил, что поселения (), которые экспедиция Кука и Лаперуза еще видели густонаселенными, полностью опустели. Если Лаперуз в 1787 году нашел на полуострове в целом 4000 жителей (2166), то в это число уже включены русские переселенцы, причем на несколько квадратных миль приходится едва ли один человек. Согласно сообщениям офицера, проживавшего на Камчатке, спутники Кука (1780) обнаружили там всего 3000 жителей, включая Курильские острова; они сами рассказывают, как коренные жители все больше смешиваются с иммигрировавшими русскими, в результате чего их число постоянно уменьшается (Кук 3. R. 4, 175). Спутник Лаперуза Лессеп (41) утверждает, что осталась только четверть коренных камчадалов; и он был там менее чем через столетие после первой экспедиции русских (1696) на Камчатку. Та же участь постигла, помимо якутов и юкагиров в Сибири, Вайтц (1, 164), а также алеутов на островах Фукс и родственные им племена на ближайших побережьях Америки, о которых мы сразу же упомянем, поскольку они, как и камчадалы, находятся под таким же давлением со стороны России. Лангсдорф нашел на островах Фукс только около 300 мужчин, в то время как для 1796 года он указывает 1300, а для 1783-87 годов даже 3000 и более. Рост цифр, который мы наблюдаем в начале этого века, ни в коем случае не обнадеживает. Ведь если Хамиссо (177, вторая примечание) на основании данных из архивов указывает, что в 1806 году на островах Фукс проживало 1334 мужчины и 570 женщин, а в 1817 году — 462 мужчины и 584 женщины, то, во-первых, он сам ставит под сомнение эти, безусловно, поразительные цифры; во-вторых, даже если они верны, то Лангсдорф ошибался, и численность населения не увеличилась за счет русских иммигрантов: снижение численности населения в 1806-1817 годах, безусловно, столь же серьезно, как мы видим это в описании Лангсдорфа. Официальный отчет 1860 года у Петр. 1863, 70, указывает 4645 жителей Фуксовских островов: однако здесь в любом случае учтены русские, которые в настоящее время проживают на островах, хотя метисы, 1896 душ, указаны отдельно, и это увеличение, которое равномерно наблюдается на Камчатке, является лишь кажущимся.

Известно о вымирании коренного населения Америки, численность которого в Северной Америке на момент открытия оценивается примерно в 16 миллионов человек, а сейчас едва достигает 2 миллионов (Waitz b, 16). В 1864 году число индейцев в Соединенных Штатах составляло около 275 000; в 1860 году их было еще 294 431; а в 1841 году на меньшей территории проживало 342 058 человек, так что за 23 года их число сократилось почти на 70 000 человек (там же, 18). Еще меньшие цифры приводит Бехм (105 ff.), а именно 268 000 независимых индейцев в Соединенных Штатах и 155 000 в британской Северной Америке. И в то время как д'Орбиньи (1838) насчитал 1 685 127 индейцев на большей части Южной Америки, которую он посетил (Waitz b, 16). то и здесь Бем приводит более низкие цифры: по его данным (там же), в Бразилии проживает 500 000 независимых индейцев, в трех Гайанах — 9770, в Венесуэле — 52 400, в Новой Гранаде — 126 000, в Эквадоре — 200 000, в Перу — 400 000, Боливия — 245 000, Чили — 10 000, штаты Аргентинской Республики — 40 000, Патагония и Огненная Земля — 30 000, то есть в общей сложности 1 613 170 человек по всей Южной Америке. Столько же составляло население одного только Чили на момент открытия (Rörpzig 385, примечание) по самым скромным оценкам. В 1800 году в Центральной Америке проживало два с половиной миллиона не смешанных коренных жителей, и эта цифра росла (Humboldt a 1, 107); но на момент открытия население Тенучтитлана, древней столицы Мексики, и близлежащего Тецкуко, по средним оценкам, составляло почти миллион человек, а страна была густо заселена большими и многолюдными городами. Бехм считает, что в настоящее время независимым коренным населением является только 6000 человек (там же), что является чрезвычайно низким показателем по сравнению с данными Гумбольдта: только Бем оценивает здесь только индейцев, «которые полностью ускользают от властей», в

то время как Гумбольдт включает в это число и коренных жителей, которые участвуют в европейской жизни так же, как и испано-мексиканцы. Бехм (114) оценивает их численность в 4 800 000 человек. Конечно, это вымирание продолжается и сейчас, о чем приводит пример фон Чуди 2, 216: малали, арауканский племя, насчитывавший в 1787 году более 500 человек, в то время в результате войн сократился до 26 душ. Хотя они проживают здесь уже 70 лет и живут в безопасности, их число не превышает тридцати человек.

В Африке в первую очередь в поле нашего внимания попадают готтентоты. Если раньше они простирались далеко вглубь Южной Африки и делились на множество отдельных племен, то сейчас мы находим их на гораздо меньшей территории и сократившимися до трех племен: корана, намаква и гриква (Waitz 2, 317 ff.), численность которых постоянно уменьшается. Здесь также следует упомянуть кафров, поскольку в 1857 году население британской Кафрии сократилось более чем наполовину: в начале года оно составляло 104 721 человек, а в конце года — только 52 186 (Peterm. 1859, с. 79, по данным Population Return от главного комиссара Джона Маклина): однако, по данным Бема (100), в 1861 году насчитывалось 74 648 коренных жителей.

Теперь нам остается рассмотреть Австралию и Океанию, где во многих местах население быстро сокращается, в частности в Новой Голландии. Однако именно для этой страны трудно, даже невозможно составить статистику, поскольку племена постоянно перемещаются, и поэтому все цифровые данные очень ненадежны (Grey 2, 246). Цифры, приведенные Майнике (177), вполне это доказывают, и даже данные Бема (72) не более надежны. Точные результаты переписи у него есть только по Южной Австралии, Квинсленду и Виктории, поэтому его общая цифра в 55 000 человек является лишь очень приблизительной. Однако все источники единодушно сообщают, что население, по крайней мере, прибрежных районов стремительно сокращается; что племена, которые раньше насчитывали сотни человек, теперь во многих случаях сократились до десятков. Население Тасмании в 1843 году составляло еще 54 человека, в 1854 году — 16 (Nixon 18), а сейчас, по-видимому, полностью вымерло.

Хотя и не так стремительно, но меланезийцы также сокращаются в различных районах своей территории: так, по данным Рейны (Zeitschr. 4., 360), народы маленьких островов вблизи Новой Гвинеи: так, по данным Д'Урвилля 5, 213, жители Ваникоро, по данным Тернера 494, коренные жители Новых Гебридских островов, например, население Аннеитума в 1860 году, которое Тернер оценивает в 3513 человек, потеряв 1100 человек в результате эпидемии кори (Murray u Behm 77), и население Эрроманго, которое в 1842 году сократилось на треть в результате опасной дизентерии (Тернер, там же); и так далее, можно найти еще различные разрозненные данные.

В Микронезии население Марианских островов, которое при прибытии испанцев в 1668 году насчитывало не менее 78 000 жителей, но для которого цифра в 100 000 также не является завышенной (Gulick 170), полностью вымерло. Уже к 1720 году на островах (а именно только на двух самых южных) проживало не более 2000 человек, и многие из них были тагалами, переселенными с Филиппин. По данным Хейла (82) насчитывал 15 000 жителей, что, возможно, является несколько завышенной, но не сильно завышенной оценкой^[1]; сейчас (Gulick 358) на нем проживает еще 5000 человек, на Кусайе (Уалан) в 1852 году проживало 12-1300 человек, а в 1862 году — только 700 (Gulick 245).

В Полинезии на Таити в эпоху Кука (1770) население составляло около 15-16 000 человек (Г. Форстер по испанскому описанию Таити 1778 года, соч. 4,211, Братринг 104, который следует тому же источнику или, по крайней мере, близкому к нему). Тот же самый показатель

был зафиксирован Уилсоном в 1797 году; Тернбулл (259) указывает только 5000 в 1803 году, Вальдеgrave у Майнике b, 113 6000 для 1830 года и Эллис 1, 102 для 1820 года около 10 000, которое число Виргин также указывает для 1852 года (2, 41). Даже если эти цифры являются неопределенными и колеблющимися, а данные Тернбулла — негативно преувеличенными, совершенно ясно, что с момента открытия европейцами этот остров, который, по словам туземцев (Virgin 2, 41), уже ранее начал обезлюдеть, быстро депопулировался; по данным, численность населения сократилась более чем наполовину. На остальных островах Общества соотношение (Meinicke, указ. соч.) было аналогичным. И сейчас вымирание, хотя и более медленное, по-видимому, продолжается: официальный французский отчет за 1862 год указывает для Таити 9086 жителей (Behm 81).

На Лайваваи, одном из Австралийских островов, население в 1822 году составляло не менее 1200 человек, в 1830 году — только около 120, а в 1834 году — едва 100 душ (Mörenhout 1, 143). Более благоприятна оценка Майнике, который предполагает, что на всей группе островов в конце 1830 года проживало около 5000 человек, а в 1840 году — только 2000 (там же, 114). Ванкувер оценил население Рапы в 1795 году в 1500 человек, Меренхат (1, 139) в 1834 году насчитывал всего 300 человек, и их число постоянно уменьшалось. Группа островов Херви, население которой Эллис 1, 102 оценивает в 10-11 000 человек, теперь также гораздо менее заселена, особенно остров Раротонга, который сильно пострадал от страшной эпидемии (Williams 281).

Столь же плохая ситуация и на Гавайях, где, по данным Омштедта 262, в 1832-36 годах население сократилось с 130 000 до 102 000 человек, то есть за 4 года на 28 000 человек! Даже если Омштедт прав в том, что данные о численности населения за 1836 год занижены, поскольку многие роды не были зарегистрированы, тем не менее, сокращение населения остается чрезвычайно значительным, тем более что в эпоху Кука, который указывает 400 000 жителей, по подсчетам Джарвеса (373) на острове проживало около 300 000 человек. Цифры у Майнике (b, 115-16 по данным Sandwich Isl. gazette) не совсем совпадают, но соотношение уменьшения остается неизменным, даже если мы следуем им. По данным Virgin 1, 267, в 1823 году на Гавайях проживало около 142 000 человек, в 1832 году — 130 313, в 1836 году — 108 579, а в 1850 году — всего 84 165! Таким образом, за 78 лет население сократилось на треть, а соотношение рождаемости и смертности составило 1:3! И сейчас это сокращение продолжается: по данным переписи 1860 года, число коренных жителей составляло всего 67 084 души (Behm 85).

Даже на архипелаге Маркиз, население которого, по данным Meinicke (b, 115), составляет 22 000 человек, отмечается сокращение: так, с 1806 по 1812 год Нукухива (Rodriguet в Revue de 2 mondes 1859 2, 638) потеряла две трети своего населения из-за голода. На Новой Зеландии за последние 14 лет сокращение населения составило около 19-20 процентов; в 1770 году оно составляло около 100 000 человек, а в 1859 году — уже 56 000 (Hochstetter 474, по данным Фентона). Согласно официальным отчетам в Athenäum (Zeitschr. 9, 325), которые не совсем совпадают с данными Hochstetter, в 1858 году число коренных жителей составляло 87 766 человек, причем, что достаточно примечательно, 31 667 мужчин и 56 099 женщин. Напротив, официальные отчеты 1861 года (Meinicke с 557) совпадают с данными Hochstetter: в них указано 55 336 коренных жителей. Последнее число, вероятно, является более правильным. По данным Фентона (Reise der Novara 3, 178), до 1830 года соотношение смертности и рождаемости к общей численности населения составляло 1: 33,04 и 1: 67,12.

На Самоа, по данным Эрскина 104, население, составляющее 37 000 душ, также сокращается, и, согласно отчетам миссионеров, за 10 лет на одном из островов оно сократилось с 4000 до 3700 или 3600 человек (там же, 60).

По мнению Валланда, который обнаружил на острове чрезвычайно малое количество детей — всего пять (Zeitschr. 16, 420), вымирают и паге на Энгано, малайское племя, сходное с полинезийцами, проживающее на небольшом острове к югу от Суматры.

§ 2. Восприимчивость коренных народов к миазмам. Болезни, возникающие спонтанно при встрече коренных и культурных народов.

Приступая к поиску причин этого исчезновения, давайте сначала послушаем, как высказывались о нежизнеспособности этих племен. Пёппиг (386) говорит об Америке: «Несомненным фактом является то, что люди с медным цветом кожи не переносят распространение европейской цивилизации в своей близости, но в ее атмосфере, не подвергаясь воздействию алкоголя, эпидемических болезней или войн, все же умирают, как будто их коснулся ядовитый дыхание. Многочисленные попытки правительств так и не смогли привить этой расе обычаи и гражданственность, поскольку ей не хватает необходимой совершенности. Этот недостаток сводит на нет продуманные и гуманные планы воспитания и оправдывает сравнение этой расы с той низкой растительностью, обладающей своеобразной физиогномикой, которая первая заселяет выходящую из моря землю, но по мере развития более высокоразвитых и сильных растений сокращается и в конце концов исчезает навсегда. Как бы ни сопротивлялись человеческие чувства такому предположению, мы все же считаем, что в американцах мы видим ветвь нашего рода, *обреченную самой природой на гибель*. На освободившееся место приходит *более умная*, более подвижная, происходящая с Востока большая семья. По мере того как она, подчиняясь своему предназначению, распространяется по всему миру и подчиняет себе самые отдаленные дикие земли, коренное население погружается в смертельный сон и исчезает даже из памяти нового народа. Менее чем через столетие исследования о первых обитателях целого континента, возможно, будут переданы в область археологии, и только тогда трагичность и загадочность их судьбы будут поняты (?) и глубоко прочувствованы».

Так писал в 1840 году немецкий ученый, совершивший длительные путешествия по Америке. Сюда же относятся фантазии Каруса о народах дня, ночи и сумерек (17 и далее); его западные народы сумерек, «те, кто действительно обречены на гибель и все больше и больше приближаются к своему исчезновению», — это американцы; его народы ночи, которые «простираются над Африкой и простираются на юг через Австралию (!), Землю Ван-Димена и часть Новой Зеландии (как Папус!!)», находятся еще ниже в своем духовном развитии и способностях. Meinicke, похоже, придерживается очень похожего мнения о новоголландцах, как и Rörrig об американцах, только выражается более завуалированно; однако он называет их «обреченным на гибель» племенем (с 522) и говорит здесь п. а 2, 215 об их «полной невосприимчивости». Гораздо более прямо говорили о негибимости, о неизбежном гибели, о низкой жизнеспособности низших и плохо организованных рас в Америке (Waitz 3, 45) и колониях в Африке, Новой Голландии и Полинезии; поскольку тогда еще не задумывались о том, чтобы всеми средствами ускорить гибель, которой эти расы все равно были обречены, чтобы на их руинах могла развиваться лучшая жизнь более высокоразвитых рас.

Но даже беспристрастные исследователи видят в этом исчезновении нечто загадочное, как пишет Вайтц 1, 173, по крайней мере в отношении Австралии и Полинезии, поскольку здесь одна из главных причин депопуляции, которая была столь эффективной в Америке, — давление со стороны белых — в Полинезии полностью отсутствует, а в Австралии, по крайней мере, не имела широкого влияния. «Понятно, однако, продолжает он, что исчезновение народа, который раньше был сильным и здоровым, не объясняется тем, что ему отказывают в жизненной силе или приписывают изначальный недостаток организации, и само по себе очень неудовлетворительно для такого редкого и аномального явления предполагать таинственную связь, которой оно обязано своим возникновением; скорее, здесь, как и везде, нужно искать естественную связь между вещами, даже если в конце концов придется признать, что до сих пор не удалось полностью ее прояснить».

Посмотрим, будем ли мы вынуждены признать это.

Даже Дарвин (2, 213) видит в этом вымирании, для которого он приводит много естественных причин, «еще какую-то более загадочную силу». «Человеческие расы, говорит он, кажутся взаимодействующими друг с другом таким же образом, как различные виды животных, из которых более сильные уничтожают более слабые». Он обращает внимание на то, что почти при каждом контакте между дикими народами и белыми, часто даже между племенами одного и того же народа, проживающими в разных районах, возникают эпидемические заболевания, часто при полном здоровье экипажа корабля и народа, который он посещает, «от которых страдает в первую очередь более низкая из двух рас, то есть коренное население, которое посещают чужаки в своей стране» (Waitz 1, 162). И примеров этому можно привести множество. Так, Гумбольдт (а 4, 392) говорит, что в Панаме и Калао начало крупных эпидемий желтой лихорадки «чаще всего обозначается прибытием нескольких кораблей из Чили», хотя сама Чили является одной из самых здоровых стран мира и желтой лихорадки там вообще не знают; но вредные последствия чрезвычайно нагретого и испорченного смесью гнилостных испарений воздуха, к которому привыкли органы коренных жителей, сильно влияют на людей из более холодных регионов. Аналогичная ситуация наблюдается с вспышкой желтой лихорадки в Центральной и Северной Америке, в занесении которой в одну из этих областей так часто обвиняют посетителей из другой (Гумбольдт, там же, 384). «Жестокая эпидемия» 1794 года, когда Веракрус был необычайно сильно поражен желтой лихорадкой, началась с прибытия трех военных кораблей (там же, 423). Точно так же жители Египта приписывают вспышку чумы прибытию греческих кораблей, а жители Греции и Константинополя — египетских (там же, 384), хотя не всегда можно говорить о заносе инфекции. На Рапе (Австралийские острова) смертельные болезни появились после посещения английских кораблей, которые унесли половину коренного населения (Mögenh. 1, 139); на Тубуаи (Австралийские острова) население было сокращено до 150 человек в результате болезней, появившихся вместе с миссией в 1822 году (там же, 2, 343). Райвавай, который в 1822 году еще насчитывал 1200 жителей, в 1830 году имел около 120 из-за той же участи (там же, 1, 143). Уильямс (283-84) говорит, что по его собственному опыту, большинство эпидемий, которые он видел в южных морях, были вызваны кораблями, экипаж которых был совершенно здоров и общался с туземцами только разрешенным, обычным образом. Первая встреча между европейцами и туземцами, говорит он, почти всегда сопровождается лихорадкой, дизентерией и т. п.; так, на Рапе вымерла половина туземцев; так возникла страшная эпидемия на Раротонге (острова Херви), которую он описывает на стр. 282. То же самое говорит Виргин 1, 268: «Даже кратковременные визиты судов на островах Южного моря вызывали болезни более или менее опасного характера, которые проявлялись даже спустя долгое время. Это происходило даже несмотря на то, что экипаж кораблей был совершенно здоров, и болезни не всегда были такими, которые могли

бы передаваться путем фактического заражения или которые в Европе относятся к числу тех, которые, как правило, более или менее смертельны». О Таити Братринг 145 рассказывает, что в 1775 году при присутствии испанцев под командованием Боенечеа вспыхнула заразная катаральная лихорадка. После визита Кука остров страдал от дизентерии (Mörehn. 2, 425), и сами таитяне уже в 1800 году приписывали все болезни контактам с иностранными кораблями (Тернбулл 266). Бичи 1, 94-95 сообщает о подобном на островах Питкэрн. В дождливую погоду и при случайных визитах кораблей, говорит он, туземцы (смешанное население таитян и англичан) сильнее страдают от прилива крови (плетора) и язв, чем обычно; они твердо верят, что эти болезни являются результатом общения с их гостями, даже если те сами совершенно здоровы. Один корабль, по их мнению, принес им головные боли, другой — чесотку, третий — язвы и т. д., и они ожидали того же от корабля Бичи, экипаж которого был совершенно здоров: да, они уже чувствовали головную боль и головокружение. Бичи объясняет эти совпадения изменением их образа жизни во время таких визитов, поскольку они, в отличие от своих обычных привычек, едят много мяса и носят более богатую одежду. О Меланезии (Танна) Тернер 91 рассказывает то же самое, согласно заявлениям туземцев, которые называют все болезни, такие как лихорадка, дизентерия, кашель и т. п., «чужими вещами». Это мнение было распространено и на Целебесе (Waitz 1, 163), а также среди древних марианцев, которые утверждали, что после каждого прихода иностранного (европейского) корабля их остров поражала эпидемия; так, в 1688 году корабль из Мексики, груженный преступниками, потерпел крушение у острова, принес с собой ревматизм, лихорадку, кровотечения (le Gobien 376), и туземцы считали, что все болезни были завезены испанцами (там же, 140). Жители острова Сент-Килда (к западу от Гебридских островов у Шотландии) твердо убеждены, основываясь на своем многолетнем опыте, что посещение иностранца приносит им простуду (Massculloch у Darwin 2, 214).

Согласно медицинской части путешествия Новары (1, 225), туземцы Никобарских островов верят, что кокосы падают с деревьев, как только миссионер ступает на остров. Возможно, это широко распространенное мнение и является причиной того, что в Понапи, как только появляется корабль, люди бегут, а священник торжественно взывает к богам о помощи (Gulick 175), если мы здесь не имеем дело с чем-то религиозным. В любом случае, следует отметить, что до знакомства с европейцами коренные народы почти ничего не знали о болезнях; ни марианцы (le Gobien 140), ни остальные микронезийцы (Chamisso), ни полинезийцы, из которых, конечно, новозеландцы, хотя состояние здоровья на их острове в целом было превосходным, рассказывали о тяжелых эпидемиях, которые поразили их еще до прихода Кука (Dieffenbach 2, 12-14), ни новголландцы, готтентоты и американцы (Waitz 1, 140-41).

Для индейских племен последствия таких эпидемий усугубляются следующим, о чем говорит фон Чуди, один из выдающихся знатоков американских народов, 2, 216: «Очень своеобразным явлением является то, что индейские племена, численность которых внезапно сильно сократилась в результате войн или эпидемий, как правило, никогда не восстанавливаются и обычно десятилетиями чахнут, оставаясь лишь небольшими семьями, пока наконец не вымирают полностью. У них больше не наблюдается прогрессивного роста численности, как это было до сокрушительного удара и как наблюдается у других народов, живущих в тех же физических условиях. Насколько мне известно, это явление еще нигде не обсуждалось. Я обнаружил его как правило при тщательном изучении истории индейцев Северной и Южной Америки. Основной причиной является значительное снижение фертильности женщин, однако трудно определить, на каких физиологических факторах оно основано». Конечно, Вайтц (1, 163) приводит примеры, свидетельствующие об обратном:

крики (по Симпсону), винибегги (по Скулкрафту), апачи (Кендалл) и т. д. восстановились после тяжелых эпидемий. Мы вернемся к этому вопросу позже.

Теперь пытаются объяснить это поразительное явление, когда болезни возникают при контакте здоровых людей, но происходящих из разных регионов или рас. Дарвин, услышав в Шропшире, что здоровые овцы, привезенные на кораблях и помещенные в загон с другими, заражают их, считает, что испарения от людей — и, судя по последнему примеру, от животных, — которые долгое время находились в замкнутом пространстве, оказывают токсическое воздействие на других, особенно если они принадлежат к разным расам (2, 214); мнение, которое, однако, не подтверждается ни с медицинской точки зрения, ни опытом.

Однако если согласиться с Вайцем в том, что при встрече разных рас, даже при полном здоровье обеих, иногда возникают болезни, которые в большинстве случаев поражают низшую расу, то, с одной стороны, слово «низшая раса» может вызвать некоторое недоразумение, а с другой стороны, само по себе это обобщение явления ничего не объясняет. К тому же, например, отчет Гумбольдта о желтой лихорадке в Панаме и Калье относится к одной и той же расе, как и данные Дарвина об овцах. А если посмотреть на историю цивилизованных народов, то можно обнаружить похожее явление: новая форма болезни распространяется гораздо шире и разрушительнее, чем постоянно существующая; так было с чумой, черной смертью, оспой, холерой и т. д., которые затем часто постепенно исчезали. Оспа же была обезврежена путем прививки родственной, но более безвредной формы болезни. Таким образом, кажется, что человеческий организм тем более восприимчив к миазмам или болезнетворным веществам, чем дальше и свободнее он был от них ранее. Но если он, как в случае с прививкой от оспы, подвергается воздействию минимального количества яда и тем самым изменяется, так что постепенно привыкает к этому враждебному веществу, которое его собственная природа в некоторой степени ассимилировала: таким образом, он приобрел способность сопротивляться болезни, поскольку она теперь уже не является абсолютно враждебной его природе; поэтому такие эпидемии постепенно исчезают, поскольку выжившие постепенно становятся физически все более крепкими благодаря вдыханию миазматического воздуха. Однако такая привыкаемость ни в коем случае не помогает навсегда, так как оспы необходимо вводить заново через определенные промежутки времени. Любопытно, но достаточно важно для нас то, что Гумбольдт а 1, 92 говорит об этой болезни в Мексике: «оспа, кажется, наносит свои разрушения только раз в 17 лет. В экваториальных районах» — но разве это не относится ко всем районам или, по крайней мере, ко всем людям одинаково? — «они, как черная рвота и многие другие болезни, имеют свои фиксированные периоды, в которые они регулярно повторяются: и можно полагать, что в этих странах предрасположенность туземцев к определенным миазмам обновляется только в очень отдаленных друг от друга периодах; поскольку оспа, семена которой очень часто привозятся на европейских кораблях, становится эпидемической только через значительные промежутки времени, но тем более опасной для взрослых». Все это, кажется, в значительной степени подтверждает наше вышеуказанное предположение. Европейец, цивилизованный человек, постоянно сталкивается с бесконечно большим количеством болезнетворных веществ и миазмов, в большинстве случаев даже не замечая этого, чем человек, живущий в естественных условиях и на лоне природы. И не только благодаря привыканию с детства, но и благодаря наследственной адаптации от родителей и дедушек и бабушек он обладает гораздо большей устойчивостью к таким вредным воздействиям, чем те, кто раньше жил в изоляции, и, в частности, те, кто, возможно, впервые сталкивается с этими воздействиями уже во взрослом возрасте. Против этого не говорит тот факт, что отдельные представители коренных народов

прожили здоровой жизнью в Европе в течение длительного времени. Ведь в большинстве случаев это было привыкание с юности, и в любом случае все такие случаи можно использовать в научных целях только тогда, если можно проследить историю посетителя, его характер, характер его народа и т. д. в деталях. Кстати, есть достаточно примеров того, что такие визиты заканчивались неудачно: Лихолихо, сын Тамехамена I, и его супруга умерли во время пребывания в Англии, где им уделяли всевозможную заботу, от кори, быстро прогрессирующей болезни; а принц Либу, которого Уилсон в конце прошлого века привез из островов Палау в Англию и где он был очень заботливо ухаживаем, умер от похожей болезни вскоре после своего прибытия (Кит, Острова Пелева, заключение). Сейчас такие визиты имеют еще меньшее значение, поскольку большинство народов уже знакомы с белой расой.

После всего этого не было бы ничего удивительного и загадочного в том, что дикие народы, тем менее защищенные какой-либо привычкой, тем более восприимчивы и чувствительны к таким миазмам, которые могут быть занесены совершенно незаметно даже совершенно здоровыми людьми; поэтому такие болезни, которые, казалось бы, возникают необъяснимо, бушуют с такой же яростью, как в былые времена чума. Так, Уильямс (280 ff.) рассказывает, что во время той эпидемии на Раротонге из нескольких тысяч жителей почти ни один не остался полностью незатронутым. — Болезни, которые, по-видимому, возникают наиболее спонтанно, — это дизентерия, грипп, лихорадка, кровотечения, язвы, кашель и кожные заболевания. (Некоторые источники: Тернер 91; Диффенбах 2, 12-14; Ле Гобьен 376; Бичи 1, 94-95.)

Может привлечь внимание то, что упоминаются также язвы. Возникающие болезни зависят, с одной стороны, от миазмов, которые их вызывают, а с другой — и, пожалуй, в особенности, от природы зараженного. Как и в случае с господствующими эпидемиями или вблизи переполненных больниц, любая болезнь, любая, часто самая незначительная рана, может усугубиться под токсичным воздействием миазмов и даже привести к смерти, даже не переходя в господствующую форму болезни: так же естественно, что такие внесенные миазмы воздействуют именно на ту часть инфицированного организма, которая и раньше, в большинстве случаев, конечно, также неосознанно, была самой слабой или как-то возбуждена или поражена при введении миазмов. Это также объясняет, как при одинаковых миазмах — при условии, что они одинаковы, поскольку экипаж корабля может легко привезти с собой несколько различных миазмов () — разные люди, как это нередко бывает (например, у Тёрнера в Меланезии, у Ле Гобьена на Марианских островах, у Бичи на Питкэрне), могут заболеть разными болезнями.

Так объясняется загадочный факт (который подтверждается самыми надежными и разнообразными свидетельствами), что здоровый экипаж корабля может принести болезни здоровым людям^[B]. При этом нельзя не упомянуть о том, что Гумбольдт наблюдал у себя и своих спутников в Центральной Америке: «Часто бывает, — говорит он в 6, 142, — что последствия миазмов проявляются у путешественников только тогда, когда они снова оказываются в более чистом воздухе и начинают восстанавливаться. Определенное умственное напряжение может на время отсрочить действие болезнетворных факторов». Именно этим предложением объясняются некоторые явления, связанные со спонтанными заболеваниями коренных народов — так можно без опаски назвать болезни, которые возникают после простого контакта с цивилизованными народами, без непосредственного заноса инфекции — явления, которые в противном случае должны были бы бросаться в глаза. Так, эти недуги еще не ощущаются во время пребывания европейцев, потому что головокружения и головные боли питкэрнцев во время визита Бичи, безусловно, были

вызваны, по-настоящему полинезийски, предвкушением и преувеличенным воображением; затем, что они гораздо реже проявляются при враждебном столкновении двух рас, которое, конечно, обычно длится меньше, чем дружеский визит. Кроме того, кажется, что перенесенная эпидемия закаляет против различных видов миазмов, хотя нередко один и тот же народ подвергается нескольким эпидемиям подряд (или даже одной и той же эпидемии). Однако почти всегда самый разрушительный является первый приступ.

В любом случае, здесь мы имеем первую причину вымирания диких народов: их легкую восприимчивость к миазмам, которые цивилизованные народы, не зная и не желая того, приносят им вместе со своим здоровьем; и низкую сопротивляемость их организма болезням, вызываемым этими миазмами.

§ 3. Непосредственно завезенные болезни.

К только что обсужденным заболеваниям добавляются и другие, передача которых основана на той же причине, которую мы рассмотрели в предыдущем параграфе, но которые, поскольку их можно считать и доказать как непосредственно завезенные, представляют для наблюдателя гораздо меньшую сложность. К ним относятся самые страшные эпидемии, поразившие первобытные народы, и можно себе представить, насколько разрушительно они повлияли на восприимчивые натуры этих народов. Их занесли не только белые: отдельные ветви одного и того же племени также одарили других такими подарками. Так, из Полинезии из Рапы в Питкэрн была занесена опасная проказа, которая стала угрозой для жителей этого острова; и можно найти другие подобные примеры. Но еще хуже то, что принесли белые, прежде всего сифилис и оспа (). Первая эпидемия достаточно известна везде, где появляются европейцы, и, таким образом, с давних времен в Африке и Америке, куда она была занесена (в Калифорнию, по данным Роллена, корабельного врача Лаперуза, в La Perouse 2, 289; в Гайану, по данным Шомбургка, в 2, 336). Однако она стала особенно опасной для полинезийцев, поскольку здесь ее распространению и передаче очень способствовала чрезвычайная распущенность этих народов; а поскольку полинезийцы были в значительной степени изнежены своими удовольствиями, формы этих болезней становились все более ужасными. Итак, мы находим их здесь от крайнего востока до дальнего запада. На Вайху (Остер-Ин.) она теперь часто заносится европейцами (Mörenhout 1, 26). На Новой Зеландии она встречается, в частности, на побережьях, где туземцы больше всего общаются с европейцами, и настолько сильно, что из-за нее возникает множество спаяк и т. п. (Dieffenbach 2, 17-25). На Тонга она была завезена командой Кука, как рассказывает сам Кук в третьем путешествии 2, 390; однако здесь она не могла иметь слишком сильного воздействия, поскольку Маринер (2, 270) указывает, что на этом архипелаге не было ни одного случая сифилиса и что один случай, связанный с заражением от французов, закончился настолько быстро смертельным исходом, что не имел дальнейших последствий. Но не могла ли разновидность гонореи с *ardor urinae*, которую он упоминает как местную для Тонга, все же происходить от команды Кука? Также на архипелаге Гилберта и островах Ратаки — тех же островах, где в начале этого века Чамиссо провел такие райские дни — сифилис и другие эпидемии были завезены европейскими моряками (Meinicke

Zeitschr. 398), как и вообще Микронезия в целом очень страдала от таких пагубных воздействий (Gulick 245).

Но сильнее всего эта болезнь поразила Таити и Гавайи. На Таити она настолько распространена, что затронула почти каждую семью (Mörenhout 1, 228-29); и уже в 1790 году две пятых населения острова были заражены венерическими заболеваниями (eb. 2, 425). Поскольку эта ужасная болезнь частично не лечилась вовсе, а частично лечилась и лечилась плохо, она стала основной причиной вымирания коренного населения (там же, 2, 405). Ванкувер (1790) говорит о разрушениях, которые она причинила таитянским женщинам (1, 111): поэтому она, должно быть, была распространена уже давно и, без сомнения, была завезена первыми посетителями, будь то Уоллис (в начале 1767 года) или Бугенвиль (1767, 15 апреля), достаточно того, что Кук ее обнаружил. Мейнике (b, 118) пытается доказать, что это зло было распространено в южных морях еще до контакта с европейцами, но ему не удалось это доказать, и его гипотезе противоречат самые авторитетные источники, такие как сам Кук для Таити (третье путешествие 2, 331) и для Гавайев (King ebendas. 4, 379), Тернбулл (291) для Таити и другие. Майнике также не прав, считая свидетельства туземцев совершенно бесполезными, тем более что, по словам Кука, таитяне очень определенно указали на корабль Бугенвиля как на тот, который принес роковой дар, и таким образом ни в коем случае не ограничивались общими утверждениями. Также то, что Кук в том же месте (390-91) говорит о трудности предотвращения заражения, определения здоровья собственной команды и легкости распространения болезни, и, безусловно, очень правильно, говорит против Майнике. Однако он опирается на тот факт, что, хотя Кук сначала высадился только на Атуаи и Онихиау, уже через девять месяцев он обнаружил, что эпидемия распространилась на Мауи — что также приводит Лаперуз в качестве аргумента против заноса болезни Куком, наряду с несколькими другими причинами медицинского характера, которые, однако, не кажутся вполне убедительными (1, 246, 276). Он приписывает первое распространение этой эпидемии испанцам, которые в XVI веке часто посещали Гавайский архипелаг. Даже если бы можно было указать на быстрое распространение болезни, которое было вполне возможно при распушенности и постоянных контактах туземцев, то для наших целей это не имеет значения; достаточно того, что болезнь сейчас распространена повсюду в Полинезии, и сам Майнике признает, что коренные жители обязаны европейцам по крайней мере более тяжелыми формами этой беды. В любом случае, разрушения, которые эта болезнь причинила в Полинезии, даже если Майнике не хочет этого полностью признавать, достаточно ужасны, как единодушно свидетельствуют старые и новые писатели. (См. о Гавайях еще Virgin 1, 265; Rollin y La Perouse 2, 271; о Таити Turnbull 291; Cook третье путешествие 2, 331). Однако кажется, что на Таити сейчас (1852) состояние здоровья населения снова улучшилось (Virgin 2, 41). Также упоминаются примеры из прошлого (Кук, там же, 2, 331), когда инфицированные, хотя и достаточно редко, выздоравливали сами по себе. Только в Тонга, судя по отчету Маринера, благодаря более целомудренному образу жизни тонганцев, болезнь, по крайней мере, не распространилась или постепенно приняла более легкие формы.

Эпидемия распространилась и среди туземцев Новой Голландии, и здесь также Майнике (a 2, 179) считает «крайне маловероятным» предположение, что она была занесена европейцами, поскольку при основании колонии Сидней, а также в последнее время эта болезнь была обнаружена в глубине континента. Как будто это могло бы быть заметно при кочевом образе жизни этих племен! Как будто они не были в многократном контакте с европейцами, и уж точно не с самыми чистыми, еще до основания колонии! Алеутам, у которых Кук уже обнаружил эту болезнь (третье путешествие 3, 265), и камчадалам это бедствие принесли русские, торговцы мехом. Но поскольку камчадалы также были склонны к

разврату, будь то в пьянстве или в любви, то и здесь его последствия не лишены значения для нашего рассмотрения.

Гораздо хуже и более широко распространилась оспа, страшнейшее бедствие всех диких народов. Наиболее известны случаи ее распространения в Америке, где она впервые появилась в северной части около 1630 года (Waitz b, 15). Она унесла девять десятых северных индейцев; манданы почти полностью вымерли в 1837 году, а число черноногих сократилось с 30-40 000 до 1000: аналогичная судьба постигла и другие североамериканские племена, индейцев-воронов, минетарис, куманчей, риккарис; две трети омахов и коренных жителей Орегона, половина калифорнийцев (Waitz 1, 161). Аналогичным образом они сеяли ужас среди народов Южной Америки, индейцев Парагвая и Гран-Чако, пуэльчей, карибов, арауканов, в Перу, на Мараноне, в Гайане, где они уничтожили целые племена. Однако, как свидетельствует Гумбольдт b 4, 224, они никогда не появлялись в верховьях Ориноко, хотя и продемонстрировали всю свою жестокость среди народов Бразилии, среди чайма, которые были уничтожены ими в 1730-36 годах (Humboldt eb. 2, 180), среди чикита (Waitz 3, 533), которые сильно пострадали от них. Не менее жестоко они проявились и среди культурных племен Америки.

В Мексике, по словам Торрибио, оспа впервые появилась в 1520 году, занесенная негром-рабом, и сразу же унесла половину мексиканцев (Гумбольдт, а 1, 97); по данным Эрреры, она появилась уже в 1518 году (Rörpzig 373), а в 1517 году с такими же разрушительными последствиями, но не унося жизни ни одного европейца, она появилась на Антильских островах, к обезлюдению которых она в значительной степени привела. Повсюду, по всей Америке, опустошения были настолько сильны, что мертвые иногда оставались непогребенными из-за нехватки рук (Waitz b, 15). Понятно, что когда вспыхивала оспа, индейцы в крайнем ужасе часто сжигали свои хижины, убивали своих детей и бежали в одиночество (Humboldt b 4, 224); или что, например, чилийцы сжигали хижины вместе с больными, лежащими в них (Waitz 1, 161). Вайтц считает, и мы с ним согласны, поскольку все источники свидетельствуют о том, что эта болезнь унесла больше жизней, чем война и крепкий алкоголь вместе взятые, что ей, безусловно, подверглись от половины до двух третей коренного населения Америки.

Но опустошительные последствия оспы не ограничились только Америкой. В 1767 году она была завезена русским солдатом на Камчатку и бушевала там как чума: погибло не менее 20 000 камчадалов, курильцев и коряков. Целые деревни вымерли, и спутники Кука обнаружили множество совершенно пустых деревень. В другой деревне, населенной до эпидемии 360 людьми, после нее осталось всего 36 душ (Кук, 3-е путешествие, 4, 174-75). Подобные, хотя и менее сильные эпидемии произошли в 1800 и 1801 годах, унеся жизни около 5000 камчадалов и оказав такое разрушительное воздействие на и без того давно сокращающееся население, что в восточных (небольших деревнях в глубине материка), которые раньше насчитывали в основном 30-40 жителей, впоследствии осталось всего 8-10, а в некоторых случаях 15-20 жителей (Крузенштерн 3, 49. 52. 2. Часть, 2. Раздел. Глава 8).

В Новой Голландии оспа впервые вспыхнула в 1789 году и опустошила весь Камберленд; в 1830 году она опустошила внутренние районы Восточной Австралии вплоть до северного побережья (Meinicke a 2, 179). Согласно Meinicke a.a.O., эта эпидемия также возникла спонтанно среди коренного населения без заноса извне. О страшной эпидемии оспы на Понпапи (Пуинипет, Банабе, Каролинские острова) рассказывает Novarareise 2, 395: болезнь была занесена английским матросом и унесла жизни 3000 человек; в живых осталось 2000. На Гавайях в 1853 году от оспы умерло 5-6000 человек (Waitz 1, 176).

Число готтентофов, по крайней мере в окрестностях Кейптауна, также значительно сократилось из-за оспы (Waitz 2, 346).

Помимо этой болезни, среди первобытных народов свирепствовали корь и краснуха, например, в Бразилии, Гайане, в стране москитов (Waitz 1, 162), в Новой Голландии (Darwin 2, 213); и еще более опасны различные лихорадки, которые, например, сильно поразили индейцев Орегона, а в 1823 году численность верхних чинуков сократилась с 10 000 до 500 человек, причем так быстро, что выживших не хватило, чтобы похоронить мертвых (Wilkes и Haie у Waitz 1, 162).

Но эти лихорадки привели нас к эпидемиям, которым подвергались коренные народы до появления европейцев. Эпидемические заболевания до этого были редки, но все же встречались. Например, та эпидемия, которая бушевала до прихода Кука на восточном побережье Новой Зеландии, причем настолько сильно и быстро, что и здесь не всех умерших удалось похоронить (Dieffenbach 2, 12-14); также лихорадки, которые, по-видимому, вызваны климатом и являются эпидемическими на Ориноко (Гумбольдт b 4, 215), и, прежде всего, та самая печально известная мексиканская болезнь, называемая туземцами матлазауатль, ужасная желчная лихорадка, схожая с желтой лихорадкой, сопровождающаяся кровотечением, которая уже задолго до прибытия Кортеса в Мексику, вероятно, еще в XI веке среди тольтеков, которые в то время еще проживали в Северной Америке (Гумбольдт a 4, 379), так как эта болезнь легко переносится в холодные зоны и «с незапамятных времен поражает меднокожую расу в обеих частях Америки» (там же, 380). Насколько ужасной была эта болезнь, видно из цифр, которые Торквемада приводит для двух эпидемий 1545 и 1576 годов: в 1545 году умерло 800 000, а в 1576 году — два миллиона индейцев (Humboldt a 1, 97). Даже если Гумбольдт, несмотря на то, что он оговаривается, сомневается в достоверности данных Торквемады, прав — а он, безусловно, прав — в том, что эти цифры основаны лишь на приблизительных и неточных, возможно, завышенных оценках: даже если мы уменьшим эти цифры вдвое, какая ужасная потеря человеческих жизней все равно остается! Гумбольдт считает (там же), что эта болезнь также проявляется раз в сто лет: но поскольку он указывает 4379, 1545, 1576, 1736, 1761 и 1762 годами, в которые эта болезнь бушевала, то, если периодичность этой болезни верна, ее появление в отдельные годы ограничивается племенами и регионами, в которых ее раньше не было.

Одной из главных причин ужасающего воздействия таких завезенных болезней, к которой мы вернемся позже, является то, что Гумбольдт говорит в 4, 410-11: «Угнетенное состояние духа и страх, естественно, усиливают предрасположенность органов к поглощению миазмов; поэтому неудивительно, что такие эпидемии особенно сильны, когда они заносятся победоносными завоевателями».

§4. Лечение больных у первобытных народов.

Все эти болезни, которые были достаточно опасны для первобытных народов в силу их собственной природы, становились еще более опасными из-за совершенно неправильного подхода этих народов к лечению болезней. Сифилис стал настолько опасен в Полинезии, что, с одной стороны, им вообще не занимались, а с другой — когда занимались, то только

усугубляли болезнь. Так, в опьяняющем каватранке, приготовленном из корней *Piper methysticum*, люди видели средство против этой болезни, но на самом деле не было ничего более опасного, чем применять это средство при данной болезни, которое, как и следовало ожидать, только усугубляло последствия эпидемии (Mörenhout 2, 405). В Америке против оспы применяли в основном паровые ванны с немедленным последующим обтиранием холодной водой, а в Новой Голландии и Полинезии — еще и другие, еще более глупые средства; естественно, что уже эти методы лечения почти всегда приводили к летальному исходу. Однако то, что эти народы не знали, как помочь себе при новых неизвестных болезнях, не удивляет нас, если мы посмотрим, как они обычно ведут себя по отношению к больным.

Новые голландцы для своих больных имеют только одну церемонию священников, которые изгоняют злого духа, сидящего в больном, или заклятие, которое делает его больным, вытаскивая из больного под всевозможными уловками камень, обычно блестящий кусок кварца, и тем самым освобождая его от заклятия, заключенного в этом камне (Grey 2, 337). Поскольку любая болезнь основана на колдовстве, а именно на частом извлечении души, которая находится в почечной жире (Howitt 189), в некоторых районах больного смазывали почечным жиром того, кого считали скрытым убийцей и кому его часто вырезали еще при жизни (Angas 1, 123): или пытались высасывать болезнь из соответствующей конечности, удалять ее путем кровопускания, изгонять злого духа, мя, бя, пиная и иным образом издеваясь над больным, и т. п. Более умелыми в лечении внешних травм являются новоголландцы; у них также есть некоторые рациональные средства против укусов ядовитых змей (Brehm Thierleben 5, 262).

Примерно такую же картину можно нарисовать и о медицине всех диких народов. На островах Фиджи тяжело больных уже считают мертвыми, наряжают и выставляют напоказ (Williams und Calvert 183); к ним не проявляют никакого уважения, а, напротив, считают их злонамеренными и верят, что они намеренно мучают здоровых, и не испытывают к ним ни малейшего сострадания (там же, 188). То же самое и в Меланезии. Очень часто больных без промедления убивают или выбрасывают, например, на острове Фихтен (Cheyne 88). На Вате (Новые Гебриды) фантазирующих больных убивают сразу, чтобы они не могли заразить других (Тернер 444); их и других тяжело больных хоронят заживо (450). То же самое делают айеты Филиппин, негритянское население гор Лусона, с тяжелобольными (de la Gironière *Aventures d'un gentilhomme Breton aux îles Philippines* 325). В других районах Меланезии (на небольших островах у Новой Гвинеи) больные садятся на берегу моря и едят, что могут, поскольку не едящие больные сразу же убиваются. Больные конечности они перевязывают, чтобы поймать демона, вызывающего болезнь (Reina в журнале 4, 360). Ведь и здесь любая болезнь считается колдовством (Turner 18-19), хотя меланезийцы знают и кровопускание, и другие подобные средства (там же, 92). В Микронезии тоже либо убивали больных (толкая их в море в протекающей лодке, Hale 80), либо применяли магию, чтобы вылечить их, как и на Марианских островах (le Gobien 47).

И не иначе было в Полинезии. Здесь тоже их часто убивали или относились к ним совершенно равнодушно, и каждый больной заботился о себе, как мог, то есть уходил в лес или в уединение и либо выздоравливал, либо не возвращался обратно. На Нукухиве тяжелобольным зажимали рот и нос, чтобы удержать дух (Матиас Г***, 115); то же самое делали в Южной Америке у моксо (Вайтц 3, 538; b 151). В Тонга лечение больных заключалось почти исключительно в том, что их таскали от одного храма к другому, чтобы молить священников и богов о пощаде; чем тяжелее был больной, тем дальше его таскали — и тем самым естественным образом приводили к его смерти (Mariner 1, 110; 362 ff. и др.). Или, как

на Таити и в других частях Полинезии, приносили в жертву детей или рабов, чтобы спасти жизнь более знатного человека. Однако тонганцы были неплохими хирургами и осмеливались проводить опасные операции. Также применялись скарификация и использование соков определенных растений (Mariner 2, 267-270). Как и у них, так и в других частях Полинезии болезнь считается колдовством или местью и наказанием богов: в Новой Зеландии (Dieffenb. 2, 59 ff.); на Таити (Bratring 181-82, Mörenh. 1, 543); в Нукухиве (Math. G. 228); и на Гавайях (Tuermann u. Bennet 1, 129). Поэтому и здесь наиболее распространенными средствами были жертвоприношения и молитвы. Только в Новой Зеландии, по-видимому, действовали более разумно. По крайней мере, туземцы знали о целебной силе своих горячих источников и использовали их для лечения больных детей (Dieffenb. 1, 246), больным давали легкую пищу, использовали пары от настоев растений (настои растений были известны также марианцам, по словам Ле Гобьена), растирания теплыми соками растений и т. п. (Dieffenb. 2, 41). Паровые бани и сразу после них холодные обтирания также были в ходу (Mörenhout 2, 164), а разминание конечностей было распространено повсеместно: на Нукухиве, Таити, Гавайях и т. д. На Таити любую болезнь считали проявлением божественного гнева, поэтому принимать лекарства считалось грехом (Turnbull 260), к которым они также испытывают непреодолимое отвращение (292). Если туземец этого острова заболевает, его сразу же избегают все родственники и соотечественники: он совершенно беспомощен и предоставлен сам себе (), что мстит ему достаточно жестоко: ведь самые распространенные у них болезни легко излечиваются при небольшом уходе, но становятся смертельными при пренебрежении (Turnbull 260 и 292). Как и все полинезийцы, они были искусными хирургами (Mörenhout 1, 161).

В Америке мы находим практически то же самое. Ведь мексиканцы, хотя и были искусными хирургами и знали многие медицинские средства, все же возлагали свои самые твердые надежды на суеверные средства (Waitz 4, 165, 174). Калифорнийцы пытались излечить болезнь, дуя и высасывая больную конечность или принося в жертву или калеча других (Waitz 4, 250). Отсасывание, дутье и растирание считались основными средствами лечения и на Гаити, где, что достаточно странно, врачи применяли ту же церемонию, что и современные голландцы: они извлекали из рта больного камень, который, по их мнению, был причиной всех болезней. Тяжелобольных, как и в Микронезии, выносили на улицу или, как в Нукухиве, задушали (Waitz 4, 327). Извлечение камня или кости из тела больного практиковалось на бразильском материке среди племени паягуа (Azara 269). В Перу, несмотря на то, что были известны некоторые лекарственные растения, применялись очистительные средства и кровопускание, лечебные методы почти полностью основывались на магии (Waitz 4, 463). В Северной Америке почти у всех менее культурных народов врачи были исключительно колдунами, а болезнь считалась одержимостью, поэтому злой дух высасывался и выплевывался или удалялся с помощью дутья, разминания, ударов и других подобных средств (Waitz 3, 213-14). В Южной Америке магия, высасывание, дутье и т. д. также являются основными средствами, и почти везде врач одновременно является колдуном, за исключением ботокудов, которые используют только естественные средства, растирание, разминание, уртикацию, а также, но в основном без успеха, внутренние лекарства (Tschudi 2, 286-87) и неплохо справляются с ролью хирургов. Но колдунами были врачи у тупи, макуси, чьи методы лечения, помимо множества колдовства, включали и некоторые действительно эффективные средства, как описывает Шомбургк (2, 333), а также у варау (там же, 1, 170), карибов (2, 427), араукаров, которые, однако, помимо колдунов-врачей имели и других, более способных врачей (Waitz 3, 519), у жителей Огненной Земли (Bouquainville 130) и т. д.

Паровые бани очень широко распространены и применяются почти при всех заболеваниях; так, например, у мексиканцев и древних тольтеков (Waitz 4, 270); также в Северной Америке (3, 217), в Южной Америке у макуси (Schomburgk 2, 333) и др.

По словам Лангсдорфа, в целом не отличались от этого и лечебные методы алеутов.

Хоттентоты также считали все болезни результатом колдовства и злых духов и лечили их с помощью заклинаний и т. п., но колдун или колдунья при этом применяли и другие, внутренние и внешние средства лечения. Удивительным образом, здесь, как и на Антильских островах, встречается тот странный новоголландский обычай извлекать камень — здесь кость — из тела (из рта, уха, спины и т. д.) больного, который, как считается, был заклят и является источником болезни, чтобы тот выздоровел (Sparmann 197-98). Их знахари, конечно, обладают очень эффективными средствами против укусов змей, а колонисты все, что они знают о лечебных растениях южноафриканской флоры, узнали от туземцев (Waitz 2, 344). Однако хоттототы часто бросают тяжелобольных, стариков и беспомощных (Sparmann 320); Умиряющего трясут и толкают, наверное, чтобы прогнать демона болезни, засыпают упреками, что он огорчает родственников своей смертью, просят его остаться и т. д. (Sparmann 273).

Однако, если их лечение не дает результатов, колдуны очень часто подвергаются опасности быть жестоко избитыми или убитыми разъяренными родственниками. Для Америки Вайтц и упомянутые авторы приводят множество примеров; для Африки достаточно одного, упомянутого у Спарманна 198: князь, страдавший тяжелым заболеванием глаз и не поддавшимся лечению колдунов, приказал убить всех колдунов, потому что считал, что один из них, враждебно настроенный к нему, мешает его исцелению. Ведь любой несчастный исход болезни считается результатом сильного колдовства, как здесь, так и в Америке и Полинезии.

§ 5. Небольшая забота коренных народов о своем физическом благополучии.

Однако, поскольку болезни в обычном состоянии мало беспокоят дикие народы, все это неправильное отношение, даже если оно приводило к смерти многих больных, все же не могло сильно повлиять на их исчезновение; гораздо опаснее малое внимание, которое почти все дикие народы уделяют и могут уделять уходу за своим телом. Конечно, они закалены многим благодаря привычке и, что делает это возможным в такой степени, благодаря наследственности; и поэтому даже туземцы Огненной Земли, по словам Дарвина, самые несчастные и низшие люди, в своем ужасном климате, без надлежащего крова, спящие на мокрой земле, голые, питающиеся скудной пищей, которую с трудом добывают, по-своему чувствуют себя хорошо и не желают ничего лучшего (Дарвин 1, 230). Эскимосы привыкли к своим снежным пустыням, новоголландцы — к своим бесплодным степям, которые определяют их кочевой образ жизни, новоголландские женщины — к жизни, полной тягот и трудов, к ужасающему обращению, насколько это возможно для человеческой природы. Однако, несмотря на всю привычность, это связано с образом жизни диких народов, что даже при первом знакомстве с европейцами, иногда даже если они уже достигли

определенной полукультуры, они имеют относительно небольшую численность населения; они живут так, что человеческая природа не может развиваться иначе, как с трудом, — даже если отдельные индивидуумы часто кажутся особенно сильными. Однако часто повторяется высказывание, что коренные народы физически так сильны потому, что все слабые дети без труда умирают; например, Гумбольдт b 2, 189.

Однако гибнут не только слабые дети; и эта детская смертность — первое, что мы должны здесь рассмотреть. Жители Огненной Земли, чьи жилища не обеспечивают ни малейшей защиты (Дарвин 1, 228), подвергают своих детей, обнаженных, ярости климата (там же, 229). Почти все индейцы Северной и Южной Америки ведут сейчас жалкое кочевое существование; и повсюду матери таскают с собой детей, по самым суровым и дальним маршам, и часто еще, пока их естественное развитие нарушается с помощью наложенных досок и других насильственных средств (чтобы придать их головам особую форму). Многие дети умирают уже при рождении. Ведь повсюду принято, что женщина незадолго до родов уходит в лес, рождает там в одиночестве, сама перерезает и завязывает пуповину, затем сразу же оmyвает себя и ребенка в холодной воде и возвращается не для ухода, а для новой работы. Так было у племени варау в Гайане (Шомбургк 1, 166), у карибов и макуси (там же 2, 315, 431); и очень часто в Северной Америке (Вайтц b, 98). Однако пища, которую ребенок получает после и помимо материнского молока, часто сама по себе вредна и нездорова. Среди детей современной Мексики по-прежнему высокая смертность в результате неправильного питания (Waiz 4, 196). Их питание также ограничивается своеобразным обычаем кормить грудью наряду с детьми животных, обезьян, сумчатых крыс и т. д., что делают макуси, варау, карибы и различные другие народы (Шомбургк 2, 315. 1, 167). О плохом уходе за детьми, когда они болеют, говорит Гумбольдт b. 4, 224, а грязь, в которой они растут, и о которой Шомбургк из Гайаны рассказывает отвратительные вещи, также не может оказывать хорошего влияния. И все же американцы в Северной и Южной Америке горячо любят своих детей.

На Таити женщины сразу после родов принимают паровые ванны с холодными обливающими процедурами (Wilson 461), то же самое происходит в Новой Зеландии, где дети, как и на Таити, остаются полностью голыми и скорее умеют плавать, чем ходить (Dieffenbach 2, 24-25, Ellis 1, 261 и Mörenh. 2, 61); и также на Нукухиве (Melville 2, 191). Кожные заболевания, причем очень злокачественные, у детей (jaws, framboesia) упоминаются довольно часто, например, в Тонга, где дети хорошо ухожены и в остальном очень здоровы (Mariner 2, 179), и в Понапи (Cheyne 122). Однако высокая смертность среди детей наблюдается из-за недостатка ухода и заботы на Гавайях (Virgin 1, 268) и также на Таити (Bennett 1, 148). Эллис говорит, что таитянские дети, хотя и выглядят толстыми и здоровыми, до возраста около 12 месяцев очень хрупкие и слабые (1, 260). Формирование черепа путем придавливания и выдавливания было очень распространено на Таити 1, 261. В Микронезии уход за детьми также плохой. На Тоби (Лорд Норт, крайний юго-западный конец Микронезии) дети сразу после рождения получают ту же пищу, что и взрослые (Пикаринг, Memoir of the Language and Inhabitants of Lord Norths Isl. 1845; 228), а на Ратаке — кокосовое молоко и банан, которые мать предварительно пережевывает; Однако более вредным для них, чем эта пища, является нерегулярность, с которой они вообще что-либо получают (Gulick 180-181), поэтому и здесь смертность среди них высока. В Полинезии женщины также любят вскармливать животных наряду с детьми, как, например, гавайские женщины, согласно Remy XLII, собак и свиней.

В Меланозии ситуация не лучше: дети не получают ухода и с самого рождения вынуждены участвовать в жизни стариков. В некоторых районах Новой Гвинеи (Finsch 103) роженице постоянно льют на голову холодную воду, но после рождения ребенка мать и ребенка сразу же купают в холодной воде, а затем подвергают воздействию максимально сильной жары рядом с пылающим огнем, и так попеременно. Чем дольше и сильнее мать и ребенок выдерживают эту адскую процедуру, тем здоровее они считаются. В другой местности женщина положила недавно родившегося ребенка на горячий песок и работала поблизости; когда пришли посторонние, она без колебаний зарыла его по шею в песок и продолжила работу (там же, 63).

Но почти нигде не умирает больше детей, чем в Новой Голландии: из четырех едва ли больше одного доживает до трех лет (Тернбулл 43), что объясняется обращением, которое им достается и которое выдерживают только исключительно крепкие дети. Едва родившись, ребенка заворачивают в шкуру опоссума, таскают с собой повсюду и, как правило, обращаются с ним крайне небрежно, кладут слишком близко к огню и т. п. (Grey 2, 250-251). Эти перемещения Дарвин (2, 213) также называет причиной смертности среди детей, и примечательно то, что он добавляет: «По мере того как возрастает трудность добывания пищи, возрастает и их кочевой образ жизни, и поэтому население, не умирая от голода в прямом смысле этого слова, сдерживается столь чрезвычайно жестоким образом по сравнению с цивилизованными странами, где отец может увеличить свою работу, не уничтожая потомство». Кроме того, их питание еще более ограничивается тем, что и здесь женщины часто кормят молочком молодых животных, собак (Grey 2, 279), и, конечно, часто только из нужды: ведь собака, тем более что дичь становится все более пугливой и редкой, является большим сокровищем для охотящихся туземцев, а пища для молодых животных, конечно, часто бывает достаточно редкой.

Однако здесь мы должны с особым упором упомянуть, что татуировка, которая широко распространена во всей Полинезии, часто приводит к смерти (Эллис 1, 266); и поскольку этой операции подвергаются только подростки, она наносит молодежи несомненный ущерб.

Конечно, более важным, поскольку это имеет огромное влияние на физическое развитие коренных народов, является часто невообразимо плохое обращение с женщинами. Особенно это касается Новой Голландии. Бедные женщины, беременные или нет, должны следовать за мужчинами, которые несут только охотничьи снаряжение, с всем багажом и часто еще с 1-2 детьми; едва прибыв, они должны выполнять всю работу по дому, ставить хижину, разводить огонь, сначала искать корни, ракушки, а затем готовить, готовить все необходимое для мужа и детей, а затем, когда они часто подвергаются жестокому обращению, ночью удовлетворять сексуальные потребности мужа. Лучшая пища, которую они находят, достается мужчине и их сыновьям; они могут есть только то, что те оставляют, и только когда те закончат. Такова их судьба день за днем: о том, что помимо этой обычной нищеты их постигает еще и особое зло (например, то, как мужчины похищают их для брака), нам здесь не нужно говорить. Важным обстоятельством является также то, что их половое созревание начинается уже в 11 или 12 лет, и в этом возрасте они уже выходят замуж. Если к этому добавить, что они очень долго кормят своих детей грудью, часто до 3 лет (Grey 2, 248-250), а то и дольше (4-6 лет по Salvado 311), то неудивительно, что продолжительность жизни этих несчастных, которые, тем не менее, часто бывают очень веселыми и с любовью привязаны к своим мужьям, не слишком велика и что женщин меньше, чем мужчин, в соотношении 1:3 по Grey, 2:3 по — обстоятельство, которое, вероятно, обусловлено обычаем убивать новорожденных девочек, о котором мы поговорим позже.

И в Америке дела обстоят не лучше. «Лишения и страдания, — говорит Гумбольдт b 2, 192, — у чайма, как и у всех полуварварских народов, являются уделом женщин. Когда мы видели, как чайма вечером возвращались домой из своих садов, мужчины несли с собой только нож, которым прорубали себе путь через кустарник. Женщина шла, согнувшись под огромной ношей бананов, неся на руках одного ребенка, а двое других нередко сидели на верху посылки». Также и ботокудинки, как и их страдающие сестры в Новой Голландии, должны выполнять всю работу, таскать весь багаж, а затем еще и терпеть грубое обращение со стороны своих мужей (Tschudi 2, 284). То же самое рассказывает Шомбургк о жителях Гайаны (2, 313; 1, 122 и далее) и приводит ужасающий пример жестокого обращения с карибами (2, 428). Еще тяжелее судьба женщин в Северной Америке, где они также должны работать в поле (Гумбольдт b 2, 293) и подвергаются еще более жестокому обращению (Вайтц b, 98). Миссис Истман, которая долгое время жила с дакотами и поэтому хорошо знает эти народы, права, когда она (у Вайтца b, 98; 3, 100): «Работа женщины никогда не заканчивается. Она строит летний и зимний дом. Для первого она весной снимает кору с деревьев, для второго сшивает олени шкуры. Она дубит шкуры, из которых делают юбки, обувь и гетры для своей семьи, и должна их соскабливать и готовить, в то время как на ней лежат и другие заботы. Когда рождается ее ребенок, она не может отдыхать и ухаживать за ним. Она должна взять на себя весла лодки для своего мужа, забыв о боли и слабости. Она всегда гостеприимна. Зайди к ней в палатку, она с радостью даст тебе все, что тебе нужно, если это в ее силах, и с готовностью сделает все, что может, чтобы тебе было удобно. В ее взгляде мало привлекательного. Не время сморщило ее лоб и изрезало щеки морщинами. Это сделали лишения, страсти, заботы и слезы. Ее сгорбленная фигура когда-то была грациозной, но лишения и лишения плохо сохраняют красоту». Так бывает, что девушек убивают их родители, чтобы избавить их от жалкой судьбы, которая их ждет, и что женщины убивают себя, потому что не могут больше нести бремя своей жизни и страданий (Waitz 3, 103). Лишь у некоторых народов судьба женщин была немного лучше (Waitz 3, 181). Женщины не имели права делить с мужчинами пищу, да и часто даже не могли есть вместе с ними (Schomburgk 2, 428) — обычай, который также существует повсеместно в Океании и имеет свое коренное объяснение в религиозных представлениях. Однако из-за этого женщинам в большинстве случаев были недоступны действительно хорошие и питательные продукты, что вдвойне сказывалось на их тяжелом труде. В Полинезии и Микронезии (в Меланезии существовали обычаи, более близкие к австралийским, а Фиджи находится между ними) положение женщин было неплохим; однако они были в основном исключены из общества и не имели доступа к мужским удовольствиям, но они не воспринимали это, как и проституцию, к которой они были обречены, как что-то плохое, потому что это было частью обычаев, и в остальном их почитали как дарительниц радости. По-настоящему плохо с ними, по-видимому, обращались только в группе Паумоту, откуда, а именно из Мангаревы, Меренхаут 2, 71 приводит ужасающие примеры крайнего угнетения и жестокого обращения. В то время как в большинстве мест женщины практически не выполняют никакой работы или выполняют только женскую работу, такую как приготовление пищи и т. п., как в Тонга, на Таити, в Нукухиве (Melville 2, 147), на других островах они должны выполнять почти всю работу, как в Новой Зеландии (Dieffenb. 2, 12). Раннее половое созревание женщин в Полинезии является очень обычным явлением. В Новой Зеландии половое созревание наступает раньше, чем у нас, но позже, чем в Южной Европе (Dieffenb. 2, 33). По Брауну 38, они уже в 11 лет могут выходить замуж, а ранний половой акт является обычным явлением на всем острове () (Dieffenb. 2, 12). Кук обнаружил нечто подобное на Таити (b, 126-127). Совсем не редкость, когда 11-летние девочки предлагают себя незнакомцам; есть даже более молодые, которые делают то же самое. Половое созревание на островах Фиджи наступает позже: у девочек в 14 лет, у мальчиков в 17 или 18 лет (Wilkes u Waitz 1, 126). В Америке

женщины также созревают очень рано (Азара во многих местах). Шомбургк (1, 123) видел среди варау в Гайане женщину, которой едва ли было 10 лет, но которая, тем не менее, была на последних сроках беременности. Гумбольдт (b 2, 188) говорит, что женщины племени чайма выходят замуж в 11-12 лет, и то же самое рассказывает об эскимосах северо-западного побережья Америки, кориаках и камчадалах (190), у которых часто 10-летние девочки становятся матерями. Он считает, что такие ранние браки не наносят вреда населению: в любом случае, раннее увядание женщин (Waitz b, 99; Tschudi 2, 298; Schoinburgk говорит то же самое в отношении Гайаны) связано с этой ранней половой зрелостью. Однако есть племена в Северной Америке, где половая зрелость наступает гораздо позже (Waitz 1, 125). Тунберг, в свою очередь, видел у готтентотов девочек 11-12 лет, которые уже имели детей (25-26^{ll}).

К этому раннему развитию добавляется очень длительное кормление грудью. Как и в Новой Голландии, где женщины — и в Полинезии, согласно Dieffenbach a.a.O. и другим — американские женщины также часто кормят своих детей до 12 лет, и если мать в это время занята вторым ребенком, кормление продолжает бабушка! Индейские женщины утверждают, что обладают средством, которое позволяет им дольше и без ограничений сохранять молоко (Шомбургк 2, 239. 315).

Если такой образ жизни, который у готтентофов ничем не лучше и отличается лишь в мелочах, заставляет женщин рано увядать и умирать, то образ жизни мужчин зачастую также совершенно изнурительный из-за чрезмерных нагрузок, которые он с собой несет. Достаточно только подумать, что значит день за днем, часто питаясь совершенно недостаточной или из-за своего избытка вредной пищей, постоянно перемещаться по бесконечным просторам в погоне за дичью, в усилиях охоты или войны, при этом подвергаясь всем невзгодам климата и погоды! Поэтому нигде в Новой Голландии, на Огненной Земле или среди кочевых племен Америки мы не находим такого высокого возраста среди отдельных людей, как тот, который Чамиссо обнаружил на островах Ратака и Сан-Виторе (по Ле Гобьену 47) на Марианских островах, где нередко были столетние старики, в то время как Грей считает 70 лет высоким возрастом среди новголландцев (2, 247-248), но сразу же добавляет, что из-за высокой смертности детей средняя продолжительность жизни у них намного ниже, чем в Европе. По словам Азара, бразильские племена достигают очень высокого возраста: он утверждает, что среди паягуа видел нескольких мужчин, которым было не менее 120 лет (270; ср. 173). Полинезийцы, вообще жители небольших и в основном достаточно плодородных островов, каким бы сомнительным ни было такое место жительства с других точек зрения, находятся в этом отношении в лучшем положении, поскольку уже само местоположение их родины предотвращает такие чрезмерные нагрузки; длинные и тонкие конечности, нависающие животы, изможденная фигура новголландцев, несомненно, не являются расовыми особенностями (в другом месте я собираюсь доказать, что последние также являются ветвью малайско-полинезийского племени), а являются результатом тяжелого образа жизни, вечных перекочеваний нерегулярность питания. И, конечно, все эти лишения усугубляются расселением европейцев, в результате чего дичь коренных народов очень быстро исчезает; да, они усугубляются сами собой и своей длительностью, поскольку животные, постоянно преследуемые, становятся все более пугливыми, а охота все более затруднительной, как свидетельствует Чуди 2, 279 о Южной Америке. Кроме того, чтобы ничего не упустить, следует хотя бы вскользь упомянуть о том, что говорит Цюди eb. 290, что недостаток охотничьей добычи вынуждает народы расширять свои охотничьи походы и вторгаться на территорию других племен; что те защищают свою территорию, и поэтому часто возникают очень серьезные борьбы за существование. На ограниченной территории истребление дичи

иногда было неизбежным следствием даже самой осторожной охоты; так, в Новой Зеландии крупные охотничьи птицы, моа (*Dinornis, Apteryx*), были постепенно истреблены самими туземцами, первые полностью, вторые — по крайней мере, в большинстве своем, причем без вины маори: птицы размножались медленно и, будучи неловкими и находясь на не очень благоприятной территории, легко становились добычей охотников. Таким образом, они вымерли, и нельзя обвинять тех людей в слепой ярости по отношению к охотничьим животным.

Если это касалось их образа жизни в целом, то теперь мы должны поговорить о некоторых конкретных моментах. Во-первых, о пище, к выбору и хранению которой почти все коренные народы относятся без особого внимания. Они не могут быть слишком разборчивыми, поскольку природа, даже в тропиках, не всегда и не слишком охотно дает им необходимое. Так, например, ботокуды едят практически все, кроме съедобных животных, а также лис, стервятников, мышей, змей, ящериц, жаб, летучих мышей, личинок насекомых, червей, невычищенные внутренности (*Tschudi 2, 279. 298*) и т. п. В Гайане дети выкапывают из земли сколопендр длиной 18 дюймов и едят их живыми (*Voigt Zoologie V, 420* по Гумбольдту). Хумбольдт, который обсуждает это явление в *b 6, 102 ff.*, приводя аналогичные примеры из жизни других народов, считает, что поедание земли отомаками не является вредным, но и полезным его тоже не назовешь, оно лишь помогает утолить голод. Этот обычай встречается и в Австралии (*Grey 2, 263-264*), но здесь земля смешивается с тертым корнем.

Согласно *Grey 2, 259-261*, в Австралии нехватка пищи не так велика, как обычно считается, и многое из того, что нам кажется выбором из крайней нищеты, для них является желанным лакомством; однако сам *Grey* говорит в *261 ff.*, что каждая область континента имеет свою особую пищу, которую сначала нужно узнать и найти. И это, похоже, нелегкая задача, по крайней мере, он сам, хотя и сопровождаемый не безыскусным туземцем, во время своего недобровольного путешествия по западному побережью континента подвергался крайней опасности жизни из-за голода. Гнилой кит является для новоголландцев, которые в остальном очень брезгливы к протухшему мясу, величайшим удовольствием, и чем сильнее пахнет еда, тем она более желанна, так же как и такалли, племя атапасков в Северной Америке, которые очень любят есть протухшее мясо (*Waitz b, 90*). И как же едят эти народы! «Ботокуды предпочитают большинство продуктов, особенно мясо, в полусыром состоянии. Его держат над огнем, пока верхние слои немного не подгорят, а затем съедают. Обжорство этих индейцев стало почти пословицей. — —Когда удачная охота приносит обильную добычу, ее жадно съедают, и, поскольку мясо быстро портится, чтобы ничего не потерять, желудок набивают до предела, насколько это физически возможно. Затем следует длительный период спокойного пищеварения и часто неделями крайне скудные приемы пищи. Народы и люди, которые питаются исключительно мясом, имеют быстрое пищеварение, и у них голод проявляется гораздо сильнее, чем у тех, кто привык к растительной или смешанной пище. Однако они могут долго оставаться сильными, питаясь очень небольшим количеством привычной для них мясной пищи, но при этом постоянно страдают от голода. При каждой возможности ботокуды пытаются утолить свой постоянный голод сверхчеловеческим количеством пищи и с жадностью хищника пожирают самые отвратительные предметы без разбора с одинаковым аппетитом». То, что Чуди (*2, 278-279*) рассказывает нам о ботокудах, можно сказать теми же словами о всех первобытных народах Америки, от жителей Огненной Земли до эскимосов, о готтентотах, о которых это известно повсюду (о бушменах, например, свидетельствует *Лихтенштейн 2, 355*), и, несмотря на их более разнообразное питание, о новоголландцах, большинстве меланезийцев, а также, хотя у них преобладает растительная пища, о многих полинезийцах, конечно, о более грубых, но иногда и о более культурных, по крайней мере, количестве пищи, поглощаемое во время

праздников, намного превосходит все европейские представления. Да, бывало, что при больших запасах, как когда-то высокоцивилизованные римляне, принимали рвотные средства, чтобы с новыми силами продолжать есть (Waitz 3, 82, из южной части Северной Америки). Такой образ жизни опасен вдвойне: во-первых, потому что он явно не соответствует человеческому организму и, следовательно, вреден; во-вторых, потому что, поскольку люди потребляют и поглощают все, что предлагает настоящее, а накопление запасов для них совершенно непривычно, это имеет самые серьезные последствия для будущего, о котором дикие народы заботятся лишь в редких случаях и даже тогда, как правило, очень несовершенно. Голод в Полинезии нередко возникает из-за полного потребления всех продуктов питания во время праздников, хотя большинство народов здесь собирают запасы. Кстати, это делают и некоторые индейские племена (Waitz b, 91). Можно было бы подумать, что именно первобытные народы, наученные бедствиями и опытом, должны были бы первыми научиться заботиться о будущем, но Вайтц, напоминая, что «даже среди цивилизованных народов отдельные люди и целые классы общества мало или вовсе не заботятся о будущем, не имея для работы никакой другой мотивации, кроме заботы о собственном пропитании», очень правильно разработал (b, 84 и 91) психологические причины, по которым некультурные народы живут только настоящим. Главное заключается в том, что они слишком сильно подвержены влиянию чувственных нервных впечатлений: представление, которое они имеют в данный момент, вытесняет из их сознания все остальные, и, после нужды и лишений, если настоящее снова становится хорошим, к этому прибавляется физическое наслаждение этой благополучной жизнью, этим покоем, что делает текущие представления еще более сильными и всепоглощающими (Waitz 1, 351).

Но они не просто беспечны в отношении будущего: как часто они разрушают, можно почти сказать, условия жизни для самого будущего, особенно на охоте. «Охотник, говорит Вайтц 1, 350, особенно при массовой добыче, как солдат в жаркой схватке, впадает в безграничную ярость, он убивает с удовольствием и уничтожает дичь, как правило, совершенно бесполезно, потребляя лучшее из нее и часто едва ли это, когда она представлена в избытке. Поэтому охотничьи народы нуждаются в непропорционально большой территории и, несмотря на это, часто попадают в бедственное положение, потому что бережное отношение к дичи для них так же чуждо, как и экономное расходование запасов в целом. Стоящая часть дичи, убитой зулусами, отмечает Делагорг, была бы более чем достаточной для пропитания его и его спутников». Бушмены часто уничтожают крупную добычу из зависти и злобы: «то, что они сами не могут использовать в изобилии, по крайней мере, не должно приносить пользу другим», — говорит о них Лихтенштейн 2, 565. Подобно этому, Хёрн 120 сообщает о самых северных племенах Северной Америки, которые, несмотря на все возражения, убивали дичь ради языков, костного мозга и жира и не могли пройти мимо гнезда с птенцами или яйцами, не уничтожив его. Вайтц 3, 81 видит в этом лишь обычай совершенно дикого племени и говорит, что там, где эти и подобные обычаи сейчас укоренились, это произошло в результате морального упадка, поскольку в остальном бережливость была характерной чертой большинства индейцев (). Последнее утверждение может быть вполне верным, но страсть к охоте, которая не щадит ни одного животного, встречается в Америке не только у деградировавших народов. Она царит в Канаде (Waitz 3, 85) и, безусловно, в других местах из-за суеверного представления, что убегающие животные предупреждают и отпугивают других. Азара сообщает о том же в Южной Америке 193. То же самое относится к новоголландцам.

И мало того, что они таким образом сами уничтожают себе пищу: они также запрещают себе множество блюд, часто самых лучших, из-за религиозных верований. Во-первых, почти везде в Америке, Полинезии и Австралии, а в Новой Голландии также среди юношей и

мальчиков (Grey 2, 248), женщины лишены доступа к лучшим продуктам питания, которые разрешены только взрослым, а часто только пожилым мужчинам. Во-вторых, сюда относится тотем индейцев, о котором Вайтц 3, 119 говорит: «В древние времена политическое объединение народа в целом основывалось на делении на банды или роды, каждый из которых обозначался животным или частью тела животного в качестве знака, например, медведь, буйвол, выдра, сокол и т. п. Только рыба или часть рыбы не могли быть этим знаком». Название этого знака, тотем, происходит от алгонкинов. Вероятно (там же), тотем изначально имел религиозное значение: животное тотема было защитным духом семьи, названной в его честь, считалось священным и *не могло быть охотимым*. То же самое, безусловно, относилось и к «медицине», которую имел каждый американец, т. е. к тотему каждого человека. Ведь в период вступления в половую зрелость каждому человеку появляется его защитный дух в виде животного, на которое затем охотятся, а шкуру которого этот человек должен всегда носить с собой. Потеря медицины принесла бы ему глубочайшее презрение и постоянную неудачу (Waitz 3, 118-119). Первоначально ни один индеец не имел права съедать животное, которое было его «медициной», духом-покровителем. Большинство народов (в том числе алеуты) происходили от таких животных (Waitz 3, 119. 191), и первоначально они, безусловно, были для них священными, хотя позднее это почитание несколько ослабло. Этот примечательный обычай, который при более внимательном рассмотрении, несомненно, дал бы некоторые любопытные результаты¹, встречается в полном соответствии у новоголландцев, о чем можно сравнить Grey 2, 225-229. Каждая семья, или, лучше сказать, каждый клан, поскольку семьи так же обширны, как и кланы, имеет свое «кобонг» — растение или животное, которое для нее священно, дает ей название и т. д. Как в Америке люди с одинаковым тотемом, так и в Новой Голландии люди с одинаковым кобонгом не имели права вступать в брак друг с другом. Ни один новоанголиец не убивает своего кобонга, если находит его спящим, и никогда не делает этого, не дав ему сначала возможности убежать; если это было растение, то соответствующий человек мог собирать его и использовать только в определенные времена года и в соответствии с совершенно определенными церемониями². В этом мы видим следствие нужды, поскольку изначально кобонг, вероятно, нельзя было есть так же, как и американский тотем. Об этом свидетельствует и форма, в которой этот обычай сохранился в Полинезии. Ведь в Полинезии до сих пор в разных местах действует строгий закон, согласно которому отдельные животные, в которых скрывается их защитный дух или дух их предков, не могут быть убиты или съедены. Так, например, в Микронезии на Понпапи (O'Connell y Hale 84), на Тикопии (Gaimard y D'Urville V, 305-307), на Фиджи (Wilkes 3, 214), куда этот обычай либо пришел из Полинезии, либо сохранился как малайское достояние, как мы его находим и в Новой Голландии; так же на Гавайях (Remy 165), на Таити (Mörenhout 1, 451-57). На всех этих островах мы сейчас находим смешанные представления о переселении душ; однако следует иметь в виду, что вера в защитную силу душ предков, то есть в переход умерших душ в духи-покровители живых, в Полинезии возникла гораздо позднее.

Другие суеверия, помимо этого, также лишали коренные народы источников питания, как, например, рассказывает Грей 1, 363-364 рассказывает, что из-за того, что некоторые туземцы умерли после еды моллюсков, новоголландцы, сопровождавшие его, из страха перед колдовством не могли заставить их есть моллюски даже при крайней нужде; и подобные примеры можно было бы привести еще много, если бы это не отвлекало нас от нашей цели.

Само собой разумеется, что тесные, душные жилища многих из этих народов (для этого не требуется никаких доказательств), в которых часто живут и спят очень много людей, часто грязные и кишашие паразитами, являются нездоровыми. Другие племена (островитяне,

австралийцы и т. д.) практически не имеют в своих жилищах защиты от непогоды; бушмены (Waitz 2, 344) в качестве постоянно меняющихся мест для сна используют земляные норы, которые они накрывают ветками деревьев, расщелины скал и кусты. Здесь также следует упомянуть о крайне скудной одежде этих народов. Все это, а также то, как они в основном питаются, конечно, вредно и приводит к тому, что нигде у первобытных народов не наблюдается очень высокой численности населения; но все это, в свою очередь, не имеет такого влияния, чтобы само по себе объяснять вымирание этих народов; мы можем рассматривать это только как второстепенные причины, но как таковые мы не должны их игнорировать или недооценивать. Если бы их образ жизни был более благоприятным для человеческого организма, они бы преодолели многие враждебные судьбы, которым они подвергаются или подвергались.

§ 6. Характер первобытных народов.

Но не только эта небрежность в отношении своей внешней жизни вредит первобытным народам: весь их характер, сформировавшийся в течение тысячелетий, препятствует их процветанию, и поэтому мы должны рассмотреть его, по крайней мере, с некоторых сторон. Прежде всего, среди их духовных качеств следует выделить их ужасную лень, которая, например, в Микронезии доходит до такой степени, что люди слишком ленивы, чтобы предпринять хотя бы малейшие действия против ужасной формы проказы, которая в начале еще излечима и легко поддается лечению, но по мере развития становится столь же мучительной, сколь и абсолютно смертельной: они с величайшим спокойствием наблюдают за первыми признаками, которые еще не доставляют беспокойства, пока любая помощь не становится слишком поздней (Virgin 2, 103). Эта лень, которую Waitz 1, 350; b, 84, 90 и в других местах, является одной из причин, по которой дикие народы так редко собирают запасы, да и часто не выходят из своих жилищ в поисках пищи, как говорит Грей 2, 262-63 о новоголландцах; особенно летом, в жару, и зимой, в холод и сырость, они страдают от голода, что является следствием их лени. Приводить примеры с готтентотами было бы излишне. Но эта лень вредит им еще и совсем по-другому. Ведь так же, как трудолюбие, интерес и умственное напряжение стимулируют физически и придают большую силу всему организму, а также повышают физическую жизнеспособность, так и, наоборот, постоянная вялость и умственная лень, которые в такой степени проявляют дикие народы, за исключением случаев, когда их подталкивает к этому необходимость (), ослабляют физическую силу, и функции организма, по-видимому, страдают от этого. Если же это состояние все больше укрепляется в результате физического и умственного наследования (влияние умственного наследования также имеет огромное значение и, вероятно, еще не везде получает должную оценку), то оно будет оказывать все более опасное влияние на процветание первобытных народов. Конечно, взаимодействие физической и духовной жизни – это сложный и неясный вопрос, но именно поэтому на него нужно обратить особое внимание.

Таким образом, из этой внешней инертности развивается также жесткость и неподвижность духовной жизни, что также имеет самые тяжелые последствия для этих народов, уже потому,

что любое благотворное влияние европейцев на них, любая попытка поднять их до уровня культуры чрезвычайно затрудняется. Отпугнутые этим, даже такие беспристрастные люди, как Мейнике, утверждали, что они неспособны к любой культуре, и все же, как показал опыт всех первобытных народов, нет ничего более ложного, чем это утверждение. Поскольку эта негибкость постепенно усиливается с каждым поколением, исторические судьбы, миграции и т. п. оказывают на эти народы гораздо более сильное влияние, чем тысячелетия назад на индоевропейцев, семитов, а также на более образованных полинезийцев и американцев. Поэтому они все больше и больше погружаются в грубость и тупость, и не будет преувеличением утверждать, что даже если бы они были одни в мире, без какого-либо враждебного влияния извне, они все равно, как и сейчас, постепенно угасали бы и исчезали, учитывая их развитие, или, лучше сказать, их окостенение. Ведь ничто не является более вредным для человеческой природы, которая в такой степени основана на взаимосвязи между телом и душой, чем такая бездеятельность обоих.

Третьей чертой их характера, которая нас здесь больше всего интересует, является некоторая меланхолия, которая, как известно, чаще всего встречается у американцев. Но даже казавшиеся такими веселыми полинезийцы, хотя их темперамент и нельзя назвать меланхоличным, как у американцев, демонстрируют некоторые сходные черты. Так, таитяне смиряются со своим вымиранием, часто повторяя высказывание, которое, по-видимому, первым сообщил Эллис (1, 103-104): гибискус будет расти, кораллы будут распространяться, а люди будут умирать; и «было меланхолично, говорит Дарвин (2, 213), слышать, как красивые энергичные туземцы Новой Зеландии говорят, что они знают, что эта земля не останется собственностью их детей». Для Камчатки важно то, что говорит фон Киттлиц о климате этой страны, который то (по мнению одних) ввергает в глубокую меланхолию, то (по мнению других) возбуждает до крайней степени эксцентричной радости. Описания алеутов у Коцебу, Хамиссо, Лангсдорфа и других содержат очень похожие черты уныния, которое, однако, здесь, кажется, сочетается с большой флегматичностью.

Ясно, что эта меланхолия связана с уже обсуждавшейся вялостью, поскольку она все больше лишает дух коренных народов, который, как и у всех коренных народов, полностью зависит от текущих чувственных впечатлений и в основном только от таких, которые требуют рассудительности, твердой воли и силы сопротивления. Но так как каждый акт воли предполагает чисто физическую нервную деятельность, то и постоянное нежелание становится постоянным нервным привычным состоянием, неспособностью хотеть, и тем самым оказывает самое пагубное влияние на душу, которое, когда последней приходится противостоять страданиям, становится тем более сильным и разрушительным.

Это уже проявляется в жизни отдельных представителей первобытных народов. Мы видели, что болезни повсеместно считаются колдовством или воздействием демонов; однако многие из тех, кто поражен болезнями, умирают не по другой причине, как от меланхолии по поводу предполагаемого колдовства. Примеры для Новой Зеландии приводят Диффенбах 2, 16, Браун 75; для Таити Эллис 1, 364, 367-68; для Новой Голландии, где царит безымянный страх перед колдовством, Грей 1, 363-64. 2, 336-40; для Северной Америки, где смерть из-за суеверного страха не редкость, Waitz 3, 213: и, судя по всему сказанному, в странах, где болезнь возникает из-за колдовства или считается следствием грехов, как, например, на Камчатке, где болезнь и смерть наступают, если копнуть уголь ножом или соскрести снег с обуви ножом (Waitz 1, 324), во всех этих странах, то есть у всех первобытных народов, мы также найдем такие случаи смерти отдельных людей из-за страха и суеверий.

§ 7. Разврат первобытных народов.

Полная зависимость первобытных народов от чувственных впечатлений имеет для них еще одно очень опасное последствие, которое серьезно угрожает отдельным племенам: мы имеем в виду разврат, которому многие из них подвержены, в пьянстве и, прежде всего, в половых отношениях.

Конечно, нельзя сказать, что образованные народы Америки, мексиканцы и их родственники, а также перуанцы заслуживают упреков в этом отношении; конечно, среди них встречались разврат и грубые, даже противоестественные пороки, конечно, среди них были публичные проститутки, но все это было далеко не распространено и вызывало полное презрение, так что в этом отношении мы должны ставить их гораздо выше, чем современные культурные государства Европы. Конечно, описание, которое мы находим у Пёппига 375, или то, что рассказывает нам печально известный Ортис, монах времен открытия, содержит много ужасного и в этом отношении; однако описание Ортиса должно было только оправдать обращение, которому подвергалась страна со стороны конкистадоров, и поэтому он возложил все пороки на индейцев. Сведения Пёппига основаны на аналогичных источниках, которые также совершенно ненадежны и в большинстве своем не соответствуют действительности. Например, когда Гомара (у Пёппига) сообщает, что Бальбоа приказал растерзать собаками и затем сжечь 50 педерастов в Квареке в Дариене, а также (Waitz 4, 350) господина этой страны за тот же порок разорвали собаками, а затем сожгли, то совершенно ясно, что здесь обвинение было придумано только для того, чтобы прикрыть отвратительную жестокость Бальбоа, который сам говорит, что этот порок совершался только знатными людьми и вызывал отвращение у народа. Ведь о том, что испанские солдаты, среди которых также встречались такие случаи (Waitz 3, 383), когда-либо подвергались за это наказанию, да еще и столь ужасному, нигде не упоминается. Вайтц в 4-м томе «Антропологии» ясно и четко доказал, что такие развратные поступки встречались у этих народов только в единичных и редких случаях, о чем свидетельствуют суровые наказания, которые они все назначали за такие пороки или другие развратные поступки; ср. Вайтц 4, 85. 88. 131. 307. 350. 367 и др. Такие пороки также не были, как утверждает Пёппиг в вышеупомянутом месте, «народными пороками» в Перу; конечно, конкистадоры и здесь знали, что рассказать самое ужасное, и, судя по их отчетам, были вынуждены применять самые жестокие наказания к развратникам; но если прочитать (Waitz 4, 478), как пленный инка Манко Капак, брат Атахуальпы, умолял испанцев, чтобы его хотя бы не приговорили к смерти на костре или не бросили собакам, а просто повесили, то это бросает на совершенно особый свет на эти наказания. Кроме того, свидетельства в Waitz 4, 417 доказывают, что и в Перу такие пороки, как прелюбодеяние или даже педерастия, были отнюдь не распространены, а встречались лишь единично, о чем свидетельствуют строгие наказания, которые местные законы предусматривали за такие деяния.

В Северной Америке, как и у только что упомянутых народов, полигамия была разрешена, но отнюдь не была широко распространена (Waitz 3, 109). Обмен женами происходил в качестве знака дружбы между семьями (Hearne 128), так же как и проституция из гостеприимства. Целомудрие девушек вообще не ценилось многими народами, особенно более грубыми (Waitz 3, 111). Более серьезные вещи, в частности кровосмешение, упоминаются чаще всего у атапасков (Hearne 128), который также обвиняет жителей

Гудзонова залива в серьезных развратных поступках (126-27). Неестественные пороки часто упоминаются у народов Северной Америки, и мужчины в женской одежде встречаются, конечно, во многих местах, например, у иллинойсов, во Флориде, у манданов, осейгов, канзасов и т. д. (Waitz 3, 113); подобное упоминается и у жителей Нутки (там же, 133), хотя они, как и колюны, в целом живут целомудренно, в отличие от чинуков (на Колумбии), среди которых были распространены проституция и чувственные развратные поступки (там же, 337). Более строгими являются народы из района Орегона. Кстати, то, что мужчины носят женскую одежду, не всегда является признаком неестественных пороков, поскольку в некоторых случаях это связано с суеверными представлениями (там же, 113), а в других случаях это было, по крайней мере, символическим жестом, как, например, у делавэров, которых ирокезы «сделали женщинами», т. е. были вынуждены, когда они были полностью побеждены, надеть женские юбки (Waitz 3, 23. b, 158), а также у чибча в Новой Гранаде трусы одевали в женские юбки (4, 361). У иллинойсов мужчины, одетые таким образом, пользовались особым уважением (3, 113), и совсем так же было у северных патагонцев (3, 506), где жрецы-чародеи, которых было по одному в каждой семье, носили женскую одежду. Также следует упомянуть здесь как любопытную параллель рассказ Комбеса (Hist. de las islas de Mindanao Madrid 1667 p. 55) о том, что у субано на Минданао были мужчины, которые оставались неженатыми, носили женскую одежду, но пользовались уважением и жили целомудренно, при этом имея физически женский вид.

Старые испанские писатели также обвиняют карибов в Южной Америке в неестественной порочности, но Вайтц 3, 383 прав, когда считает это обвинение неверным, «поскольку оно обычно использовалось для обоснования требования сделать туземцев законными рабами». Другие писатели также отрицают, что здесь имели место такие пороки; однако и здесь встречались мужчины в женской одежде (Овьедо у Вайтца 3, 383). Также строго жили тупи в Бразилии (3, 423); то же самое можно сказать и об арауканах (3, 516). С этим согласуются и все сведения Азары; только он обвиняет женщин мбая, у которых разрешена полигамия, в различных развратных поступках (249-50).

Нет необходимости дальше исследовать этот вопрос в отношении американцев; для нас достаточно того вывода, что, хотя среди них, особенно в Северной Америке, встречались различные развратные проявления, они ни в коем случае не были достаточно распространенными и значительными, чтобы объяснить ими сокращение численности этих народов. Однако печальной правдой является то, что с момента знакомства с европейцами эти развратные явления значительно усилились.

В Центральной и Северной Америке люди не были привержены выпивке и в относительном выражении не являются ею и сейчас. Однако в Мексике было известно несколько спиртных напитков (Waitz 4, 98), один из которых, пульке, сок агавы, получаемый путем вырезания сердцевины растения, когда оно начинает расти мощным стеблем, и ферментации, с истинной страстью употреблялся также европейцами (Humboldt a 3, 99); только мексиканцы были умеренны, как следует из их законов. Употребление этого напитка наказывалось так строго, что его распространение было совершенно невозможно (Waitz 4, 83-84). В Калифорнии он также был редким (там же, 240, 242). Коренные жители Никарагуа, о которых также сообщается о различных половых излишествах, по словам Овьедо, тоже были приверженцами этого напитка; однако эти сведения не являются слишком достоверными (Waitz 4, 279). Перуанцы, хотя и имели различные спиртные напитки, не были привержены пьянству (4, 429), так же как и не злоупотребляли кокой, которая выращивалась по всей стране; для народа она была полностью запрещена (422). Хотя завоевание страны во многом ухудшило нравы, но и сейчас ни перуанцы (500), ни мексиканцы (196), ни родственные им

народы не пристрастились к выпивке (227) — даже если и были праздники, например, в Юкатане, на которых женщины, как говорят, опьянялись (4, 307), или на которых, как в Никарагуа, царила всеобщая распущенность (279). Ведь на всех таких праздниках, как и на подобных семитских и индоевропейских, действовали религиозные мотивы.

Иначе было в Южной Америке, где Шомбургк 2, 420 описывает карибов как пьяниц; и с давних времен они, помимо прочего, употребляли опьяняющий напиток из кассада, который разбивали, смешивали с горячей водой до состояния теста, затем старые женщины пережевывали его и выплевывали в корыто, где он должен был бродить (Шомбургк 1, 173); подобным образом тупи готовили опьяняющий напиток из кукурузы или проса, причем зерно варили и пережевывали старухи. Они называли его кауин или кавенг, и как способ приготовления, так и название напоминают полинезийский напиток кават, о котором будет сказано ниже (Waitz 3, 423-24). Сыромолочные напитки были у арауканов (3, 509), чикитос, которые были очень привязаны к этому напитку (там же, 530) и остаются таковыми (533), моксос (537), которые также очень любят его, и других народов еще до открытия. Понятно, что под влиянием европейцев эта склонность не уменьшилась, а только усилилась; об этом нам сообщают карибы (Schomburgk 1, 173), вараны (там же, 1, 123), чаруа (Azara 184), мбая (там же, 242) и т. д.

В Северной Америке, у индейцев Соединенных Штатов, до прихода европейцев не употребляли спиртные напитки, да и вода была почти единственным напитком, которым они наслаждались, как подробно описывает Вайтц 3, 82; то же самое было у колушей и чинуков (3, 84. 337). Если же спиртные напитки, в частности, водка, имели в Северной Америке столь печальные последствия и погубили целые племена, что часто можно встретить утверждение, будто индейцы по своей природе были привержены спиртному, то это требует более тщательного изучения ситуации, которая, согласно Вайтцу 3, 83-84 и 270, приводящему доказательства из источников, представляется следующим образом: индейцы самым решительным образом сопротивлялись продаже водки и заключили много договоров, в которых ее ввоз был прямо запрещен, но водка все же даже силой, европейские нации навязывали его туземцам, отчасти для сбыта продукта, отчасти для того, чтобы обмануть их в выпивке, отчасти же и вовсе для того, чтобы уничтожить их с помощью выпивки. Это удалось слишком хорошо, потому что, несмотря на преобладающую чувственность, американцы оказывали весьма заметное сопротивление этому средству удовольствия, но в силу своей природы оно не могло быть абсолютным; часто нехватка пищи заставляла их пить, и очень частой причиной, побуждавшей их к пьянству (что также часто встречалось в Центральной Америке), было желание хотя бы раз в жизни из безграничного богатства окружающей нищеты перенестись в состояние счастья посредством опьянения или же желание отупеть от отчаяния. Кстати, народы и отдельные люди также сумели избавиться от порока пьянства (Waitz b, 43). Собственно, это соображение следовало бы отнести к тому месту, где мы будем говорить о влиянии белых на дикие народы, однако такое опережение, в силу связи и для исчерпания одной темы, может найти свое оправдание 바로 здесь. Табак наносил не меньшего вреда, чем кока.

Хотя готтентоты и бушмены и не придавали никакого значения целомудрию девушек и женщин, они все же не были очень распущенными ни в половых отношениях, ни в пьянстве, в то время как у алеутов и камчадалов мы видим совершенно иную картину. Камчадалы были особенно пристрастны к выпивке (Крузенштерн 3, 53), и как эта страсть была использована европейскими торговцами мехом для их гибели, мы увидим позже. Но и алеуты любили этот порок (Вайтц 3, 314), как и в остальном вели очень распутный образ жизни. Женщины имели (по Веняминову в архиве Эрмана у Вайца 1, 356 примечание) двух мужчин, одного из

высшего сословия и одного из низшего; хозяин, чтобы проявить гостеприимство, предоставлял гостю свою жену. Они также были привержены педерастии (Waitz 3, 314), и тупая меланхолия, которую, например, обнаружил у них Хамиссо, по-видимому, в немалой степени была вызвана такими развратными нравами. Камчадалам очень вредил большой дефицит женщин, который, по словам Крузенштерна 3, 44, царил у них и разрушал не только нравственность, но и плодотворность браков. хухуху Новоголландцы, хотя и не требуют целомудрия от неженатых обоих полов, хотя в некоторых местах предлагают женщин своим гостям и обмениваются ими с хорошими друзьями (Angas 1, 93), все же настолько ревнивы, что замужние женщины должны быть очень сдержанными (Grey 1, 256). Полигамия у них распространена, но ее нельзя назвать распущенностью. У них также не было спиртных напитков. О меланезийцах не сообщается ничего особенно плохого, но в некоторых местах наблюдается обратное; так, по словам Мальте Бруна в *Bullet. de la soc. geogr.* 1854, I, 238, в Новой Каледонии, хотя женщины и содержатся в рабстве, половые распутства не имеют места. Полигамия, конечно, является обычаем на островах (Turner 86. 371. 424), но действительно распространена только среди вождей и в редких случаях. Из-за страха наказания прелюбодеяние практически не встречается (Тернер 86 в отношении Танны), но целомудрие незамужних здесь требуется так же мало, как и везде среди первобытных народов. В то время как Эрскин 256 говорит о жителях Фиджи, что они ведут очень воздержанный образ жизни и испытывают отвращение к разврату, Уильям и Калверт 1, 134 утверждают, что среди них широко распространены очень разнузданные и грубые развратные поступки. Возможно, Эрскин вынес слишком благоприятное суждение; в любом случае, жители Фиджи в этом отношении стоят гораздо выше полинезийцев и, вероятно, стали более распущенными только из-за постоянного общения с иностранцами.

Хуже всего мы должны судить о самих полинезийцах, среди которых пьянство и разврат процветали еще до прихода европейцев. Из корня *Piper methysticum*, кава-перца, который жевали (в большинстве случаев старые женщины), а затем выплевывали, добавляли воду и получали, своеобразный напиток, который очень любили все полинезийцы. Он не опьяняет в прямом смысле, поскольку не лишает сознания, но, утяжеляя походку и язык, приводит ум в состояние, схожее с опиумным; также после его употребления, которое часто повторяется, следуют сладострастные сны и т. п., вызывающие общую слабость, дрожь, умственное оцепенение, истощение и, в конце концов, ужасные кожные заболевания, язвы, которые лопаются и оставляют после себя страшные шрамы. Но именно эти шрамы считались знаком чести (Hale 43). Каватранк был особенно популярен на Таити и Гавайях; большие каватские праздники на Тонга описывает Маринер, на Фиджи — д'Урвиль b 4, 207 и Хейл 63. В то же время в Новой Зеландии его не пили, хотя и знали. Также в Микронезии, где корень измельчали, а не жевали, каватранк был очень популярен и широко распространен (Hale 83: Gulick 417). Однако вредное воздействие этого действительно очень опасного напитка значительно смягчалось тем, что он считался священным. Конечно, он не мог отсутствовать ни на одном важном мероприятии, но пить его могли только князья, никогда народ, и даже князья только во время определенных торжеств (Hale 43, для Микронезии Novara 1, 371). Таким образом, вред, причиняемый этим напитком, затрагивал почти исключительно князей и знать. Все полинезийцы испытывали большую неприязнь к крепким спиртным напиткам (рому и т. д.) (Novara 2, 337 для Микронезии), и если он все же имел столь пагубные последствия на Таити и Гавайях, то нужно помнить, что он был насильно введен на Таити французами, а на Гавайях — французами, а также американскими и европейскими купцами, несмотря на яростное сопротивление миссионеров и против воли туземцев (ср., например, Lutteroth *Geschichte der Insel Tahiti* 172 и др.). И последствия этого введения были достаточно плачевными. «Когда таитяне научились у иностранных моряков и жителей Сандвичевых островов дистиллировать спиртные напитки из местных корней и получили от них ром в

больших количествах, алкоголизм стал очень распространенным явлением, и весь народ погрузился в деморализацию, преступность и нищету, которые следуют за ним. Безделье росло, споры в семьях становились все более частыми, преступления ареоев (о которых мы поговорим чуть позже) увеличивались», — говорит Эллис 1, 108, и так же, как здесь, и даже хуже было на Гавайях и побережьях Новой Зеландии. Только коренные жители (ср. Эллис, указ. соч.) во многих местах, благодаря чистому рвению миссионеров, снова избавились от этого опасного порока; как на Гавайях, так и в Новой Зеландии ром наносит вред коренным жителям только в прибрежных районах, а повсеместно распространяющееся христианство победило эту опасность и на Таити, и в других местах.

Гораздо более пагубным было влияние половых развратств, которые, пожалуй, ни у одного народа в мире не были так бесстыдно распространены, как в Полинезии. Каждое путевое описание (в том числе и другие книги, кроме «Бесстыдного путешествия Пандоры» Гамильтона) сотнями примеров оправдывает название *la nouvelle Cythere*, которое Бугенвиль дал острову Таити. Мало того, что на Таити, Гавайях, в Новой Зеландии, а также на Тонга (хотя здесь жизнь более строгая) и на Самоа (по Уилксу) девушки были совершенно свободны, по крайней мере по отношению к чужакам; нигде проституция женщин со стороны отцов, братьев, мужей не практиковалась так нагло, как здесь. Полигамия царила повсюду. Женщин предлагали гостям, а знатные женщины жили совершенно распутно. Для Гавайев это подтверждают, чтобы привести лишь несколько свидетельств, Jarves 80, для Таити — Кук и все другие путешественники, для Вайху — Меренхаут 1, 26, для Маркизских островов — Портер (*Journal of a cruise in the Pacif. Ocean 1812-14*) 2, 60, Krusenstern 1, 221; по данным Mathias G*** 152, проституция существует только в портах. Новая Зеландия стояла на более высоком уровне, но и здесь девушки были полностью свободны (Dieffenb. 2, 40). Сами женщины привлекали прибывшую команду корабля Уоллиса на берег самыми непристойными жестами, а мужчины, заключавшие сделку, уже тогда требовали за красивых женщин, дочерей, сестер и т. д. более высокие цены, чем за менее красивых (Уоллис 214 ff. 256). Да, на глазах у всех, и не из грубости, как жители островов Палау, по свидетельству Кадуса у Хамиссо 137¹, а в окружении знатных женщин, среди которых была сама королева, они совершали половое сношение для удовольствия окружающих, которые давали паре, а именно девушке, советы, чтобы усилить наслаждение — но в этом не было необходимости, потому что, хотя девушке было всего 11 лет, она уже хорошо разбиралась во всем (Кук b, 126-27, ср. 86. 106). Поэтому неудивительно, что непристойные предметы очень часто были предметом разговоров на всех глазах и вызывали только смех. Полигамия была повсеместной; на Таити, Нукухиве и Гавайях (Тернбулл 65, Стюарт 129, Портер 2, 30) браки между братьями и сестрами были распространены, но только в правящей семье, которая не могла заключить равноправный брак иным образом, поскольку все другие дворянские роды были ниже ее по рангу (Эллис 4, 435). На Маркизских островах, по Мелвиллу 2, 122-23, было принято, что женщины, подобно алеуткам, имели двух мужчин, настоящего мужа и любовника, который обладал всеми правами, как и тот, и жил с ним в мире; по Мелвиллу, этот обычай объяснялся тем, что мужчин было гораздо больше, чем женщин. Матиас Г*** говорит то же самое, что и многократно подтверждается другими источниками. Также были очень распространены неестественные желания, которым на Таити покровительствовал собственный бог (Mörenh. 2, 168). Мужчины в женской одежде встречаются, как и в Америке, также и на Таити, но здесь только в служении противоестественной похоти (Тернбулл 306); и поскольку мужчины из простого народа почти всегда оставались неженатыми, чтобы у князей было больше женщин или потому, что они не могли заплатить цену за женщин, они занимались мастурбацией в такой степени, что в результате большинство из них становились неспособными к половому акту с женщиной (Уилсон 311). «Их преступления такого рода слишком ужасны, чтобы о них можно было рассказать», — говорит Уилсон (1799)

в том же месте. То же самое обнаружил Эллис (1, 98), который говорит, что описание язычников, данное Павлом в первой главе Послания к Римлянам, вполне подходит к таитянам. На Гавайях также были распространены неестественные пороки, из которых педерастия встречалась только или, по крайней мере, преимущественно среди князей (Remy XLIII).

Микронезия стоит гораздо выше в этом отношении, за исключением древних марианцев, среди которых, по старым испанским сообщениям (Salaçar при Oviedo XX, 16), царила сильная распущенность, и Ле Гобьен сообщает о многих подобных случаях. Но в остальном первые европейские посетители Микронезии не обнаружили там ни пьянства, ни разврата, хотя девушки были легкодоступны: все они были скромны (Chamisso 91. 119). Кстати, согласно Chamisso 118-19, полигамия была распространена и на Ратаке, а близкие друзья даже совместно владели женами. — Даже в самой Полинезии были более чистые районы, такие как Тонга, где молодые люди по закону призывались к целомудрию: они никогда не должны были применять насилие, никогда не должны были поступать против своих жен (Mariner 1, 138); но и здесь незамужние были совершенно свободны, как и женатые мужчины (2, 174), и здесь непристойности были частым и любимым предметом разговоров, которых избегали только в присутствии замужних женщин (2, 177). В Самоа царила еще большая строгость нравов.

Много говорится о обществе ареоев на Таити, о котором пишут Меренхаут 1, 485-503 и Эллис 1, 230 и далее, и о котором мы также должны кратко упомянуть, хотя и только для того, чтобы указать на ужасную безнравственность, царившую в этом изначально религиозном обществе. Мужчины и женщины жили в нем в крайней распущенности и под определенным законом, согласно которому все их дети должны были быть убиты. Они жили вместе и были высоко почитаемы всем народом, которому они казались богами, и путешествовали по островам, устраивая праздники, представления и танцы перед толпой. Мы находим это общество не только на островах Общества, но (Meinieke b 78) также на Раротонге и в архипелаге Маркиз (Möreh. 1, 502). А поскольку Ле Гобиен 59-62 рассказывает то же самое об уритао из Марианских островов, которые жили в полной распущенности с девушками этой страны, даже в кровосмешении, без какого-либо осуждения, поскольку они были высшего сана (Freycinet 2, 368) — то мы, несмотря на возражения Meinicke (b, 79), должны будем сопоставить их с теми же Areois, поскольку их названия одинаковы.

Неудивительно, что такие порочные нравы, распространившиеся в таких масштабах, подрывали здоровье полинезийского населения, и они это сделали. Уже за одно-два поколения до Уоллиса, по словам самих туземцев, на Таити началось сокращение населения (Эллис 1, 105), и можно с уверенностью утверждать, что в этом были виноваты, если не только, то в значительной степени именно эти развратные нравы. Их разлагающее влияние описывают в самых мрачных красках по крайней мере самые надежные очевидцы, такие как Эллис 1, 98 и Тернбулл (1804) 307. Кроме того, вполне понятно, что такие изнеженные развратники были гораздо более подвержены болезням, чем здоровые люди, что болезни должны были протекать у них гораздо тяжелее и что, в частности, сифилис должен был быстро распространяться среди них и оказывать опасное воздействие.

§ 8. Бесплодие. Искусственное прерывание беременности. Детоубийство.

Но еще более серьезным следствием этих развратных нравов является бесплодие женщин, которое в Полинезии в основном обусловлено именно этой причиной. Бесплодие браков на Маркизских островах, которое уже подчеркивал Крузенштерн 1, 255-56, а затем и Мелвилл 2, 125, с большим упором упоминает также Матиас Г*** 108. Бесплодие очень распространено на Гавайях (Virgin 1, 268); на Таити ситуация улучшилась только в последнее время, и Диффенбах 2, 15-16 указывает в качестве одной из причин исчезновения маори низкую плодovitость их женщин.

Однако, поскольку совершенно аналогичные явления наблюдаются в Меланезии (где, например, на Эрроманго уже высокая рождаемость, Turner 494), в Новой Голландии (Grey 2, 248 ff.) и, в частности, в Америке, то, прежде всего, с учетом коренных жителей последней страны, было сказано, что низкая рождаемость является характерной чертой низших рас, которая обусловлена самой их природой. Однако женщины ботокудов (Tschudi 2, 284), макуси (Schomburgk 2, 312), большинства бразильских народов (Azara во многих местах), а также большинства североамериканцев (Waitz 1, 169 приводит примеры) имеют очень мало детей, а часто и вовсе не имеют их; но как в этом можно увидеть расовую особенность, для беспристрастного наблюдателя невозможно понять. Во-первых, существует целый ряд внешних причин, вызывающих бесплодие; помимо уже обсужденных причин, таких как разврат, болезни и т. п., которые также имели место в Америке и, прежде всего, на Камчатке и Алеутских островах, здесь необходимо упомянуть о уже упомянутом длительном вскармливании грудью, которое снижает плодovitость, далее, и в особенности, на крайне бедственное положение женщин, на нужду, на вечные тяготы, в которых им приходится проживать свою жизнь. Кроме того, многие народы вступают в брак только в пределах своего племени, и можно сказать, что у многих небольших народов племя и семья практически совпадают, в пределах одной семьи; но то, что и это приводит к снижению плодovitости, достаточно хорошо известно. Так, например, ботокуды; поэтому Чуди (2, 284) видит в этом обстоятельстве одну из главных причин бесплодия их браков. Вредные последствия таких браков проявились и у жителей Дариена (Waitz 4, 351).

Слишком ранний половой акт, который Диффенбах 2, 15 называет основной причиной бесплодия новозеландских женщин, важен для многих народов, поскольку, как мы видим, встречается у многих. Хотя Гумбольдт (b, 2, 190), по свидетельству американских монахов-миссионеров на Ориноко, не видит в этом опасности для численности населения, природа вещей и многочисленный опыт говорят против него. Однако слишком ранние половые отношения становятся вдвойне опасными для народов, в которых не хватает женщин. Так, девушки из племени тарума в Гайане, поскольку среди этого народа мало женщин, выходят замуж еще до полового созревания (по Шомбургку у Вайца 1, 170). Больше мужчин, чем женщин, было еще в разных местах Америки (например, в Калифорнии Waitz 1, 170 примечание, у гуанов Azara 232), в Полинезии (Таити, Маркизские острова и др.) и на Камчатке, где, как мы видели, нехватка женщин была особенно велика. Это способствовало появлению еще одного очень вредного обычая: в Новой Голландии молодые девушки сначала выходили замуж за старых мужчин, а только после их смерти, когда они уже были старше, за молодых людей (Nind в Journ. R. Geogr. Soc. 1, 38), обычай, который был также распространен у ирокезов: «Молодой человек в возрасте 25 лет часто получал в жены

женщину, которая была старше его, а старый вдовец, напротив, выбирал себе молодую девушку» (Waitz 3, 103).

То, что мы не упоминаем среди этих причин полигамию и полиандрию с их несомненно пагубными последствиями для численности населения, объясняется тем, что мы считаем эти два явления, даже если они и являются законными, развратными, и поэтому то, что сказано о них, относится и к ним. Точно так же мы оставляем без внимания то, что для некоторых американских народов приводилось в качестве причины бесплодия, а именно низкую склонность мужчин к женскому полу и их менее развитые половые органы (Röppig, Azara, Waitz 1, 171 и др.), поскольку это обстоятельство ни в коем случае не является общим и ни в коем случае не является достоверным в вытекающих из него последствиях.

Гораздо более важными являются некоторые психологические причины, которые мы хотели бы особо подчеркнуть. Так же как горе и печаль, давление и деспотизм сдерживают и угнетают внешнюю жизнь, они, естественно, влияют и на плодovitость женщин, поскольку влияние духовной жизни на все стороны физической, как бы мы его ни признавали, едва ли можно считать достаточно сильным. Поэтому там, где на население оказывается сильное давление со стороны правителей, как, например, в Полинезии, а здесь, в частности, на островах Фиджи и Гавайях, там будет больше бесплодных браков. И тем более, если давление правителей одновременно приносит подданным глубокую моральную боль, как это произошло почти повсеместно под ужасным влиянием европейцев. Следует также отметить, что эти причины всегда действуют в совокупности, а не по отдельности; что мы видим снижение плодovitости как внешнее явление, что уже опровергает мнение о его расовом характере. И если бы это действительно было так, то оно должно было бы проявляться повсеместно у соответствующих рас. Но это вовсе не так. Например, в Новой Голландии, где браки внутри одного племени практически не встречаются, нередко упоминаются плодотворные браки. Грей (там же) видел 41 женщину, у которых в общей сложности было 188 детей; и есть даже некоторые народы в Америке, которые имеют очень много детей, например, племена северо-западного побережья, северные индейцы, которых посетил Херн, чиппеваи, сиу, манданы и некоторые южноамериканцы, которых перечисляет Вайтц 1, 171-72. И в то время как отдельные части меланезийского населения в основном имеют малодетные семьи, в других, например, на Фиджи, наблюдается обратное; те же контрасты наблюдаются в Микронезии и Полинезии, где, например, Тонга, в отличие от Таити и Маркизских островов, знает только плодотворные браки. А кто когда-нибудь слышал что-нибудь подобное о братском народе полинезийцев, о малайцах? Разве они не процветают в своем островном мире, и разве, если бы бесплодие было расовой особенностью, оно не должно было бы встречаться и у них?

Напротив, она встречается у культурных народов, на которых действуют вышеупомянутые причины, для чего Вайтц 1, 173 приводит несколько примеров. Однако там, где эти причины отсутствуют, женщины даже из менее плодovitых племен благословлены детьми.

Новозеландки, вышедшие замуж за европейцев (Dieffenbach 2, 152), и ботоку, вышедшие замуж за белых или негров (Tschudi 2, 284), как правило, очень плодovиты, потому что в этом случае женщина обычно ведет более спокойную и лучшую жизнь, как очень правильно объясняет Tschudi в том же месте, а не в результате смешения и влияния более высокой расы, поскольку в браке с неграми наблюдается та же ситуация.

Уже на этом основании мы могли бы найти полное объяснение бесплодию женщин, не прибегая к столь необоснованной теории, как теория о снижении фертильности исчезающих рас. Но нам еще предстоит обсудить одну из важнейших причин, которая не только

объясняет эту бесплодность, но и в целом сокращение численности коренных народов: это широко распространенное убийство детей до или сразу после рождения.

У готтентотов (Sparmann 320) существовал обычай хоронить или выбрасывать младенцев, чьи матери умерли, вместе с ними; так же они убивали одного из близнецов. Искусственные выкидыши были у них частым явлением. Еще чаще все это происходило у бушменов, которые убивали детей при супружеских ссорах, при нехватке пищи, от которой они часто страдали, и при срочном преследовании, из мести и гнева по отношению к супругу или потому, что не могли их прокормить и взять с собой; то есть в большинстве случаев потому, что они боялись любых необычных усилий, которые потребовали бы от них беспомощные дети. Близнецов и уродливых детей всегда убивали (Waitz 2, 340 и там же источники).

То же самое было и в Америке, а именно в южной половине континента, в то время как индейцы Северной Америки, которые в целом стоят выше, также лучше относятся к своим детям, часто лелея их с глубочайшей любовью. Так, например, потоватоми также проявляют нежную заботу о нетрудоспособных и слабоумных детях () (Waitz 3, 115-16); а гуруны воспитывали даже тех младенцев, чьи матери умерли (Waitz b, 100). Искусственное прерывание беременности, напротив, было широко распространено среди такалли, самого западного племени атапасков, которое в остальном также находилось на очень низком уровне развития и не имело понятия о целомудрии или супружеской верности (Waitz b, 90). Уже упоминалось, что кистенено убивали своих девочек, чтобы избавить их от жалкой судьбы, которая их ожидала (Waitz 3, 103). И теперь даже в Южной Америке. Гуаны (Azara 232) убивают большинство девочек сразу после рождения, закапывая новорожденных заживо; но в целом они воспитывают только около половины своих детей. Поскольку у тупи было принято (Waitz 3, 423) признавать новорожденных, поднимая их с земли, из этого можно сделать вывод, что у них, по крайней мере в прежние времена, многие дети, которых не поднимали, были убиты. Об гуайкурах (к востоку от верхнего Парагвая) Азара 273 сообщает, что весь народ практически исчез в результате аборт, из которых они щадили только последних, а поскольку эти подсчеты очень ненадежны, то часто ни одного; и даже если мы вместе с Вайтцем (3, 430) считаем эти сведения как в отношении их вымирания — ведь Кастельно, например, обнаружил 6 племен из них, в том числе два земледельческих, на Парагвае — как и в отношении этого ужасного распространения детоубийства, завышенными, тем не менее, искусственный аборт, по-видимому, был у них широко распространен, как об этом сообщают и более поздние путешественники, Мартиус, Кастельно у Вайца 3, 472, указывают как обычное явление среди них. То же самое Азара 250 сообщает и о мбаеях, которых, однако, нельзя отделять от гуайкуров: они убивают всех детей, кроме одного, а иногда и всех без исключения. В качестве причин этого обычая индианки указывают, что регулярные роды делают их преждевременно старыми и уродливыми, а также то, что им, вечно кочующим и часто не имеющим что поесть, очень трудно взять с собой и содержать более одного ребенка. Поэтому, когда женщина чувствовала, что беременна, она ложилась на землю, и другие женщины наносили ей сильные удары по животу до тех пор, пока не появлялась кровь и вскоре после этого плод, операция, при которой, конечно, многие женщины умирали сразу или вскоре после этого, а другие, по крайней мере, всю свою жизнь прожигали в мучениях (Азара, там же). Этот обычай был распространен и среди абипонов; они не воспитывали более двух детей (Waitz 3, 476). Тоба (между абипонами и гуайкурами, к востоку от Парагвая) убивали многих своих детей (Waitz 3, 475), луле (к востоку от тоба) убивали всех внебрачных детей, а из близнецов, которые считались признаком неверности, всегда одного, и если мать умирала, они хоронили младенца вместе с ней (Waitz 3, 480). Юракаре, к западу от озера Титикака, убивали своих детей, если не хотели их дальше кормить (Waitz b, 100). Моксос всегда убивали одного из близнецов и хоронили маленьких

детей вместе с их матерью, когда она умирала (Waitz 3, 537). Они применяли эту меру в отношении близнецов, потому что в таких двойных родах видели нечто животное (Waitz b, 100). Чикито (между верхним Парагваем и Титикакой) были настолько мало привязаны к своим детям, что легко отдавали или продавали их (Waitz 3, 530), и Азара 191 рассказывает о очень похожем обычае у минуанов (на нижнем Паране); как только дети отлучались от груди, родители больше не заботились о них, а их воспитывали женатые родственники. У карибских народов царили те же обычаи, как более подробно описывает Гумбольдт b 4, 225-28. Из близнецов они всегда убивали одного ребенка, чтобы не быть похожими на крыс, сумчатых и низших животных, которые рожают много детенышей одновременно, или потому, что здесь также считают двойную роду признаком неверности. Также убивают уродливых и даже слабых детей, чтобы избавиться от бремени, которое они могут представлять в будущем. Женщины этих народов имеют различные растительные отвары, которые они используют для прерывания беременности, причем в разных районах в разное время, в зависимости от того, считают ли они раннее или позднее рождение детей полезным для здоровья и красоты. Даже у макуси Шомбургк (2, 312), как бы он ни сопротивлялся этому предположению, вынужден верить в искусственные выкидыши. Однако его мнение (313), что у них не убивают близнецов и что такие роды у них вообще крайне редки, поскольку он только дважды видел близнецов среди туземцев Гайаны, один раз среди макуси, один раз среди вайка, и никогда не слышал, чтобы они об этом говорили, безусловно, неверно, поскольку он сам рассказывает, что женщины этих народов, услышав его замечание о том, что европейские женщины иногда рожают двух, а то и трех детей, с насмешливой улыбкой ответили: «Мы не суки, которые рожают кучу щенков». Таким образом, и здесь такое же представление, как и везде в Южной Америке, и, безусловно, такой же обычай. Об этом говорит уже сама редкость близнецов; а если индейцы никогда не говорят о близнецах, то это объясняется господствующим обычаем вообще не говорить об убийстве детей; делают вид, что они умерли естественной смертью: «Бедное дитя не могло идти с нами в ногу; его больше никто не видел» (Гумбольдт 64, 226).

Такой же обычай существовал и у культурных народов Америки. Мексиканцы, веря, что близнецы предвещают смерть отца или матери, часто убивали одного из двух детей (Waitz 4, 164). Чибчи в Новой Гранаде поступали так же, потому что считали рождение близнецов следствием грубых развратных поступков (там же, 4, 367). В Перу близнецы также считались дурным предзнаменованием для родителей, которому во многих частях страны пытались предотвратить посредством поста (eb. 417), а в других — посредством убийства одного из детей (eb. 461). Дарийские женщины, как говорят, убивали своих детей, чтобы сохранить свою красоту (350). Панчи, принадлежавшие к чибчам, убивали всех своих детей, пока у них рождались только девочки (eb. 376); и здесь можно сделать вывод, что частое убийство девочек первоначально, вероятно, не было мотивировано желанием избавить дочерей от тяжелой судьбы, хотя позже такое представление, возможно, и было распространено: главной причиной, безусловно, было суеверие или религиозные верования, или, по крайней мере, то, что мальчиков, как более пригодных для войны и более достойных, предпочитали девочкам.

Те же обычаи существовали в Новой Голландии. Если умирает мать младенца, его хоронят вместе с ней, а из близнецов всегда убивают одного ребенка (Freycinet 2, 747) в Восточной и Западной Австралии; детей с уродствами или тех, которые причиняют боль при родах — всех их, безусловно, потому что их считают одержимыми злыми духами — также убивают, как и всех детей от европейских отцов, которые бросили мать (Grey 2, 251. Bennet 1, 122). Согласно Бретону (231), из детей-метисов убивают только мальчиков, а не девочек, в то время как в других случаях девочек убивают настолько предпочтительно, что, по данным Грея (2, 251),

соотношение женщин и мужчин составляет 1: 3. Каждая мать убивает свою третью, а иногда и вторую девочку, если ее не принимает чужая женщина как своего ребенка (Salvado 111). Часто вызывают выкидыши и убивают новорожденных, чтобы избавиться от бремени и трудностей, связанных с воспитанием детей (Meinicke а 2, 208). Да, даже бывает, что родители сами съедают своих новорожденных детей (Stanbridge, transaction of the ethnol. Society X. S. 1, 289; Australia felix 129; Angas 1, 73). Напротив, на Земле Нового Света детские убийства не были распространены (Bibra 16).

Однако оно было распространено в Меланезии, например, на Вате (Gill 67), где новорожденных детей закапывали заживо и воспитывали только двух-трех (Turner 394), а также на Эрроманго (Turner 491) и в наибольшей степени на островах в непосредственной близости от Новой Гвинеи (Reina в Zeitschr. 4, 359). На островах Фиджи детские убийства также не были редкостью, как сообщают Уильямс и Калверт (1, 180), и картина, которую они рисуют, достаточно мрачна: искусственные выкидыши, убийства детей, особенно девочек, сразу после рождения, очень часты, из прихоти, лени, ревности и мести; как и в Полинезии, здесь в каждой деревне были люди, которые умели вызывать выкидыши. Хейл (66) приписывает фиджийцам тот же обычай, который мы обнаружили у тупи, и который был настолько распространен среди индоевропейцев, что все дети, которых отец или священник не поднимают с земли сразу после рождения, убиваются как «изгои».

Но еще хуже и в действительно ужасающих масштабах детское убийство встречается в остальной части Океании. Начнем с Микронезии. В то время как на Каролинских островах это преступление не было распространено (Chamisso 137), на островах Ратаки ни одна мать не могла воспитывать более трех детей: все остальные убивались (Chamisso 119); и, чтобы избежать перенаселения, искусственное прерывание беременности, по словам Гулика (410), хотя и вопреки мнению Хейла, часто практикуется жителями островов Гилберта. О группе Кингсвилл, за исключением Макина, Хейл говорит то же самое (96). Судя по всему, что мы знаем о марианских уритао, они, хотя точных данных об этом нет, также, по-видимому, убивали детей, рожденных в результате их развратных поступков, и в частности тех, кто был рожден женщинами низкого происхождения.

В собственно Полинезии на Тикопии остаются в живых только два старших сына, чтобы не перенаселять остров, как и все девочки, поэтому на острове гораздо больше женщин, чем мужчин (Dillon 2, 134). На Тонга убийства детей, мотивом которых в большинстве случаев является лень или удобство, происходили лишь единично (Mariner 2, 18-19), на Самоа же их не было вовсе (Wilkes 2, 80, Williams 560), равно как и на островах Херви (Williams 560).

Только на Таити это преступление было настолько распространено, что Эллис (1, 249) предполагает, что оно могло распространиться в том масштабе, в каком он его обнаружил, только в течение примерно последних 50 лет до открытия, потому что в противном случае такое многочисленное население, какое обнаружили Уоллис и Кук, не могло бы выжить. Кук обнаружил, что убийство детей было широко распространено, и тщетно пытался убедить короля Оту отменить эту практику. Миссионеры Даффа (1796) также считали убийство детей чем-то совершенно естественным, о чем говорили с величайшим безразличием (Wilson 272. 310); и с таким же ужасом от этого безразличия, как и Уилсон, Эллис также говорит, что около двух третей детей были убиты. Первыми тремя детьми были в основном близнецы, никто не воспитывал более двух или трех детей. Но именно благодаря этому роды могли следовать друг за другом быстрее, и так Эллис нашел женщин, которые убили четырех, шестерых, восьмерых, да даже десяти и более детей (1, 250. 251); да, он уверяет, и поскольку ни один сословие не было исключено из этой практики, вполне вероятно, что он не нашел ни одной женщины, которая не запятнала бы свои руки кровью собственных детей. Среди

ареоев существовал такой строгий закон, что всех детей, рожденных членами общества, нужно было убивать, и тот, кто не подчинялся этому закону, был немедленно изгнан. Единственными разрешенными исключениями были то, что первые князья оставляли себе первого сына, и то, что самые знатные ареои (общество имело 12 степеней, Меренхаут 1, 489) убивали только своего старшего ребенка, а также всех девочек. Последнее, вероятно, делалось здесь по религиозным причинам или потому, что девочек считали менее значимыми, чем мальчиков; Меренхаут, от которого взяты эти сведения — он говорит об ареоисах 1, 485-98 — считает, что все эти убийства совершались для того, чтобы население острова не стало слишком многочисленным, с чем вряд ли можно согласиться; так же как и сами таитяне считали, что женщины убивают детей, чтобы сохранить свою красоту. То, что все дети от смешанных браков — по крайней мере, согласно Уильямсу 565, от простого мужчины и знатной женщины — были убиты, само собой разумеется, исходя из представлений о различных сословиях, согласно которым знать была божественной, а народ даже не обладал душой. По словам Маринера, на Тонга таких детей особенно любили выбирать в жертвы. Так было на всех островах Общества. Уильямс рассказывает следующий пример из Раиатеа, где он (в 1829 году) имел свою станцию. Он сидел с Беннеттом в комнате, в глубине которой работали несколько туземных женщин, и когда Беннетт спросил его о масштабах детского убийства, он, чтобы убедиться, что это преступление так широко распространено, как он полагает, спросил случайно присутствовавших женщин, которых он не знал, сколько детей убила каждая из них: девять одна, семь другая, третья пять, то есть все три вместе 21! Другая женщина на смертном одре призналась, что убила 16, а один знатный вождь — 19, а некоторые семьи убили всех (Williams 562-565). В качестве причин туземцы называют, во-первых, страх перед вечными войнами и их кровавыми разрушениями; люди не хотели, чтобы дети мешали им, а также, вероятно, хотели избавить их от злой участи и, что, пожалуй, было главной причиной, не дать врагу повода для какого-либо триумфа (например, через пленение или убийство детей). Во-вторых, важной причиной было различие в ранге. Если мужчина был ниже по рангу, чем его жена, он мог подняться до ранга жены, убив двух, четырех или шесть детей, в зависимости от того, насколько он был ниже, и дети, которые родились у него после того, как он достиг этого уровня, оставались в живых. Женщина же, которая была низшего ранга, чем ее муж, не могла подняться ни одним способом, в том числе и этим, поскольку все наследования происходили только по женской линии. Но если в смешанных браках дети оставались живы, семья опускалась до ранга, который имел менее знатный из родителей (Эллис 1, 256). В качестве третьей причины Уильямс указывает на тщеславие женщин: они не хотели ставить под угрозу свою красоту кормлением грудью и уходом за детьми. Однако главной причиной, если не считать религиозных мотивов в доисторические времена, была, по-видимому, лень: на острове, который мог легко прокормить гораздо большее население, отец четверых детей считался «сильно обремененным» человеком (Эллис, там же).

Детей убивали, прижимая к их рту мокрую тряпку, сдавливая им горло большим пальцем или пронзая их острым бамбуком еще в утробе матери, но во время родов; или закапывали их заживо, причем предпочитали делать это так, чтобы земля не попадала на них напрямую, а возвышалась над ними (Williams и Ellis, там же). Четвертый, еще более ужасный способ описывает Уильямс на стр. 567-568: сначала новорожденным ломали пальцы рук и ног, а если они не умирали, то ломали суставы рук и ног. Если ребенок выживал и после этого, то наступала очередь колен и локтей, а если он все еще оставался жив, то его в конце концов душили. Однако само действие ужаснее, чем настроение, которое его породило: ведь, без сомнения, эти ужасные способы смерти применялись исключительно из уважения к душе ребенка, которую следовало скорее побуждать, чем принуждать, самым мягким образом, извне, к удалению, и только если она совершенно не понимала этого побуждения,

прибегали к принуждению. Ведь души убитых детей, которых, согласно представлениям Меренхаута, считали саранчой, считались святыми и почитались. Здесь тоже почти в каждой деревне были люди, которые занимались убийством детей (Williams 568), и все же, если ребенку удавалось прожить хотя бы четверть часа, его уже нельзя было убивать, и тогда у него появлялись очень любящие, даже нежные родители.

Еще более жестокими были жители Сандвичевых островов. Здесь детское убийство было распространено, особенно в низших слоях общества, где родители, даже если их браки были плодотворными, редко воспитывали более двух или трех, а чаще всего только одного ребенка. Здесь также (Эллис 4, 326-330) 2/3 детей убивали, в основном через удушение или закапывание заживо, причем их просто покрывали землей и утрамбовывали ее ногами. Здесь маленькие тела часто хоронили в собственном доме, даже в спальне родителей, в то время как на Таити им по крайней мере отводили место рядом с домом. Часто, как и на Таити, это были сами родители, которые совершали это ужасное деяние. На Гавайях причиной этого убийства чаще всего была лень, по Эллису 4, 329, и тщеславие женщин, по Джарвесу 85. Но в то время как на Таити дети, которые выживали в течение первых получаса, спасались и воспитывались с нежностью, на Гавайях с гораздо большей бесчувственностью убивали детей даже через год, да и позже. Если ребенок был болен и беспокоил, его закапывали заживо, если его крики были невыносимы для матери, она затыкала ему рот куском ткани и закапывала несчастное существо в землю, в нескольких шагах от своей постели, к которой она после совершения деяния спокойно возвращалась, как ни в чем не бывало (Эллис 4, 330). И даже это превосходит следующий случай, о котором также рассказывает Эллис (326). Мужчина и женщина, у которых был ребенок, красивый мальчик, по словам Джарвеса (73) семи лет, поссорились из-за него, и, поскольку женщина не уступала, отец схватил ребенка за голову и ноги, сломал ему спину пополам на колене и бросил дергающееся тело к ногам матери! Тамехамеха, которому сообщили об этом злодеянии, заявил, что не может наказать виновного, поскольку мужчина убил своего собственного ребенка. — В Новой Зеландии детские убийства также не редкость (Angas 1, 313); однако, как и на Таити, они не допускаются, если ребенок прожил хотя бы полчаса. Если его хотят убить, то его обычно закапывают живым или задушают при рождении. Часто мотивом для этого является месть за жестокое обращение с женщиной во время беременности, или потому, что отец ее бросил, или по какой-либо другой причине (Dieffenbach 2, 25 ff.). Но и здесь на первом месте стоит лень. Убивали в основном девочек (Taylor 165). Также часто встречаются аборт: поэтому неудивительно, что (Browne 40) в среднем в семьях рождается чуть больше двух детей. Однако эти ужасные обычаи преобладают в основном на побережье; в глубине страны семьи более многочисленны, и Диффенбах (2, 33) видел семьи, в которых было до 10 детей. К детям, которых пощадили, маори относятся с любовью (Диффенбах 2, 25 и далее), хотя и не с особой нежностью (Браун 39).

Может показаться, что мы слишком долго задержались на этой отталкивающей теме и слишком углубились в детали, но это более подробное рассмотрение было необходимо для следующего доказательства. Поскольку все полинезийцы являются любящими родителями, но при этом мы видим, что те же самые родители во всей восточной Полинезии настолько закалены в отношении убийства детей, что спокойно говорят обо всех этих ужасах и даже хладнокровно убивают уже взрослых детей: то этот обычай не мог распространиться всего за 50 лет до открытия, то есть около 1700 или 1710 года, как утверждает Эллис. В любом случае, он должен быть старше, даже в таком масштабе. Ведь чтобы полностью подчинить себе народ, такой обычай, даже если он в ограниченном виде существовал и раньше, требует более 50 лет. Нам также известно, что марианские женщины массово убивали своих детей до и во время родов, когда испанцы завоевывали острова, чтобы новорожденные не попали в

рабство. Это также предполагает знакомство с подобными обычаями, к тому же у малайского племени обычай убийства детей или искусственного аборта встречается очень часто. Так, батты часто вызывают преждевременные роды (Waitz 5, 190); восточные малагасийцы убивают близнецов, а также детей, родившихся в несчастливый день, топят их, выбрасывают или закапывают заживо (Waitz 2, 441). Бисайцы, чтобы не обнищать, воспитывают только нескольких детей и в большинстве случаев убивают внебрачных детей, потому что девушка, ее отец и ее возлюбленный должны понести наказание за внебрачную беременность (Лоарка в Ternaux Archives 1, 23). Подобно этому, пинтадо на Филиппинах убивают своих детей, начиная с третьего года жизни, заживо хороня их во время праздников и веселий, а также, чтобы не кормить их, всех внебрачных детей (согласно отчету 1577 года в N. Journ. As. VIII, 39, 1831). На островах Нияс детей выбрасывают (Domis bei Oosterling tydschrift toegew. van de verbreiding d. Kennis v. Oost. Indie II, 2, 125). О абортах детей у даджаков из-за безнравственности упоминает Шванер в Borneo 1, 203.

Как же объяснить возникновение этого ужасного обычая? Является ли его причиной просто лень и отрешенность? В Африке и Северной Америке, конечно, чаще всего причиной является внешняя нищета, так же как и маркизаны убивали и ели своих детей из-за голода (Эллис 4, 328); но этого недостаточно для Полинезии и Южной Америки. Мейнике (b, 59–60) считает, что в Полинезии детоубийство было введено для сохранения чистоты крови аристократии. Он обосновывает эту точку зрения, для которой не существует исторических оснований, тем, что, несмотря на то, что детское убийство встречается во всех слоях населения, на Таити оно в основном исходит от ареев, что все дети от смешанных браков, которые были неизбежны при формальном праве знати на любые жизненные удовольствия, были убиты. «Таким образом, — продолжает он на стр. 60, — такие дети, возможно, убивались на протяжении тысячелетий, без того чтобы это оказало большое влияние на физические достоинства, которые подобные союзы с людьми низкого сословия не часто приносили, и на их небольшое число. Но со временем начали убивать детей и для того, чтобы забота о них не мешала разврату и удовольствиям (как это было у ареев), и, наконец, этот ужасный обычай распространился только под влиянием моды, которая на южных островах, как и в других частях света, побуждает низшие сословия подражать извращениям и даже порокам знати, в том числе и среди народа, где она находила многообразную поддержку в удобствах, разврате, бедности и трудностях воспитания детей. Видно, что с течением времени детское убийство должно было постоянно расти, и в этом следует искать одну из главных причин удивительно быстрого сокращения населения, даже если данные миссионеров о количестве принесенных в жертву детей и преувеличены». Последнее, однако, маловероятно, учитывая конкретные цифры, указанные в отдельных случаях, и точное совпадение данных, приведенных миссионерами^[1], поскольку Эллис прямо заявляет, что он проверил на месте данные Уильямса о том, что 2/3 детей были убиты, и не нашел их преувеличенными. Однако Майнике прав в том, что он также считает этот обычай очень древним.

Однако в остальном его мнение вряд ли верно. Возможно, впоследствии разница между народом и знатью привела к дальнейшему распространению детского убийства, и он, безусловно, в значительной степени способствовал этому, но он определенно не был его причиной, о чем свидетельствует тот факт, что в Южной Америке мы обнаружили детское убийство почти в таком же масштабе, как и в Полинезии, но не обнаружили разницы между сословиями. Но даже для одной только Полинезии становится сомнительным рассматривать последнее как единственную причину первого, если учесть следующее. Уильямс, как мы уже видели ранее, говорит, что низший человек может посредством детоубийства приравняться к положению своей более знатной жены; что Майнике, вероятно, только по ошибке со своей

стороны, считал заблуждением. Ведь все сословия наследовались по материнской линии; дворянство, кроме того, было одухотворенным, божественным сословием, в отличие от бездушного, земного народа. Души детей, которые, по мнению Меренхаута, считались особенно святыми и к которым обращались с молитвами как к посредникам между богами и людьми, могли, если их приносили в жертву бездушному мужчине, помочь ему обрести душу, будь то путем прямого перехода в него или посредством божеств, благодаря чему он поднимался на более высокий ранг. Ареои — религиозное общество; религиозное благоговение проявлялось в том, как (по крайней мере, на Таити) убивали детей; во многих случаях их, возможно, убивали только для того, чтобы иметь защитных духов или принести их в жертву богам в обмен на собственную жизнь — о таких жертвах мы поговорим чуть позже. Такое же значение, по-видимому, имело убийство детей в Микронезии и Меланезии, как указывают отдельные следы, хотя и не может быть приведено убедительных доказательств, кроме их родства с полинезийцами. Однако, когда Майнике говорит, что этот обычай, должно быть, был распространен повсеместно, а там, где мы не находим упоминаний о нем, как, например, в Тонга, его просто упустили из виду, с этим нельзя согласиться; столь тонкому и проницательному наблюдателю, как Маринер, не мог ускользнуть столь заметный обычай, и он в 2, 18-19 явно приводит случай такого рода как нечто экстраординарное. Но возможно, да и вероятно, что этот обычай изначально существовал и в Тонга, только в то время, как он распространялся по остальной Полинезии, он очень рано, задолго до открытия острова, уступил место более здравому смыслу тонганцев, которые отказались и от других подобных обычаев, например, от убийства женщин при смерти мужчин, о котором Маринерс слышал как о ранее существовавшем (1, 342), но который к его времени уже вышел из употребления.

Поскольку у нас есть основания считать этот обычай у полинезийцев первоначально религиозным, который, конечно, в более позднее время распространился бесконечно по совершенно другим мотивам, из лени, тщеславия, безжалостности, высокомерия и т. д., и поразил всю жизнь нации в новой форме; то и довольно широкое распространение этого обычая, которое мы обнаружили в собственно Малайзии от Лусона до Мадагаскара, может быть основано на том же принципе. Как обстоит дело с этим в Южной Америке, мы не будем обсуждать, поскольку у нас нет старых данных; однако, возможно, здесь господствовало такое же основополагающее представление, как мы предполагали для Полинезии. По крайней мере, в Мексике верили, что маленькие дети, которые умирают, особенно любимы богами; они приходят к дереву, с которого постоянно капает молоко, и являются посредниками между богами и людьми (Waitz 4, 166). Жертвоприношения детей, чтобы расположить к себе богов, были у них очень распространены (4, 159), а изображение бога, которое они раздавали между собой во время церемонии, похожей на наше причастие, и употребляли в пищу как «плоть божью», было сделано из детской крови, так же как у тотонаков были приготовлены пироги, которые они называли «хлебом нашей жизни» (Waitz 4, 161). Сейчас этот обычай, по-видимому, не имеет иных мотивов, кроме тщеславия, лени, нищеты и нужды^[1]. Убийство близнецов или одного из двух детей основано на иных основаниях: оно проистекает из ужаса перед portentum многоплодной роды, в которой видели нечто неестественное и поэтому жуткое или же сходство с животными.

§ 9. Война и каннибализм.

Если выше мы видели, как мало ценилась человеческая жизнь у первобытных народов, то далее мы найдем еще более массовые примеры ее низкой ценности, поскольку сначала нам необходимо заняться вопросом, какое влияние на численность и существование этих народов оказали война, каннибализм и человеческие жертвоприношения?

Конечно, характер ведения войны у некультурных племен, по-видимому, требовал меньших жертв, чем у культурных. Ведь какими бы воинственными ни были североамериканцы, каким бы ни было их жизнь, почти полностью основанная на войне, они считали такой способ ведения войны, как европейский, когда в открытом сражении всегда подвергаешь свою жизнь опасности, глупостью; их война заключалась только в том, чтобы подстергать врага, нападать на него и устраивать засады; поэтому она велась не столько благодаря храбрости, сколько благодаря быстроте, хитрости и смелости. Но зато война у них никогда не заканчивалась: ее постоянно разжигали пограничные конфликты или кровная месть, а также месть за колдовство (которое, как считалось, было причиной любой смерти, особенно смерти вождей) или старая, укоренившаяся и никогда не угасающая из-за постоянных новых злодеяний межплеменная вражда. И именно этот скрытый, почти трусливый способ ведения войны часто приводил к ужасному кровопролитию, поскольку во время нападений, как правило, неподготовленный и беззащитный враг был полностью истреблен вместе с женами и детьми, только ради скальпов, захват которых был для победителей делом чести и самым важным делом. В Виргинии и у гуронов женщины и дети в основном брались в плен, но если сражение было долгим и ожесточенным, то и здесь победители убивали всех, кого могли (Waitz 3, 150-154). А пленных врагов, мужчин, как известно, эти народы почти всегда убивали. Что такие войны стали роковыми для существования целых народов и, таким образом, как причина их вымирания, действительно заслуживают нашего внимания, подтверждают свидетельства, собранные Вайтцем в отношении Америки (1, 165). «Индейцы медных рудников, — говорит он в этом месте, — были почти полностью истреблены индейцами Хундриппин (Hearne), моки были сильно ослаблены навахо (Schoolcraft), а осаги за 10 лет были сокращены до половины своей прежней численности из-за удивительно большого количества врагов. Небольшая часть побежденного народа нередко поглощается победителями, и с этого момента ее имя исчезает из истории. Таким образом, например, крики постепенно поглотили остатки 15 других племен». Ирокезы (Waitz 3, 155) также чрезвычайно пострадали от таких войн. За Скалистыми горами войны гораздо мягче и в целом наносят мало го ущерба (3, 338), и то же самое наблюдается у народов Орегона, хотя они казались гораздо сильнее, чем нулки и чинуки.

Каннибализм, который неотделим от войны, не оказал значительного и опасного для их численности влияния на народы Северной Америки. Он встречается у некоторых народов, например, у северных атапасков, индейцев-зайцев, ниписсангов, кри, оджибвеев, но у всех них ужас перед этим деянием чрезвычайно велик. Он также встречается, по той же причине, у индейцев Канады, которые, однако, меньше его презирают (Waitz 3, 89). Только у алгонкинов, ирокезов и сиу каннибализм был ранее (сейчас он прекратился) широко распространен, и особенно примечательно, что у майами и потаватоми существовало особое общество, состоящее из определенных семей, которое ело человеческую плоть и считало себя обладателем сверхъестественных магических сил, передаваемых другим (Waitz 3, 159 по Keating): это напоминает общества ареоев на Таити и аналогичные общества на других полинезийских островах.^[1] Но у всех этих американских народов, а также у индейцев

Орегона (Waitz 3, 345) каннибализм практиковался только в отношении пленных или павших врагов, чьи сердца ели, отчасти из мести, отчасти для того, чтобы присвоить себе храбрость и силу того, кому принадлежало сердце (Waitz 3, 159).

В Южной Америке война оказала не меньшее, а антропофагия даже большее влияние, чем в Северной Америке: ведь здесь жил народ, давший название каннибализму, — канибы, карибы или караибы. Первоначально они проживали на Малых Антильских островах и на материке, расположенном напротив них, и, по рассказу Колумба, оттуда они совершали разрушительные военные походы в далекие края, чтобы похищать женщин, убивая мужчин и пожирая их, а также своих собственных детей, рожденных от похищенных женщин (Waitz 3, 374-375). Их женщины также были чрезвычайно воинственными и сражались настолько самостоятельно, что, по-видимому, именно они послужили источником легенды об амазонках, широко распространенной в северной части Южной Америки. Шомбургк 2, 429 рассказывает, что карибы обращались против макуси, чтобы захватывать рабов, к чему их подталкивали голландцы из корыстных соображений, поскольку те покупали у них рабов. Он подробно описывает эту отвратительную торговлю и говорит, что она существовала до сороковых годов этого века, то есть до наших дней! То, как карибы до сих пор боятся всех других индейских племен как господ и повелителей, так что они могут без проблем брать все, что им нравится, в любой хижине (там же, 427), а также слепая боязнь, которую до сих пор испытывают к ним в тех краях, дают понять, какими они могли быть когда-то. И то, как благодаря им атуры (Humboldt с, 1, 284) проникли в водопады Ориноко, где

последние следы их племени
скрывает зелень прибрежных тростников,

загнанные внутрь, погибли: так же кровопролитные войны, которые они вели, были одной из главных причин сокращения племен в Гайане. Однако теперь они (Шомбургк 2, 430) больше не едят человеческую плоть; и теперь они также сильно сократились (там же, 417), чему, возможно, в немалой степени способствовали их собственные войны. Поскольку тупи были храбрыми, даже дикими воинами (Azara 218) и они, как и гуарани (которых Azara 213 ff. описывает как очень пугливых), употребляли человеческую плоть; поскольку почти все южноамериканские племена, такие как арауканы () (Waitz 3, 529 ff.), чикитос (eb. 530), пампас, патагонцы и т. д. (Azara во многих местах), отличались дикой храбростью и, следовательно, между ними почти постоянно шла война; поскольку почти все они были каннибалами, как мбая (Waitz 3, 473), особенно гуайкуру (471), тоба (475), абипоне (476), туземцы Огненной Земли (508) и патагонцы, которые убивали всех вражеских мужчин, а женщин и детей брали в плен: то мы поймем, что число этих народов, которые находятся в такой ожесточенной и непрекращающейся борьбе друг с другом, также уменьшилось и продолжает уменьшаться. Чуди 2, 259 прямо говорит, что нападения ботокудов на полудициализованных индейцев, подчиненных португальцами в Рио-де-Жанейро, являются причиной того, что эти районы и сегодня остаются так мало заселенными. Следует также помнить, что эти народы имеют в своем распоряжении особо опасное оружие в виде древнего яда, которым они смазывают свои копья, поскольку этот яд неизменно убивает даже при самом легком ранении.

Согласно прекрасному описанию Вайца, культурные народы древней Америки также были искусными воинами. Однако поскольку их войны не были направлены на уничтожение врага, а оставляли ему, даже если он был побежден, его национальность и имущество, за

исключением дани, которую он должен был платить (Вайц 4, 77. 406), они могли уничтожить название народов, присоединив побежденных к своему народу, и особенно в Перу это происходило часто (407), но уничтожить народ или даже уменьшить его численность настолько, чтобы сломить его жизненную силу, они не могли и не делали, потому что Колумб, Кортес и Писарро обнаружили густонаселенные, процветающие государства. Конечно, в Мексике существовало и людоедство: приносили в жертву рабов или военнопленных, а отомы, как говорят, даже продавали человеческое мясо на рынке, и этот обычай считался настолько нормальным, что о нем открыто говорили и рассказывали испанцам, что их мясо имеет горький вкус (Waitz 4, 158); однако очевидно, что этот обычай не представлял ни малейшей угрозы для существования этих народов или их соседей, поскольку был очень мало распространен. Он, по-видимому, был правом древних времен, когда, конечно, он был более распространен. В Новой Гран-Наде каннибализм был распространен в некоторых районах страны в очень грубой форме (Waitz 4, 374, 376). То, что рассказывают о карибах, что они ели своих детей, рожденных от плененных женщин, они сами также сообщают (4, 374). Антропофагия встречалась и в Юкатане (310).

Однако в южных морях мы видим иную картину. В Австралии, за исключением севера, сражения сами по себе не очень кровопролитные: Хейл 115 описывает, как они обычно возникают из частных драк, как обе стороны, каждая по 200 человек, сначала долго и яростно ругаются, а затем каждый по очереди выходит вперед и бросает копье, пока кто-нибудь не будет ранен: тогда сражение заканчивается. Однако им ни в коем случае не недостает мужества, силы и стойкости, так как они с большим терпением переносят боль (Тернбулл 34-35). Но поскольку войны, в которых враждуют почти все племена между собой, очень многочисленны (Wilson 143 v.d. Rafflesbai), поскольку некоторые из них, в частности северные австралийцы, чьи воины и колдуны крайне опасны на всем континенте, нельзя пренебрегать как противниками даже европейцам (Grey 1, 152), поскольку, кроме того, эти войны в основном состоят из нападений и убийств беззащитных или спящих людей, а каждый такой поступок требует мести, они просто бесконечны (Meinicke a 2, 198) — они настолько губительны для численности и процветания населения, что мы должны назвать их одной из важнейших причин вымирания австралийцев. Коренные жители Земли Вандимена также жили в постоянных спорах между собой, которые велись между племенами (Nixon 26).

В Новой Голландии также распространено каннибализм, но отнюдь не в широких масштабах. Так, согласно Angas 1, 68, туземцы озера Альберт используют черепа своих врагов в качестве сосудов для питья, подобно инкам Перу (Waitz 4, 413) и абипонам, а также, согласно известному свидетельству Павла Диакона, лангобардам.^[K] Кроме того, каннибалы должны жить в глубине страны (Angas 2, 231); на севере друзья наверняка съедают кусок тела умершего друга, а в Мортон-Бэй (Angas 1, 73) родители из любви едят плоть своих умерших детей, обычай, который, по мнению других, распространяется на всех любимых родственников (Howitt a, 289. Austral, Felix 134). Он также встречается на Гавайях: там люди из любви ели плоть тел своих умерших правителей (Remy XLVIII. 125.^[L]). Суеверие также способствовало распространению каннибализма. Как у потаватоми и майями в Северной Америке, так и во многих индо-арабских сказках, употребление человеческого мяса дает сверхчеловеческую силу — черта, которая, хотя и в более завуалированном виде, встречается и в немецких легендах (Бехштейн, Легенды Рёнского края и Графского поля 60 и далее)^[M] — так же в Австралии (по Эйру) колдуны должны есть человеческую плоть, чтобы сохранить свою волшебную силу. На озере Александрина нередко извлекают жир из почек живого человека, который, как считается, обладает особой силой в качестве заклинания против злых духов (Angas 1, 123). Беннет (1, 295) также обнаружил человеческий жир, который хранился в качестве магического средства или лекарства. Таким образом, Майнике

а 2, 184, вероятно, слишком свободно изобразил новоголландцев как народ, не практикующий каннибализм.

Переходя к меланезийским островам, мы видим, что на Ваникоро между отдельными племенами ведутся постоянные войны (D'Urville 5, 165), и хотя они и не утверждают, что являются каннибалами, черепа врагов служат трофеями (там же, 217), которые хранятся в общественном доступе. На Танне также идет постоянная война между отдельными племенами (Turner 82, Gill 227), поскольку каждое личное оскорбление влечет за собой публичную войну (85) и развитый каннибализм: убитые враги варятся с ямсом, цветные предпочитают белым, отдельные порции мяса отправляются друзьям в качестве почетных подарков и т. д. (82). Каннибализм встречается также на Фате и Анеитуме, хотя оба эти острова менее воинственны (Тернер 393. 371. Гилл 66). Эрроманго и Маре (Ненгоне), на последнем из которых соседствовали два враждующих государства, постоянно страдали от страстных войн, и антропофагия здесь достигла такой степени, что даже ближайшие родственники, если с ними возникал спор, убивались и съедались (Gill 10-11; 122. Тёрнер 400. 411). Утверждение католической миссии о том, что она положила конец каннибализму в Новой Каледонии, является пустым утверждением или даже вымыслом (Монтреваль в *пouv. annal. de la foi* 1854, 94); Тернер (не говоря уже о других) обнаружил, что там он был очень развит и настолько непринужден, что повсеместно признавался и обсуждался (426), как он также сообщает нам о постоянных войнах на острове (428). Жители Изабеллы уже в 1595 году Мендана (Dalrymple 91) описывает как людоедов и ярых воинов, какими являются и жители Гуадалканара. Ревностными воинами и людоедами являются также туземцы Лузиады (Salerio у Petermann 1862, 342-344), а о северо-западном побережье Новой Гвинеи один из лучших знатоков этих мест, Марсден (в *Transact. of the Reg. Asiat. Soc.* 3, 125), что там царит крайне жестокий каннибализм: люди едят как врагов, так и друзей, как умерших естественной смертью, так и убитых, и, учитывая эту информацию, непонятно, как Финч (49) может настаивать на своем утверждении, что ни один достоверный человек не предоставил конкретной информации о каннибализме в Новой Гвинее. Некоторые новогвинейские племена являются охотниками за головами, т. е. они убивают всех, кого находят, чтобы захватить головы, обладание большим количеством которых является большой честью; и именно для этой цели в округе Намоттотте (Спилмансбай) ведутся самые упорные и кровопролитные войны (N. Guin. 109 ff. и, следовательно, Finsch 82).

Но хуже, чем где-либо, пренебрежение к человеческой жизни на Фиджи, жители которых славятся особой храбростью и на Тонга, и которые часто посещались такими тонганцами, которые хотели испытать военные приключения и прославиться дома как воины (Mariner). Война, согласно Wilkes 3, 63, является для них настолько постоянным занятием, что на группе островов всегда идет какая-нибудь борьба; а поскольку островитяне столь же кровожадны, сколь и вероломны (Hale 50), эти войны носят очень разрушительный характер. Однако они ведут войну, которая, тем не менее, всегда объявляется открыто, только путем предательства и тайных нападений; поэтому Уильямс и Калверт (1, 43), а также Эрскин (249) называют их прямо трусами. Из-за постоянного предательства в группе царит безграничное недоверие, никто не выходит без оружия из-за страха быть нападённым (Will. u. Calv. a.a.O.), никто не доверяет другому, даже самым близким родственникам (Hale 51). И не без оснований: поскольку для их более или менее торжественных застолий необходимо человеческое мясо, то часто самые безобидные путники (чем безобиднее, тем скорее), женщины, работающие в поле, и т. д. подвергаются нападениям и убиваются, о чем Эрскин приводит 182 возмутительных примера. Хотя сражения прекращаются, как только падают несколько человек (Джексон у Эрскина 425), войны все же чрезвычайно кровопролитные из-за бессмысленной ярости, с которой убивают все, что попадает им под руку. При нападениях,

которые происходят очень часто, они поступают точно так же, так что часто уничтожаются целые районы (Эрскин и Джексон, там же, Seemann Zeitschr. 9, 476). Тот, кто убил человека, получает почетное имя и посвящается в особую церемонии (Will. u. Calvert 55), точно так же, как в некоторых районах Новой Гвинеи только тот, кто убил врага, может носить перья какаду, а у древних германцев только такой человек мог пить из самого драгоценного и героического сосуда для питья — черепа убитого врага.

Каннибализм здесь процветает, как, пожалуй, нигде больше в мире. Эрскин, посетивший эту группу около 1840 года, приводит (257-60) примеры. Коренные жители называют человека только «длинной» свиньей, в отличие от «настоящей» свиньи (там же); на каждом празднике необходимо есть человеческое мясо, для чего племена, устраивающие праздник, нередко забивают своих собственных детей; всех врагов, всех потерпевших кораблекрушение съедают (Эрскин. 262. 229). Или, чтобы добыть необходимое мясо, убивают первого встречного из народа, которого застают безоружным (так однажды было поймано и съедено 16 женщин, как рассказывает Эрскин 182). Посылать всем друзьям это самое ценное блюдо — настолько укоренившийся обычай, что нередко, если по какой-то причине его не соблюдают, возникает война. Жертве часто дают в руки дубинку, раскрашивают лицо в красный цвет и надевают парик (Эрскин 262); в некоторых районах группы женщины танцуют вокруг этих мертвецов самые постыдные танцы, чтобы издеваться над ними (Джекс, у Эрскина 440). Существуют также различные способы приготовления человеческого мяса, которые различаются в зависимости от региона (261. 439). Когда умер сын вождя, его отец оплакивал его: он был таким смелым! Когда его злили, он убивал своих собственных жен и ел их (Ersk. 244). Также Маринер (1, 329) называет каннибализм на островах Фиджи очень распространенным и говорит, что он пришел оттуда к тонганцам, которые практикуют его только в хвастливом подражании фиджийцам; на одном празднике фиджийцы съели 200 врагов (1, 345; 2, 71). Те, кто умирает естественной смертью, не съедаются (Williams и Calvert 1, 266), но были случаи, когда раскапывали могилы, чтобы съесть трупы! (там же, 212), да, чтобы не утаивать даже самое отвратительное, они вырезают куски мяса и у живых, но только у пленных врагов, и съедают их на их глазах (Will. u. Calv. 1, 212). Причина каннибализма, первоначально ненависть и жажда мести или хвастовство, с помощью которого хотели выглядеть ужасными, или намерение присвоить себе качества съеденного, теперь почти везде в группе сводится только к вкусу человеческого мяса, которое они теперь предпочитают любому другому мясу. Они никогда не едят ее сырой: вилка, которой ее едят, запрещена (табу) для всех других блюд (там же, 212). Под барабанный бой в определенном ритме

который обычно никогда не применяется, они приглашают на праздники каннибалов (Erskine 291), из которых почти всегда исключаются женщины, рабы и некоторые священники (Erskine 260; Williams и Calvert 1, 211). И несмотря на все это, каннибализм имел у них религиозное освящение: убитые враги сначала приносятся в жертву богам (Эрскин 261), которые сами являются каннибалами (247), и на каждом празднике каннибалов исполняются определенные священные танцы, которые не танцуются в других случаях (209, 440).

Мы так долго останавливались на этой отвратительной детали, во-первых, потому что она представляет большой антропологический интерес, а во-вторых, и главным образом, чтобы доказать, что каннибализм, который так сильно так укоренился у фиджийцев, возник не только в последнее время, как теперь любят рассказывать вожди, рука об руку с все более

кровопролитными войнами (Эрскин, 272). Он, безусловно, существует уже много веков, гораздо дольше, чем фиджийцы занимают свое нынешнее место жительства: просто он все больше и больше распространялся и, возможно, принял свои самые жестокие формы, например, поедание людей из-за вкусовых качеств, только в последнем веке своего существования, но при этом просуществовал по крайней мере столько же. Тем не менее, и к этому факту мы еще вернемся, не наблюдается вымирания населения (Эрскин, 274). По данным миссионеров (там же), его численность составляет 200-300 000 человек, и хотя эта цифра может быть несколько завышена, она в любом случае достаточно значительна, так что даже Бем принимает 200 000 за общую сумму. Кроме того, что особенно важно для исторического рассмотрения коренных народов, они сами осознали опасность каннибализма; отсюда и полуоправдательные речи туземных князей; отсюда и относительная легкость борьбы, которую миссионеры ведут против антропофагии, которую, однако, именно из-за древности этого обычая, следовало бы считать бесконечно сложной (Erskine 280). Да, их даже поддерживает языческая партия, которая решительно выступает против каннибализма, а также против бессмысленного убийства женщин и рабов, о чем мы поговорим чуть позже, и которая рьяно борется за отмену всех этих обычаев. Именно князья из феодальных побуждений хотят сохранить все это (Seemann Zeitschr. 10, 289). Видно, что христианство пришло сюда как раз вовремя: но видно также, что такие изменения, как те, которые мы предполагали ранее для Тонга, действительно могли произойти среди этих народов: мы видим, как они происходят на наших глазах среди гораздо более дикого народа.

В Полинезии также велись кровопролитные войны, причем следует отметить, что, хотя нельзя отрицать личную храбрость туземцев, которую они продемонстрировали даже по отношению к европейцам, в том числе и таитяне, которые в остальном были довольно мягкотелыми, тем не менее и здесь войны велись в основном путем нападений. Но и полинезийцы хладнокровно убивают побежденный племя, включая женщин и детей, поэтому их войны чрезвычайно кровопролитные и разрушительные. Такие сражения велись в Новой Зеландии и в значительной степени способствовали распаду маористских государств и сокращению населения (Dieffenbach 2, 132), которое частично было убито в ходе войны, частично превращено в рабов, а частично уничтожено бедствиями после войны (2, 16). В Тонга военнопленные (Mariner 1, 115) всегда убивались, как и все жители завоеванных городов (1, 101). О жестоких войнах под руководством Финау (который, например, однажды утопил 18 только подозреваемых знатных людей, Mariner 1, 271), которые к моменту прибытия европейцев уже были в полном расцвете и были лишь повторением или продолжением более ранних подобных войн, Маринер дал нам верную, но ужасающую картину, а также рассказал, что обычаи тонганцев все больше дичались под влиянием знакомства с фиджийцами. На Самоа царили еще более жестокие военные обычаи, чем на Тонга (Mariner 1, 163), и достаточно часто там происходили кровавые войны, которые описывает Тернер 304 и ранее. А если мы посмотрим на архипелаг Маркизские острова, то весь Нукухива разделен на отдельные долины, спускающиеся с высокой вершины острова, каждая из которых заселена особым племенем. Все эти племена находятся в ожесточенной вражде и вечной войне (Мелвилл, Крузенштерн, Матиас Г***). Но гораздо хуже, чем где-либо, войны бушевали на Таити, который настолько постоянно страдал от них, что Луттерот (22) совершенно справедливо называет мир состоянием, неизвестным на этом острове. И как велись эти вечные войны! Все бежавшие, которых догоняли, все женщины и дети побежденных, которые попадали в руки победителей, были убиты (Mörehout 2, 38-39, Lutteroth 21, Ellis 1, 310 ff.). В прежние времена почти все сражения были морскими и именно поэтому особенно кровопролитными, поскольку побежденные, которые пытались спастись, плывя к берегу, по понятным причинам легко догонялись лодками победителей. Менее разрушительными были сухопутные сражения, поскольку в них, согласно малайско-полинезийскому обычаю, победа

считалась решенной, если погибло лишь несколько человек (Mörenhout 2, 40, Ellis I, 312). Когда люди были уничтожены в ходе преследования, начиналось разрушение земли: поля таро и другие насаждения были опустошены, кокосовые пальмы были вырублены, после чего они погибли, хлебные деревья были срублены, дома сожжены (Эллис 1, 293, Lutteroth 21-22) — короче говоря, побежденные были, по возможности, истреблены, а их земля на долгие годы превращена в бесплодную пустошь. Такие войны бушевали по всей социальной группе; миссионер Нотт за 15 лет на Таити пережил 10 таких войн (Lutteroth 17). Войны на Гавайях также были достаточно разрушительными. Здесь, как и на Таити, происходили кровопролитные морские сражения (Эллис 4, 155), а в сухопутных войнах, в которых, по словам Джарвеса (59), редко встречались засады, тайные нападения и т. п., а в основном велись открытые полевые сражения (которые также не были редкостью на Таити, Ellis 1, 284), именно преследования, а не сами сражения (Jarves 60) приносили смерть и разрушение населению и целым районам. Опасность этих войн достаточно ясно следует из истории Гавайев при Тамехамехе и из движений, которые этот великий князь вызвал на группе островов. Жители острова Паумоту также являются дикими, всеми боящимися воинами, которые ведут между собой самые жестокие войны. Жители Анаа (Chainisland) опустошили все окружающие острова, срубили плодовые деревья, а тех жителей, которых не убили, увезли в рабство (Mörenhout 1, 199, ср. 169). Таким образом они опустошили не менее 38 островов (Hale 35).

В Микронезии также велись и ведутся ожесточенные войны, например, на Палау (Кеате), на отдельных Каролинских островах, а именно на высоких островах Эап, Трак (Хоголеу), Понапи, но не на Кусаи (Уалан Чамиссо 135, Киттлиц 1, 356): так и особенно яростно на Эатаккете (Kotzebue, Chamisso) и на островах Гилберта (Gulick 410). В то время как в этой области деревья щадили только в некоторых местах (Hale 84), в соответствии с общим обычаем океанийцев их рубили на Ратаке и в других местах (Kotzebue 287), и можно себе представить, как ужасно такие варварские действия должны были сказываться на маленьких островах, и без того предлагающих крайне скудную пищу: многие, кого пощадила война, а именно женщины и дети, погибли от голода и нищеты, которые последовали за ней. Поэтому утверждение, что местные войны нанесли океанийскому населению совершенно непредсказуемый ущерб и в значительной степени способствовали его постоянному сокращению, является более чем оправданным.

Обычай собирать черепа, который мы видели в Новой Гвинее и который распространен по всей Малайзии, встречается повсюду в Полинезии, где люди жадно собирают черепа, а на Таити также и нижние челюсти врагов, чтобы хранить их в качестве трофеев (Нукухива Мелвилл 2, 129, Таити Бугенвиль 181, Эллис 1, 309, Перл-острова или Паллисер-острова там же 1, 358, Айтутаики 1, 309, Раротонга 1, 359, Новая Зеландия Диффенбах 2, 134, Самоа Тернер 301. 304). С этим тесно связано широкое распространение каннибализма, который, по данным Хейла 38, в Новой Зеландии, где, по данным Томсона 1, 148, последний случай этого обычая имел место еще в 1843 году, Херви, Мангарева (Гамбье), Паумоту и архипелаге Маркизских островов, практиковался повсеместно и без стеснения. Он также часто становился поводом для войн, когда для того, чтобы съесть его, убивали одного или нескольких человек из чужого племени, что, естественно, требовало мести. На Самоа, Тонга, Таити и Гавайях каннибализм сейчас встречается только в единичных случаях: на Самоа — при особо ожесточенной ненависти (Тернер 194), на Тонга — из хвастовства и в подражание жителям Фиджи (Mariner 1, 116-17), а также в случае голода, когда убивают и съедают кого-нибудь, чаще всего родственника (там же 2, 19; 1, 117); на Таити также из хвастовства, чтобы выглядеть страшным (Ellis 1, 310). Но раньше это было обычным обычаем на этих островах (Hale 37), о чем свидетельствует множество странных и совершенно необъяснимых обычаев:

так, на Таити часто описываемый обычай при человеческих жертвоприношениях, когда королю предлагали левый глаз (место обитания души) жертвы, который затем открывал рот, как будто пожирая его, и благодаря этой церемонии должен был обрести разум и мудрость. Первоначально он, безусловно, съедал его, и только позже, когда обычаи смягчились, люди стали довольствоваться символическим действием, как и в аналогичных случаях у всех народов мира. В архипелаге Самоа тот, кто подчиняется победителю как побежденный, кланяется ему, поднося ему дрова и листья, в которые в Полинезии заворачивают продукты, которые будут приготовлены (Тернер 194). И так можно привести много примеров. Однако, похоже, что, как таитяне, гавайцы и т. д. отменили каннибализм до прихода европейцев, в некоторых других местах Полинезии этот обычай также пришел в упадок или, по крайней мере, был дискредитирован, без влияния европейцев: так, на Нукухиве дикие тайпи полностью отрицали каннибализм и пытались скрыть его от белых, как сообщает Мелвилл. А новозеландские князья рассказывали, что это ни в коем случае не было их древним обычаем, а было введено позже (Томсон 1, 142), утверждение, которое явно ложно и, будучи придуманным ими, едва ли заслуживает опровержения.

§ 10. Человеческие жертвоприношения.

В Северной Америке человеческие жертвоприношения не были очень распространены. Во Флориде женщины и слуги в случае смерти хозяина также убивались, чтобы служить ему в загробном мире (Waitz 3, 199-200), так же как там же первенцы приносились в жертву солнцу. Жертвоприношения детей также часто упоминаются: в Виргинии, Новой Англии, у сиу и в других местах (Waitz 3, 207). У некоторых карибских племен вместе с умершими вождями заживо хоронили нескольких его жен (там же, 3, 387), а за знатными людьми следовал раб (3, 334). Однако у всех этих народов человеческие жертвоприношения были настолько редки, что мы не будем на них задерживаться, поскольку они не имеют никакого значения для нашего рассмотрения. Гораздо более многочисленными были человеческие жертвоприношения, которые требовала религия американских культурных народов и которые восходят к древней доисторической эпохе (Waitz 4, 157). Где бы мы ни встречали человеческие жертвоприношения, мы всегда с большой вероятностью будем связывать их с самыми древними временами, поскольку они всегда коренятся в очень серьезной религиозности, а не в жестокости. Позднее введение таких жертвоприношений встречается только в единичных случаях и почти всегда объясняется подражанием обычаям других народов, особенно ожесточенной войной или чем-то подобным. Однако в течение веков человеческие жертвоприношения исчезли у некоторых народов: например, у индоевропейцев, семитов и т. д. Число этих жертв в Мексике было просто огромным, как доказывают следующие свидетельства, все взятые из Waitz 4, 157 ff. Епископ Сумаргага (во время открытия) оценивает их число по данным Торквемады в 20 000 в год, по крайней мере, в последний период существования империи; в столице и ее ближайших окрестностях их число, по-видимому, превышало 2500 в год. Овьедо утверждает, что Монтесума ежегодно приносил в жертву более 5000 человек; во время праздника в городе Тласкала ежегодно приносили в жертву 800 человек; второй месяц года, поскольку он требовал стольких человеческих жертв, был назван в честь бессонницы людей. В случае засухи, неурожая и т. п. количество жертв увеличивалось. Посвящение главного храма в Теночтитлане (19 февраля

1487 года по Гама) «должно быть, по Торквемаде (1610) 62 344, а по данным Фра Торибио Мотилиния и Икстильксочитля (по материнской линии происходившего из знатной мексиканской княжеской семьи, а по отцовской — испанца, который с большим усердием исследовал историю страны своих материнских предков и написал свои в основном достоверные труды около 1600 года Waitz 4, 7 и 8) даже 80 400 человек». Черепа жертв складывались в большую пирамиду в храмовом дворе, количество которых в главном мексиканском храме оценивается в 136 000 (Waitz 4, 149). Кроме того, к этому числу прибавляется еще большое количество принесенных в жертву людей, поскольку даже небольшие праздники требовали таких жертв, только в меньшем количестве: но из-за постоянного повторения, ведь в году было много праздников, они также складываются в большую сумму. Если мы, как и Вайтц, считаем самые маленькие из указанных цифр наиболее вероятными, то число, получающееся для каждого года, все равно остается огромным. Если только что обсуждаемые жертвы были приносимы богам, то смерть знатных людей требовала других. Если умирал правитель или какой-либо другой знатный человек, за ним следовали в смерть женщины и рабы; но поскольку на 4-й, 20-й, 40-й и 80-й день после похорон на могиле должны были происходить подобные убийства, то нельзя считать число людей, убитых таким образом, слишком малым: иногда оно достигало 200 (4, 167).

Кичи в Гватемале (4, 264), как и чоротеги в Никарагуа (279), народы тольтеков, приносили человеческие жертвы, вероятно, так же часто, как и мексиканцы, поскольку их религия почти во всех отношениях была похожа на мексиканскую. В Юкатане, где такие жертвоприношения также имели место, они были менее многочисленны, чем в тех районах и в Мексике (4, 309).

В Дариене любимые жены и слуги правителя отравляли себя при его смерти или были похоронены вместе с ним заживо (4, 351), как и женщины и слуги у чибчей в Новой Гранаде (4, 466), и человеческие жертвоприношения богам были не редкостью у всех этих народов. То же самое происходило на Антильских островах (4, 327).

В Перу человеческие жертвоприношения, для которых брали пленных врагов, были редкими и практиковались только в исключительных случаях. Но и здесь женщины и слуги следовали за инкой, которому, как считается, пожертвовали 1000 его родственников, а также за знатными людьми, добровольно уходя в смерть, чтобы продолжать служить им в загробном мире. Здесь часто убивали детей; если кто-то из знати заболел, одного из его собственных детей, как полагают, приносили в жертву богам, и он с радостью шел на смерть. Перед выходом на войну, при болезни правителя и при его инаугурации детей, в основном мальчиков в возрасте от 4 до 10 лет, реже девочек, по отдельным, хотя и не совсем достоверным данным, жертвовали до 200, а то и до 1000, что также происходило во время праздника урожая, при опустошительных эпидемиях, а в некоторых районах — с каждым первенцем и одним из близнецов. Кроме того, на ушах умерших проводилась линия от одного уха до другого кровью принесенного в жертву ребенка (Waitz 4, 460-61). Здесь мы должны вернуться к тому, о чем говорили выше: детские жертвоприношения служат только для того, чтобы иметь особо действенного посредника у богов, которые больше всего любили детей; поэтому, а не в качестве замены, собственные дети приносились в жертву при болезнях, и наше мнение подтверждается тем, что дети обычно с радостью шли на смерть: они знали, что их ждет хорошая судьба; отсюда и черта детской кровью на мертвых, которые таким образом несли на себе знак посредника.

Жертвоприношения детей в Мексике имели в основном ту же причину и ту же цель: так, двух детей благородного происхождения топили, когда семена прорастали, а четырех, когда урожай был больше, оставляли умирать от голода (4, 159). В Никарагуа, когда был нужен

дождь, богам приносили в жертву мальчика (4, 379). Подобные жертвоприношения совершали чибчи в Новой Гранаде перед битвой (364).

Но нигде человеческие жертвоприношения не были столь массовыми, как на Фиджи, где мы также обнаружили, что каннибализм был более ужасным, чем где-либо еще. По словам Зеемана (*Zeitschr.* 9, 476), для празднования достижения половой зрелости сына вождя необходимо было полностью уничтожить мятежный город, убить его жителей, сложить их тела в кучу, положить на них рабов, а на них – того, кого посвящали в мужчины. Все потерпевшие кораблекрушение, согласно их вере, должны быть убиты; кто не выполнит это, сам погибнет в кораблекрушении (*Erskine* 249-50). Старые родители заживо хоронятся своими детьми, больные дети — своими родителями (там же), и именно по собственной воле жертв с ними так поступают (477), поскольку считается, что после такой смерти они сразу попадают в другую, гораздо лучшую жизнь; поэтому этот ужасный обычай совместим с настоящей семейной привязанностью. Но именно поэтому понятно, что лишь немногие люди умирают естественной смертью (*Will. u. Calvert* 1, 188). Человеческие жертвоприношения у могилы, особенно вождей, столь же обычны, сколь и обширны; убивают либо всех женщин, либо по крайней мере любимых жен и множество рабов. Мать, чей любимый сын умирает, иногда следует за ним в могилу, друг за другом (*Will. u. Calvert* 1, 134). Здесь также жертвы торопятся из-за награды в загробном мире; женщины задушают себя, если никто не оказывает им эту услугу (*Erskine* 293. *Mariner* 1, 347). Насколько твердо люди придерживались человеческих жертвоприношений, видно из следующей записи у Эрскина 440: один житель острова Фиджи, охваченный состраданием, не принес в жертву богу пленника; тогда последний явился ему во сне и мучил его угрызениями совести за это упущение настолько, что человек почти впал в ярость. Однако та же самая группа, которая, как мы уже упоминали (с. 70), выступает против каннибализма и пытается его искоренить, также враждебно относится к человеческим жертвоприношениям (*Эрскин* 280), и поэтому, с учетом влияния европейцев, они, надеемся, не просуществуют слишком долго. — Подобные обычаи встречались и в других частях Меланезии, хотя нигде они не были столь чрезмерными, как здесь: в частности, это заживо погребение родителей, больных, убийство матери или родственницы в случае смерти маленького ребенка, о чем нам сообщают.

Что касается Полинезии, то, безусловно, преувеличением является утверждение Микелиса (91, без указания источника), что король Футуны (к северу от Самоа), на острове которого проживает 2000 человек, за время своего правления принес в жертву богам 1000 человек. Ведь в остальной части Полинезии человеческие жертвоприношения не были слишком распространены. Конечно, ошибочно утверждение Эллиса 1, 106, что они были введены на Таити только позже, поскольку они слишком тесно связаны со всей полинезийской религией; однако в более позднее время, еще до открытия, они были очень ограничены самими туземцами. В начале войны богу войны приносили человеческую жертву (*Эллис* 1, 276), которому, как и другим богам, часто приносили людей (1, 357). В военное время, во время больших национальных праздников, при болезнях и смерти князей (*Bratring* 182-83. 196) приносили в жертву людей, а также выставляли головы побежденных (что было также меланезийским обычаем) в храмах в качестве посвященного дара (*Mörenhout* 2, 47). Чаше всего такие жертвоприношения совершались на Гавайях, где (*Jarves* 47) часто убивали до 80 человек за раз. Здесь и на Таити для этого брали пленных, преступников или людей, нарушивших какое-либо табу, а если таких не было, то людей из народа (*Jarves* 18. *Ellis* а.а.О.). Подобная практика существовала и на островах Херви (*Williams* 215). Если даже на Гавайях, по словам князей, эти жертвоприношения были введены позже (*Jarves* 47), то это лишь свидетельствует о том, что и здесь уже осознали ужас этого обычая и он находился на спаде. Человеческие жертвоприношения, конечно, также имели место здесь у могил

знатных людей, сначала при выставлении тела, а затем еще чаще при самом погребении (Remy 115). Точно так же в Новой Зеландии раньше было принято — сейчас этот обычай утрачен — чтобы женщины задушились у могил своих мужей, а рабы были убиты (Taylor 97). В Тонга у могил знатных людей время от времени приносили в жертву женщин (аутентичный рассказ из Тонга 78; Mariner 1, 295), что позволяет сделать вывод о прежней распространенности этого обычая, против которого боролись сами тонганские князья.

Особый интерес представляет детское убийство, как оно проявляется в Тонга. Так, (Mariner 1, 229) детей приносили в жертву богам, чтобы искупить преступление князя против святыни: жертва, которая не имела бы никакого смысла, если бы в детях не видели особо приятных богам посредников. Чтобы спасти жизнь короля, был убит один из его детей, рожденных от наложницы (1, 379): но когда Туи-Тонга, высший религиозный и ранее, вероятно, также светский правитель Тонга, заболевает, одного ребенка недостаточно, и убивают трех-четырёх (1, 454).

Прежде чем мы оставим эту тему, следует упомянуть еще об одном виде жертвоприношения, которое, по-видимому, распространено по всему миру: о человеческих жертвах для посвящения, для защиты зданий и т. п.^[N] Этот обычай также наиболее распространен на островах Фиджи. Там, чтобы новые лодки были защищены от штормов и бедствий, их необходимо спускать на воду по живым рабам; каждый столб вновь строящегося дома должен быть обнят живым рабом, чтобы столб стоял надежно — и жертвы, которым в загробной жизни будет вознаграждено за это, толпятся, чтобы быть заживо раздавленными и заживо похороненными (Erskine 249-50). Этот обычай был распространен не только в Меланезии, но и по всей Полинезии: в Новой Зеландии центральный столб дома раньше опирался на человеческие трупы (Taylor 387 ff.), и о том же рассказывает Меренхат 2, 22-23 из Таити; однако и здесь этот обычай, по-видимому, со временем вышел из употребления; ведь если он и Эллис (1, 346) указывают на это использование только для храмов, то, вероятно, только позднее оно было ограничено только ими. Такое же использование встречается и в Южной Америке: дворец Боготы, правителя чибча, стоял на трупах девушек, а его фундамент и дверные косяки были пропитаны человеческой кровью (Waitz 4, 360).

После того как мы завершили этот обзор того, как первобытные народы ценят человеческую жизнь, получается, что их войны являются для них чрезвычайно опасными, даже для отдельных людей, так что мы должны упомянуть их в первую очередь, когда ищем причины вымирания первобытных народов; но каннибализм и человеческие жертвоприношения, хотя и широко распространены в отдельных странах, имеют лишь второстепенное значение и только в сочетании с другими причинами способствовали заметному сокращению численности народа.

§ 11. Конституция и право.

Мы также должны будем, хотя и кратко, рассмотреть некоторые аспекты государственного устройства и права первобытных народов. В этом отношении мы должны обратить внимание на цивилизованные государства Америки, а также на полинезийские острова, поскольку у остальных первобытных народов правовая и государственная жизнь либо недостаточно

развита, чтобы оказать какое-либо влияние, либо развита настолько, что это влияние не было неблагоприятным. Как право в своем древнейшем развитии всегда пишет свои законы «кровью», так было и в Мексике: почти все преступления, даже мелкие кражи, пьянство, клевета и т. п., карались смертью, а иногда и продажей всей семьи в рабство (Waitz 4, 84-85). Ведь принцип, согласно которому клан должен нести ответственность за отдельного преступного члена, действует и здесь. В Перу (4, 414-15) строгость законов была не меньше, а ответственность семьи за виновного, с которым она во многих случаях одновременно подвергалась смерти, была еще больше. Эта строгая юстиция и, в частности, ответственность семьи за отдельного члена, принесла еще больший вред в южных морях, где она также преобладает, поскольку, как мы сейчас увидим, власть правителей там была еще более абсолютной, чем в Америке. Так, в Тонга был уничтожен весь клан мятежника (Mariner 1, 271), а постоянные войны мести между этими народами и кланами частично основаны на этом кровавом представлении о праве (например, для Новой Зеландии Dieffenbach 1, 93, ответственность клана за отдельного человека Thomson 1, 98). В Новой Голландии также применяются довольно суровые наказания (Grey 2, 236-37), либо смерть, либо пронзание отдельных частей тела копьем (что часто приводит к смерти), либо копьевание, т. е. виновный должен подвергнуться броскам копьем со стороны большей или меньшей группы соплеменников, которым он, конечно, может уклоняться благодаря своей ловкости (оружие ему иметь не позволено), если она достаточна (Grey 2, 244-45). Ответственность семьи, племени за отдельного человека здесь, по возможности, еще более строгая, чем где-либо еще (Grey 2, 239-40; 235-36).

В Мексике конституция была строго монархической, причем знать, которая ранее, вероятно, сама обладала высшей государственной властью (Waitz 4, 71), как и в других монархических государствах, имела большие привилегии по отношению к народу. Правитель, поскольку он был представителем Бога на земле, обладал неограниченной властью (Waitz 4, 68); и, хотя это могло приводить к различным проявлениям несправедливости и насилия, отдельные князья могли злоупотреблять своей властью, как, например, последний из них, Монтесума II, который проявлял свой жестокий и высокомерный характер в еще более резком развитии абсолютизма и особом положении знати; но народ терпел это, и это не ставило правителей под угрозу из-за недовольства народа. Хуже было то, что правители своим абсолютизмом слишком сильно парализовали собственную волю народа. «Строгое и всеобщее подчинение воле правителя неоднократно проявлялось со стороны народа в недвусмысленной форме: по знаку Монтесумы все оставалось спокойным, даже когда он сам был взят в плен Кортесом, и с завоеванием столицы всякое сопротивление прекратилось, не только потому, что там были собраны все великие империи, но и потому, что с падением правителя для мексиканцев, остававшихся стойкими до крайности, исчезла обязанность самообороны. Народные революции были почти неизвестны, за исключением вновь завоеванных земель» (Waitz 4, 68). Но самым опасным было завоевательное политика мексиканского государства. Чтобы подчинить все страны себе и своему богу Уицилопочтли, что было постоянным стремлением мексиканцев (4, 117), они распространили свое господство от Атлантического до Тихого океана, но без серьезного подавления и ассимиляции стран, оказывавших реальное сопротивление. И Монтесума II поступал точно так же. В то время как в его странах вспыхивали восстания подчиненных частей страны, он, вместо того чтобы прочно укрепить завоеванное, посылал свои войска во все более отдаленные районы, чтобы завоевать еще больше (Waitz 4, 46), и «поэтому, говорит Вайтц 4, 47, вполне понятно, что великая, быстро разросшаяся империя Монтесумы могла быть разрушена несколькими сильными и умело проведенными ударами». Множество местных врагов, целые части страны поднялись и встали на сторону испанцев — и так Мексика, эта густонаселенная, богатая и процветающая страна, в немалой степени погибла из-за своей собственной политики. Поскольку это

описание в целом подходит и к Перу, где король как представитель Бога на земле обладал еще более абсолютной и гнетущей властью, где также завоевательные войны расширили территорию страны и тем самым ослабили ее, поскольку теперь она таила в себе враждебные элементы (Waitz 4, 399-413), и поскольку мы здесь находим практически то же самое, нам не нужно более подробно рассматривать условия империи инков и мы сразу перейдем к Полинезии.

Здесь абсолютизм и особое положение знати, коренящееся в божественном происхождении знати и королей, достигли максимально возможного, можно сказать, логически совершенного развития. Везде, в Новой Зеландии, на Таити, на Гавайях, в архипелаге Маркиз, на Тонга, среди древнего населения Марианских островов (в то время как в остальной Микронезии на практике эти противопоставления менее резкие) народ считается бездушным, а его жизнь — совершенно бесполезной. Его убивали по желанию или по прихоти (Mariner 1, 60. 91), их угнетали, поскольку они не имели никакого значения, кроме как служить знати, не имели никакой ценности, кроме той, которую им придавали знатные люди — и нигде это угнетение не было сильнее, чем на Гавайях — по той же причине на них возлагали всю тяжелую работу, например, земледелие; при этом им запрещалось употреблять в пищу большинство лучших продуктов; на праздники знати они должны приносить все, что у них есть из продуктов питания, для человеческих жертвоприношений из их числа выбирают отдельных людей, короче говоря, на них давит такое невероятное бремя, что совершенно непонятно, как при этом вообще могло сохраниться население, да еще и такое многочисленное. Часто у них не было времени обрабатывать свою землю, в результате чего наступал голод, детские убийства и, в частности, массовая эмиграция, которая опустошила прежде всего Таити, но о которой рассказывают и другие острова. Так, на Таити в дикой, гористой и едва пригодной для проживания внутренней части острова проживало разбросанное население «диких людей», которые, будучи чрезвычайно пугливыми и боязливыми, жили в полном одиночестве в ущельях, несомненно, являясь беженцами из народа или их потомками, которые не осмеливались вернуться (Эллис 1, 305). О Гавайях Джарвес (368 и далее) говорит: «Земледелие было заброшено, и царил голод. Целые толпы гибли под своей ношей; другие покидали свои дома и, как дикие звери, бежали в глубину лесов, где умирали от нищеты или вели жалкое существование, питаясь фруктами и корнями. Не замечая этих последствий, князья продолжали свою политику (к которой их часто подталкивали алчные иностранцы)». Результатом этого стало детоубийство, вызванное непосильным подушным налогом, и народ деградировал не только физически, но и морально. И на эту моральную деградацию следует обратить особое внимание, потому что ничто так не способствует гибели населения, как это. Там, где отсутствует мораль (конечно, только в понимании соответствующих народов), отсутствует и самоуважение; там, где отсутствует самоуважение, радость жизни, которая была невозможна для этих людей уже по внешним причинам; и там, где отсутствует радость жизни, там деградирует и иссякает сама жизнь. Поэтому Джарвес (там же) справедливо считает это давление, под которым страдал народ, одной из главных причин его массового исчезновения: и как это было на Гавайях, так было, с небольшими изменениями, практически везде в Полинезии.

§ 12. Влияние природы.

Если мы рассмотрели, как коренные народы своим образом жизни или по своей вине способствуют своему исчезновению, то прежде чем продолжить, мы должны взглянуть на природную среду этих народов и оценить ее благоприятное или вредное влияние. Одно становится ясно с первого взгляда: ни один народ не вымирает только под влиянием природы, а человеческая природа привыкает почти ко всему. Согласно описанию Дарвина, трудно представить себе природу, менее благоприятную для развития человека, как с точки зрения климата, так и с точки зрения продовольствия и т. д., чем южная оконечность Америки, и тем не менее тот же автор говорит, что исчезновения несчастных племен огнеземцев не заметно. То же самое и с эскимосами. Человек акклиматизируется, конечно, очень постепенно, медленно продвигаясь вперед и на протяжении веков или, лучше сказать, тысячелетий, унаследованных и укрепленных в каждой местности, в каждом климате, благодаря особенностям, присущим данной местности, и ничто так не доказывает стойкость нашей природы, как эта способность привыкать. Но, конечно, ни жители Огненной Земли, ни эскимосы никогда не станут большими могущественными нациями: и это из-за их природного окружения, которое ставит на пути свободного развития человечества непреодолимые препятствия. Итак, именно природная среда является причиной того, что мы никогда не видим многочисленных диких народов; природа требует такой жизни, которая не способствует процветанию человечества. Небольшое количество новоанголичан, несомненно, обусловлено удивительной бесплодностью их земли, потому что, хотя Грей (1, 239) прав в споре со Стуртом и многими другими, что нехватка продовольствия в Новой Голландии не так велика, как обычно считается, и действительно, он указывает на обилие продовольствия в юго-западном районе этой части света, простирающемся на 2-300 миль (2, 299) (2, 263-64); однако эти продукты всегда очень разбросаны, их нужно искать, и, если рассматривать их по отдельности, они часто бывают довольно скудными. У коренных жителей нет достаточной культуры, чтобы размножать и выращивать их, к тому же среди растений и животных Новой Голландии едва ли найдутся такие, которые были бы пригодны для выращивания или разведения в качестве домашних животных; но, как мы уже видели при рассмотрении их характера, новоголландцы слишком ленивы и вялы, чтобы собирать их. Здесь мы должны признать чрезвычайно сдерживающие барьеры природы, которые, однако, становятся действительно опасными для существования народа только в том случае, если к ним добавляются другие трудности. То же самое можно сказать, в той или иной степени, о многих районах Америки, а в некоторых отношениях и о Южной Африке. Еще более неблагоприятным является положение Полинезии с ее высокими островами, которые в большинстве своем настолько круты и непроходимы, что, как Таити и Нукухива, не могут быть заселены, или же скрывают за своими в основном пышными береговыми линиями обширные бесплодные пространства, как Фиджи и многие Гавайские острова, которые, даже если бы были полностью пригодны для проживания, но уже из-за своей исчезающей малости в огромном и опасном океане являются препятствием для своих обитателей. Здесь судоходство не так легко, как в Средиземном море, а прибрежное судоходство вообще невозможно. Крупных животных здесь нет, за исключением свиней, которые в полном смысле слова непригодны для содержания в качестве домашних животных, и нескольких собак, которые, однако, почти утратили свою собачью природу и стали скотом на откорм. Полезных растений достаточно, но они настолько обильны, что для получения достаточного запаса не требуется ни умственных, ни физических усилий, да и вообще какой-либо деятельности, или же их так мало, как в Новой Зеландии (конечно, во время ее открытия),

что, несмотря на все усилия, количество продуктов питания не могло значительно увеличиться. А теперь и вовсе небольшие острова, почти всегда бесплодные коралловые кольца, которые в большинстве случаев, как в Восточной Полинезии и в Паумоту, произрастают только панданус с его скудными питательными плодами и, но даже не везде, например, в северной цепи Ратака, не дают кокосовую пальму, хлебное дерево и другие пищевые растения южных морей, которые требуют влажной почвы, такие как такка и арум, которые редко или только после очень трудоемкой обработки твердого кораллового дна дают урожай, а животных, кроме многочисленных крыс, не имеют вовсе. К тому же, ужасные ураганы, которым ничто не может противостоять, на Таити, островах Паумоту и Херви, на Тонга, Каролинских и Марианских островах, короче говоря, практически везде, нередко полностью уничтожают растительность, что приводит к крайнему голоду. По данным Меренхаута (2, 365), на островах к югу от экватора штормы такого рода происходят не чаще, чем раз в 8-10 лет, то есть как раз достаточно часто, чтобы сделать невозможным бурное развитие населения. Их сила такова, что о какой-либо защите или сопротивлении не может быть и речи. Поэтому понятно, что убийство детей, о котором с таким ужасом рассказывает Хамиссо, было там и в других местах (например, на Тикопии) прямо узаконено, чтобы защитить острова от перенаселения; понятно также, как Хохштеттер пришел к мысли, что каннибализм в Новой Зеландии был введен из-за голода. Хотя последнее мнение, безусловно, неверно, как легко следует из того, что мы уже сказали о каннибализме, тем не менее, несомненно, что в отдельных районах Полинезии, например, на Нукухиве, голод иногда заставлял людей съедать своих близких родственников. Также в Америке, особенно на севере, есть народы, которые из-за внешней нужды были вынуждены прибегнуть к каннибализму (Waitz 3, 508; 4, 251).

Очевидно, что и Алеутские острова в силу своих природных условий не позволяют населению развиваться, и то же самое можно сказать о Камчатке, о природе которой прекрасно писал современный автор фон Киттлиц.

Все обсуждаемые страны с самого начала делают практически невозможным значительное историческое развитие. Однообразие является признаком большинства из них, и историческая судьба, наиболее эффективное средство для подъема человечества, практически не могла затронуть их жителей. Однако из-за этого они не смогли подняться над природой, как, например, индоевропейцы и семиты, чтобы подчинить ее себе. А если мы возьмем, с другой стороны, народы с обычаями, которые мы описали до сих пор, в неблагоприятной природе, то становится понятно, что именно для них вредные воздействия природы должны были представлять двойную опасность.

§ 13. Внешнее влияние высшей культуры на природные народы.

Только после того, как мы рассмотрели, что в природе и образе жизни этих народов само по себе является причиной их раннего упадка, мы можем более точно оценить влияние, которое оказало на них соприкосновение с другими, в основном более высокоразвитыми народами, а именно с цивилизованными народами Европы и Америки.

Здесь следует в первую очередь упомянуть влияния, которые, хотя и не были враждебными, а зачастую даже имели благие намерения, тем не менее должны были иметь и имели самые сильные физические и психологические последствия.

В первую очередь, это изменение внешней жизни коренных народов, которое, как и было неизбежно в результате этого контакта, должно нас беспокоить. Весь образ жизни этих народов был настолько приспособлен к климату, почвенным условиям, всей внешней природе в результате длительного, почти инстинктивного отбора, или, по крайней мере, природа этих народов настолько ассимилировалась с этим образом жизни в результате длительного привыкания, что любые заметные изменения, особенно если они происходили внезапно, если они распространялись на многие сферы или даже если они были лишь частичными, проводилась лишь временно, вызвала самые большие революции во всей их сущности. Здесь снова следует указать на безграничную силу постоянно усиливающейся наследственности, которая на протяжении веков, тысячелетий привыкания, чрезвычайно постепенного приспособления может настолько приучить человеческую природу к неблагоприятным влияниям, что отход от них на данный момент кажется только вредным.

Таким образом, мы видим, что физическая жизнь первобытных народов находится в тесной гармонии с природной средой и ее влияниями. До знакомства с европейцами или американцами (которые всегда, насколько это допустимо, подразумеваются, когда в дальнейшем речь идет просто о европейцах и их влиянии) коренные народы были вполне здоровы, хотя отдельные эпидемии время от времени уже тогда случались у них: но они никогда не знали хронической болезненности культурных наций.

Так было с одеждой. Новозеландцы носили одежду из матов, сплетенных из листьев новозеландского льна (*Phormium tenax*) — на этих матах они также спали — и реже, и только князья носили плащи из сшитых вместе собачьих шкур (Dieffenbach 2, 153). Вместо этой прохладной одежды, которая только защищала кожу, почти не возбуждала и не удерживала влагу в течение длительного времени (что очень важно для Новой Зеландии, где очень часто, в основном временно, идут дожди), они теперь носят шерстяные одеяла, которые, помимо того, что являются желанным убежищем для паразитов, раздражают кожу, очень долго удерживают влагу и вызывают гораздо более сильные перепады температуры тела. Поскольку раньше маори легко снимали свои маты из формиума при любой работе или по любому другому поводу, то теперь они поступают точно так же, совершенно не обращая внимания на то, тепло им или нет, даже с шерстяными одеялами (Dieffenbach 2, 18). Очень похоже описывает это Ярвес 370 из Гавайев. Князья и народ, очень жаждущие любых иностранных тканей, будь то матросская ткань или самая тонкая китайская ткань, носили все без разницы, и поэтому они то одевались по-старинке, то по-другому, то смешивая оба стиля; тот же самый человек, который долгое время носил такую одежду, затем снова появлялся обнаженным на протяжении многих дней. Чем лучше была погода, тем богаче они одевались, чтобы парадировать, а в плохую погоду, как правило, ходили голыми, чтобы беречь одежду; поэтому они были голыми всю зиму, а летом одевались. Ярвес и Диффенбах совершенно справедливо считают, что в этой перемене и в этом виде нововведения заключается чрезвычайно действенная причина ухудшения здоровья этих народов. Эта причина действует везде, где встречаются дикие и цивилизованные народы: она должна была возникнуть, потому что миссионеры, знавшие одежду, более приличную, чем у большинства диких народов, должны были требовать ее ношения.

Также введенные продукты питания (за исключением спиртных напитков) были вредны для диких народов: так, по словам Диффенбаха (там же), для новозеландцев вредным было введение кукурузы, которую они запекают в полусвежем виде и наносят себе большой вред

этим крайне нездоровым хлебом. Соль, говорит он, которую они раньше употребляли в морских животных, теперь они вообще не едят, потому что их почти единственной пищей является картофель; но картофель, помимо того, что его исключительное употребление вредно для здоровья, еще и неблагоприятно влияет на то, что, требуя минимального ухода, он выращивается исключительно рабами и женщинами, не стимулируя мужчин к какой-либо деятельности. То, что мы показали здесь на одном примере, конечно, относится ко всему кругу этих народов.

Также строительство домов во многом изменилось, по крайней мере в Полинезии, поскольку здесь почти исключительно развились дружеские отношения между европейцами и туземцами. В Полинезии раньше были привычны очень просторные, чистые дома, состоящие почти исключительно из очень низкой крыши. Но теперь все чаще появляются дома или бараки, построенные по европейскому образцу, которые почти полностью лишены вентиляции, столь необходимой для этих районов, и, поскольку по старинному обычаю многие люди живут и спят вместе в одном помещении, оказывают самое плохое влияние из-за резкого контраста с тем, к чему они привыкли раньше (например, Dieffenbach 2, 68-71).

Именно аристократия в Полинезии, которая чаще всего вступала в контакт с европейцами и располагала большими средствами, в первую очередь внедрила эти изменения: однако именно аристократия подвергается вымиранию гораздо сильнее и быстрее, чем народ — особенно на Гавайях — и это явление нельзя объяснить тем, что из-за меньшей численности дворянства его исчезновение было более заметным: против этого говорят соотношения численности, а также тот факт, что в первое время дворянство страдало в основном от болезней и т. п., пока гибель не распространилась дальше. Это тем более неудивительно, что именно аристократия была виновна в большинстве описанных полинезийских излишеств. Большая часть того, что говорится в старых путевых описаниях Полинезии, относится к аристократии, поскольку этот привилегированный сословие, согласно полинезийским представлениям, имело почти исключительное право общаться с такими выдающимися иностранцами, какими были европейцы. Но там, где эти народы принимают европейские обычаи, одежду, жилье, образ жизни и т. д. не наполовину и не временно, а полностью и навсегда, они остаются гораздо более защищенными, как доказывает Диффенбах в вышеупомянутом месте, говоря о новозеландцах. С другой стороны, он объясняет скорчуху, которой страдают многие дети маори на побережье, только несоответствующим и неполным изменением местного образа жизни.

Распространение белых, естественно, само по себе и без злого умысла со стороны распространяющихся, в значительной степени ограничивает и наносит ущерб коренным народам. На небольших полинезийских островах, например, но также и в других местах, продукты питания стали гораздо ценнее и, следовательно, все более дефицитными из-за огромного увеличения объема перевозок европейцами. Достаточно вспомнить, чтобы проиллюстрировать этот пример из Полинезии, что все корабли, которые бросают якорь в Папэти или даже в Гонолулу, нуждаются в провизии. И если бы можно было подумать, что именно эта большая потребность является стимулом для туземцев, который продвигает их в культуре, земледелии, торговле и т. д., то стоит учесть, что с момента первого открытия (не считая испанских визитов на острова, которые произошли раньше) прошло всего лишь столетие, и за такой короткий период, когда на коренное население обрушились столь разнообразные судьбы, земледелие еще не смогло развиваться настолько, чтобы удовлетворить эти массовые потребности; и что слишком большие требования не стимулируют, а ослабляют, подавляют. В других регионах ситуация складывается по-другому, но результаты остаются такими же.

Новые голландцы рады, когда европейцы поселяются на их территории, они желают этого и приглашают их во многих местах. Но следующим результатом было то, что они оказались в очень бедственном положении: потому что (помимо прочего, о чем мы поговорим позже) их охотничьи животные сразу же уменьшились в количестве, да и вовсе исчезли, частично вытесненные или изгнаны, частично истребленные иммигрантами, в большинстве своем очень увлеченными охотой (Lang bei Grey 2, 234-35). Поэтому один австралиец очень правильно сказал европейцу: «Вы должны дать нам, чернокожим, молоко, коров и овец, потому что вы пришли сюда и истребили опоссумов и кенгуру. Нам больше нечего есть, и мы голодаем» (Беннет у Вайтца 1, 183). С годами европейцы все больше и больше захватывали пригодные для выпаса скота и пастбища в Новой Голландии, Новой Зеландии, Африке, Америке, плодородные прибрежные полосы, которые обычно были местом проживания коренных жителей, полностью захватили, объявили эту землю своей собственностью, и, поскольку они, можно сказать, с каждым днем все больше и больше распространяются, своим самым существованием вытесняют коренных жителей в леса, горы, дикие места; поэтому неудивительно, что коренные жители уже из-за этого «как от ядовитого дыхания» (или как гласит фраза) деградируют. «Когда белый человек, — сказал вождь чероки Бунтешланге в своей речи, — согрелся у костра индейца и насытился его кукурузной кашей, он стал очень большим, он возвышался над вершинами гор, а его ноги покрывали равнины и долины. Он протянул руки до моря на востоке и западе. Так он стал нашим великим отцом. Он любил своих красных детей, но сказал им: вы должны немного отойти в сторону, чтобы я случайно не наступил на вас. Одной ногой он толкнул красного человека через Оконни, а другой растоптал могилы своих отцов. Но наш великий отец все же любил своих красных детей и вскоре изменил свой тон по отношению к ним. Он много говорил, но смысл всего был только один: «Уйдите немного с дороги, вы слишком близко ко мне. Я слышал много речей нашего великого отца, и все они начинались и заканчивались одинаково» (Waitz 3, 144). Чамиссо, один из немногих, кто в Германии интересовался положением этих народов, выразил эту речь в одном из своих стихотворений (Werke 4, 86). Она достаточно известна: и хотя в ней главную роль играет этическая мысль, описание фактов не может быть более убедительным.

И все же, даже если бы можно было обеспечить туземцам достаточное количество земли, охоты и продовольствия, повторяем: полная перестройка всей их физической жизни, которая, как мы только что видели, должна была измениться во всех отношениях под влиянием внезапно наступившей культуры, даже если не будет никаких полумер, неуклюжести и т. п., если все будет организовано так хорошо, как это только возможно, окажет самое опасное влияние на дикие народы, и тем больше, чем внезапнее оно наступит. Ведь чем дольше существуют физические привычки, тем сильнее они укореняются и тем опаснее для человеческой природы, если их внезапно нарушить. И в этом теле и душа подчиняются закону: закону постоянства. Как жидкость, которую поместили в определенный круговорот, все более охотно и быстро следует этому течению, но бурно вспенивается в беспорядочные вихри, когда ее пытаются заставить двигаться в противоположном направлении, пока она наконец постепенно не привыкает к этому новому: так и естественная жизнь этих народов должна была приходить в возбуждение и беспорядок, когда она так внезапно была прервана всемогущей культурой, к которой она привыкнет только медленно и очень постепенно. Таким образом, отдельные люди, но никогда весь народ, не смогут быстро и внезапно приспособиться к такой полной перемене, как здесь, даже если бы она произошла в самых благоприятных условиях (что, к сожалению, здесь не произошло). Только так можно понять сообщение, которое мы позаимствовали у Диффенбаха, что новозеландцы, где они жили полностью по-европейски, были также здоровы: при этом все еще остается учитывать, что Диффенбах сделал свои наблюдения только в 1840 году, то есть через два

поколения (70 лет) после первого открытия острова. Но можно сказать: и все же другие народы пережили и преодолели такое же внезапное вторжение сверхмощной культуры. Можно назвать наших собственных предков, древних германцев. И все же, какая огромная разница во всем этом! Во-первых, греко-римская культура, как она пришла к германцам, была бесконечно более удобной, чем современная, которую должны принять первобытные народы; во-вторых, германцы во всех отношениях, в том числе и в своем физическом строении, были гораздо ближе к этой культуре и ее носителям, чем первобытные народы к европейцам; в-третьих, она обрушилась на германцев не так стремительно, внезапно и безжалостно, как на те народы, а совершенно постепенно, в результате многовекового знакомства с отдельными представителями, причем не последнюю роль в этом сыграла романизованная Галлия; и, наконец, она не была столь враждебной, как современная культура по отношению к так называемым дикарям.

§ 14. Психологическое воздействие культуры.

И таким образом, наши предки были избавлены от того, что оказалось столь роковым для первобытных народов: от угнетающего духа влияния, которое культура оказывает на первобытные народы. Германцы нашли возможность самостоятельно победить на земле своих духовных завоевателей: они всегда сохраняли обоснованное сознание собственной ценности и того, что они не являются подчиненными во всех отношениях. Они относились к римлянам как ученик к учителю, который направляет, исправляет, возвышает, но не оскорбляет, не уничтожает и не издевается над духовной жизнью ученика.

Совершенно иначе обстоит дело с первобытными народами. Их духовная жизнь, все, что они думали, чувствовали и верили, было уничтожено (и часто с самым злым умыслом) в результате их знакомства с европейцами. Естественно, что чем более образованными были эти народы, тем сильнее они пострадали; поэтому многое из того, что будет сказано ниже, не относится к самым диким племенам Южной Америки или Новой Голландии.

Прежде всего, религия. Большинство первобытных народов отличаются очень чистой и искренней религиозностью, несмотря на всю безвкусьность и чудовищность их верований. Так было с мексиканцами. Их религия (Waitz 4, 128) внушала им высокую и чистую мораль, основная идея которой — одновременно их самый твердый и незыблемый клятвенный обет (Waitz 4, 154) — заключалась в следующем: разве наш Бог не видит меня? И все, что требовала от них религия, они выполняли верно и добросовестно, с искренним и глубоким благочестием, по свидетельству самого Кортеса (Waitz 4, 154). Их многочисленные завоевательные войны, как мы уже видели, были продиктованы идеей распространения своей религии по всему миру. Не иначе, по описанию Вайца (4, 447 и далее), поступали перуанцы. В равной степени благочестивы и северные индейцы (Waitz 3, 205), которые не предпринимают никаких действий без молитвы и с величайшей добросовестностью выполняют все тяжелые испытания, требуемые религией. И так все эти народы повсюду упорно держались своих религий.

Немного иначе обстоит дело в Полинезии. Не то чтобы полинезийские народы были менее религиозны; об этом свидетельствуют, например, обращенные в христианство туземцы, в

руках которых сейчас находится большая часть южнотихоокеанской миссии. Но все население было менее нравственно чисто, чем американцы, и, как доказал Майнике (b), уже во время открытия находилось в состоянии духовного упадка. Это объясняет поразительное явление, что полинезийцы (Диффенбах 2, 50 со всего океана) и, по свидетельству Шамиссо, также микронезийцы легко поддаются влиянию, смеются над своими прежними суевериями и отказываются от них. Однако они подчиняются и не только из традиции с радостным послушанием самым ограничительным законам своей религии, например, законам табу, то есть положениям, согласно которым предметы всех видов объявляются священными и полностью недоступными для нечестивого народа, а также чрезмерному почитанию знати и прочему подобному. И только там, где миссии дали им настоящую религиозную замену, они действительно и без сопротивления отказались от своей религии. Они всегда яростно реагировали на враждебные нападения на свою религию, будь то преднамеренные или случайные, и множество нападений, войн, да и сама смерть Кука были вызваны только такими оскорблениями их храмов или других святынь.

Но, конечно же, именно религия была объектом самых яростных и первых нападков со стороны цивилизованных народов. Для этого не требовалось жестокой грубости конкистадоров и их священников в Америке или посланников Франции в последние десятилетия, Лапласа, Дюпеттитуара и т. д. в южных морях: даже самые благородные из европейцев должны были выступить против этих религий, чтобы уничтожить их, и таким образом туземцы видели, как их святыни были уничтожены, да, более того, как совершенно плохие и недостойные, презираемые. Из вышесказанного можно судить, насколько разрушительным был этот удар по их духовной жизни.

То же самое произошло с политическими институтами: и здесь мы должны указать хотя бы на некоторые основные моменты. Мы уже рассмотрели деспотическую конституцию, строгий режим аристократии в южных морях (оставаясь пока в рамках полинезийцев). Но как бы ни возвышалась знать над народом, как бы ни угнетала она его, она все же была от Бога, к ней относились с теплой почитанием, в большинстве случаев люди с искренним рвением приносили ей свои блага и кровь — ведь такая жертва окупалась лучшей жизнью или вообще жизнью после смерти! В любом случае, на этом соотношении между аристократией, которая по своей природе имела самое высокое мнение о себе и ни в коем случае не чувствовала себя подчиненной европейским великим, и народом основывалась вся общественная жизнь Полинезии и Микронезии, и здесь в первую очередь Марианских островов.

Под влиянием европейцев все это изменилось, и, несмотря на то, что впоследствии народ от этого только выиграл, на время им пришлось отказаться от устоявшихся и уважаемых тысячелетиями традиций, а тех, кого они раньше почитали как богов, европейцы не только не ставили на особое положение, но часто относились к ним с презрением или даже с вопиющей несправедливостью, а на Марианских островах их частично преследовали и уничтожали. Но дворянство оказалось в еще худшем положении. Обладая полной безграничностью, оно было твердо убеждено, что состоит из совсем другого теста, чем простой народ, ставило себя на одну ступень с высшими европейцами и, как доказал Лихолихо, сын Тамехахеа I, во время своего пребывания в Англии среди высшей английской аристократии, умело вести себя с ними почти так же. И теперь он обнаружил, что европейцы, часто самые простые матросы, не только не почитают его как божество, но и презирают, как простой народ, и в любом случае ставят его значительно ниже любого белого человека, он обнаружил, что в большинстве случаев (где могло сформироваться действительно европейское общество) он либо исключен из общества, либо лишь терпимо принят! Так произошло в Новой Зеландии — всем известно высокомерие английской расы по

отношению к цветному населению — так произошло после славной французской оккупации на Таити, так произошло несколькими веками ранее на Марианских островах, где знать была полностью уничтожена в кровопролитных сражениях.

Еще хуже, потому что разрушение было более основательным, эти вещи повлияли на Америку. Ведь и здесь народ и правитель были связаны узами большой привязанности и религиозности. Правитель, избранный из высшей знати и, как мы уже видели, являвшийся вместе с ней высшей знатью, был представителем Бога на земле и поэтому обладал неограниченной властью. Насколько чисто и глубоко в Мексике, несмотря на весь абсолютизм, понимали положение правителя, видно из речей, которые произносили при его инаугурации и которые, по мнению Вайтца 4,68 «относятся к самому прекрасному и возвышенному из того, что осталось от ацтеков», но и вообще к самому прекрасному и возвышенному, а также, безусловно, к самому правдивому из того, что когда-либо говорили королям. Налоги и повинности, под гнетом которых, по словам старых испанских писателей, стонал народ, были, согласно более точному и убедительному исследованию Вайтца, сильно преувеличены испанцами по понятным причинам. После всего этого можно оценить тот разрыв, который возник в душе народа после падения всего существующего. «Сурита показал, — говорит Вайтц 4, 186, — как мексиканский народ впал в крайнюю нищету главным образом из-за того, что все основы его прежней политической и социальной организации были разрушены победителями. Из мексиканской знати лишь немногие пережили падение столицы, и эти немногие были в основном еще детьми. Петиция шести знатных индейцев Карлу V объясняет, как остатки знати были подавлены испанцами и возвращены в народ, где погибли в нищете и бедности. Дочь Монтесумы умерла в крайней нищете». Добавьте к этому, что вся внешняя жизнь, вся блестящая культура народа, богатая столица, цветущие сады, многочисленные храмы — все это было разрушено, причем часто самым жестоким и презренным образом, — и вы поймете, что уже этим победитель нанес смертельный удар душе побежденного народа. То же самое, возможно, в еще большей степени относится к кечуа и североамериканцам. «Одной ногой он толкнул краснокожего через Оконни, а другой растоптал могилы наших отцов», — говорилось в вышеупомянутой речи. И, к сожалению, слишком часто и с величайшей безжалостностью оскорблялись самые личные и священные чувства, в чем, конечно, виновата была уже не культура, а только ее носители. Второй собор в Лиме угрожал разрушением и разграблением старых индейских могил, предавая тела отлучению от церкви; только *supremo consejo de las Indias* счел целесообразным разрешить их обыск из-за сокровищ, которые они могли содержать (Waitz 4, 493-94). Все это угнетенный народ должен был спокойно наблюдать: их внутренняя жизнь была уничтожена, и они, которые и без того были ужасно угнетены, не могли сопротивляться. Но что не только их мертвые, но и живые должны были страдать еще больше; что к ним, живым или мертвым, не проявляли ни малейшего уважения, что, таким образом, оскорбляя самые дорогие и святые чувства, индейцам причиняли крайнее зло, это слишком хорошо известно. Северный индеец (Waitz 3, 141) сказал в публичной и широко обсуждаемой речи: «Я даже думал жить среди вас, если бы один человек не сделал мне зла. Весной прошлого года (1774) полковник Кресап хладнокровно и по собственной инициативе убил всех моих родственников, не пощадив даже моих жен и детей. Ни одна капля моей крови больше не течет в жилах живого существа». Этого свидетельства достаточно.

Одной из самых выдающихся черт коренных народов является их гордость. Американцы считают себя первыми среди всех людей; «ловкий, как индеец, и глупый, как европеец» — такие пословицы у них есть (Waitz 3, 170). Нанесение оскорбления этой гордости было самым тяжелым, что они могли сделать друг другу. Полинезийцы искренне верили, что европейцы приезжают к ним, чтобы только теперь познать истинную жизнь и приобщиться к их счастью,

к их совершенству. Самоубийства из-за стыда или оскорбленного чувства чести среди них не так уж редки (Dieffenbach 2, 112. Thomson 319. Will. u. Calvert 1, 121 ff.); именно из-за этой гордости они никогда не отрицают своих поступков (Williams u. Calvert 1, 124; Tyermann u. Bennet 1, 78; Waitz a.a.O.).

Не менее чувствительно правовое сознание всех этих народов, которое, например, заставило ирокеза, услышавшего о страданиях Христа, воскликнуть, как и тот фризский князь: «Будь я там, я бы отомстил за него и скальпировал евреев» (Waitz 3, 169). И эти чувства, для которых Вайтц, там же, у. б., 147, приводит еще множество примеров, мы находим также в Полинезии; столь же сильные, хотя и менее свободно развитые, они присутствуют и у более грубых народов, южноамериканцев, готтентотов, австралийцев. Об этом свидетельствует уже одно только постоянное стремление этих народов к мести. Но как жестоко нарушаются эти качества культурой! Отчасти не по их вине: ведь то, что дикие народы очень скоро поняли, что они ничто по сравнению с европейцами и ничего не могут сделать, было в порядке вещей. Отчасти, однако, и здесь европейцы несут самую тяжелую ответственность, потому что они намеренно попирали права этих народов, они, поскольку едва считали коренные народы людьми, не хотели оставлять им даже их человеческое самосознание, но и это, часто со стороны государства, как Соединенные Штаты, как Франция на Таити, как англичане в Австралии, попирали; и продолжают попирать их безграничной гордыней и ненавистью, исключая эти народы из всякого сообщества и, следовательно, из всякой культуры, после того как часто отняли у них землю и средства к существованию. И даже в своей жажде мести все эти народы бессильны перед европейцами, против которых, в лучшем случае, имел успех единичный акт мести отдельных лиц. Пусть даже Вайтц прав, когда он говорит (b, 157), что чувство справедливости у индейцев было развито под жестким давлением белых сильнее и острее, чем это произошло бы в ином случае, он все же совершенно верно продолжает: «конечно, ближайшим следствием этого для них самих было только то, что они еще острее ощущали свою беспомощность и безнадежность своего положения».

Но это уничтожение всей духовной и нравственной жизни народов невозможно переоценить, если мы хотим найти причины их исчезновения. Как ничто не поднимает народ больше, чем радостное уважение к себе и веселый успех в достижении своих целей, так ничто не угнетает народный дух сильнее, чем чувство собственной беспомощности и потерянности. Но все эти народы — американцы, алеуты и камчадалы, новоголландцы, полинезийцы и готтентоты — обречены на чувство крайней беспомощности и несправедливости, на горькую и в то же время совершенно беспомощную ярость. «Каждая раса, белая, черная или красная, — говорит Эллиот у Вайца 3, 299, — должна погибнуть, если ее мужество, энергия и самоуважение будут уничтожены угнетением, рабством и пороком». И теперь, как мы видели, большинство коренных народов изначально имели явную склонность к меланхолии, которая, естественно, усугублялась всеми этими судьбами и только ускоряла их гибель. Только представьте, если бы мы, европейцы, со всеми нашими культурными достижениями, с нашей религией, короче говоря, со всеми преимуществами, которые мы имеем по сравнению с первобытными народами, должны были бы терпеть их судьбу хотя бы несколько лет, примерно одно поколение, что бы с нами стало! Вспомните, какое воздействие оказала Тридцатилетняя война, ужасы которой, однако, намного превосходили то, что пришлось пережить коренным народам: и вы будете удивляться скорее их упорной выносливости, чем их исчезновению. Только их большая жесткость и твердость поддерживали их по отношению к народам, которые вначале все, мексиканцы, готтентоты и новоголландцы, считали их богами!

Если все это должно было оказать разрушительное влияние на духовную жизнь народов, а значит, и на их физическую жизнь, то оно оказывало его и еще одним способом. С уничтожением существующих государств, естественно, были отменены все права и законы, которые в них действовали. В Мексике и Перу законы были очень строгими и эффективными, поскольку повсеместно пользовались высочайшим уважением, и то же самое было в Полинезии, где табу также имело благотворное запрещающее влияние. Когда все это рухнуло, тем сильнее была деморализация, чем выше была ранее культура разрушенного государства; такая деморализация, особенно в период всеобщего разрушения, когда у проигравших не оставалось никакой опоры ни физической, ни духовной, должна была иметь самые пагубные последствия для всего их существования, и немалое число упомянутых культурных государств погибло именно из-за разгула, охватившего коренное население. И чем глубже и разрушительнее были атаки, тем больше, естественно, они деморализовали народы: чего им еще было бояться и что считать святым, если даже их самое святое было нарушено? Как они могли еще уважать себя, если прибывшие боги так растоптали их в прах? Везде в результате приближения культуры таким образом среди первобытных народов наступила разнузданность и, как следствие, все более глубокое духовное и физическое падение. То, что не было уничтожено сразу, было отравлено изнутри, и медленное угасание было неизбежным следствием.

§ 15. Трудности для первобытных народов в освоении современной культуры.

Но даже если бы европейская культура была представлена первобытным народам с полной доброжелательностью и бережностью, эта культура, помимо тех трудностей, которые мы уже видели, таила в себе еще и самые большие трудности и опасности, которые мы теперь должны рассмотреть.

Если уже не было мелочью то, что эти народы должны были отказаться почти от всех своих вековых представлений и взглядов, то еще труднее было принять то, что принесли европейцы, всю бесконечно сложную современную культуру! Это особенно коснулось Полинезии и Австралии; представьте себе маленькие Кокосовые острова, которые теперь внезапно должны приспособиться ко всему европейскому образу жизни, к европейской торговле, европейскому праву, религии и многому другому — и они должны принять больше, чем просто поверхностное, если не хотят погибнуть. Насколько счастливее были в этом отношении германцы, которым пришлось постепенно принимать гораздо менее сложную культуру; и все же сколько времени потребовалось им, чтобы полностью ассимилировать эту культуру! Не будет ли преувеличением утверждать, что это произошло только в прошлом веке благодаря проникновению духа античности?

Отдельные моменты — поскольку многое (жилье, одежда и т. д.) уже было хотя бы в общих чертах затронуто в предыдущем разделе — мы должны рассмотреть отдельно. Прежде всего, вооружение. Приобрести огнестрельное оружие гораздо сложнее, чем освоить римскую тактику, поскольку помимо физических упражнений требуется еще и преодолеть страх перед громом и молнией, благодаря которым белые люди сначала были восприняты как боги,

поскольку их действие кажется гораздо более сверхъестественным, чем действие римского оружия. — Далее, язык. Нам, европейцам, очень трудно понять язык природного народа с его другими взглядами; и все же мы спускаемся вниз, поскольку все эти языки гораздо менее развиты в плане развития и связи мыслей, а также в плане богатства мировоззрения, чем языки образованной Европы; и в то же время благодаря многовековой практике и множеству вспомогательных средств мы обладаем гораздо большей силой, чем те народы, которые должны подниматься вверх, если они хотят выучить европейский язык. Уже при простом изучении речи, которое сильно отличается от понимания и реального осмысления языка, им приходится расширять свой ум целым множеством новых представлений и понятий, которые раньше были им совершенно неизвестны — и это в основном на уровне языка, который мало способствует строгому, логическому связыванию и осмыслению понятий.

То же самое и с религией. Расстояние между некоторыми религиями этих народов и христианством, даже если большинство из них находятся на более низком уровне, может быть не больше, чем расстояние между германским язычеством и христианством; но христианство, которое проповедовали германцам, само по себе было совсем другим, чем то, что проповедуют сегодня миссионеры, по крайней мере протестантские. Конечно, если читать отчеты очень ревностного католика Михелиса, то то, что проповедовала пропаганда, например, в южных морях, во многих местах вообще не отличалось от того, что эти народы уже знали: католические миссионеры крестили и оставили язычество. С другой стороны, насколько непостижимым должно быть для совершенно чувственных народов природы такое абстрактное учение, как евангелическое, которое к тому же основано на понятиях и представлениях, которых у этих народов нет. И проповедуя им христианство, от них требовали, чтобы они приняли религию людей, которые причинили им все самое страшное, белых! Да не обрушили ли на них сразу же, чтобы они ничего не упустили, догматические споры? Во всей истории миссионерства новейшего времени, пожалуй, нет более печального события, чем появление пропаганды в южных морях, где протестантская миссия только начала укореняться и видеть плоды своего трудного труда. Это не давало покоя католической церкви: она в отдельных местах с грубой силой (которая затем маскировалась всевозможными ложными утверждениями) противостояла протестантской миссии и принесла новообращенным язычникам споры церковных партий. Луттерот, которого Михелис тщетно пытается опровергнуть, доказал это остро и убедительно. Она также принесла новообращенным споры, возникшие в ее собственном лоне, как рассказывает Гумбольдт б, 5, 133 о Южной Америке. Кстати, протестантская церковь также не была чрезмерно деликатной в отношении тех язычников, которые были обращены другой протестантской сектой. В некоторых местах (Северная Америка, Африка и т. д.) она также принесла вместо мира христианства споры между сектами. Какое влияние это должно было оказать на только что обращенные в христианство народы и их характер! При этом не следует забывать, что в большинстве случаев сами европейцы яростно противостояли миссии, поскольку считали, что она мешает их зачастую весьма мирским, или, лучше сказать, безбожным занятиям. Так было, в частности, в Полинезии, почти на каждом острове (Meinicke, Lutteroth и почти во всех источниках); также в Америке уже в 16 веке (Waitz 4, 188; 338); так же в Африке у готтентотов, кафров, негров, везде. Видно, что наша культура требует от первобытных народов такого огромного духовного усилия, что его невозможно преодолеть за один раз и за одно поколение. Однако в то время как европейцы постоянно получают свежую поддержку новых толп, которые укрепляют их в их стремлениях, в то время как у германцев на место одной проигравшей толпы приходила другая, которая, перенимая то, что было достигнуто первой, выполняла то, что еще не было сделано, то у коренных народов, численность которых невелика, нет такой сильной и помогающей сменной команды, благодаря которой работа могла бы быть разделена, а освоение могло бы происходить легче

и более широко. Поэтому перед нынешним поколением стоит еще более большая и тяжелая задача, и уже по этой причине ясно, что одно поколение, да даже два, три поколения не смогут ее выполнить. Однако масштабность задачи, огромные умственные усилия сами по себе настолько затрудняют благополучное существование поколений из-за умственного давления, что мы должны с особой силой подчеркнуть и это. Во-вторых, мы должны еще раз подчеркнуть, что склонность к меланхолии всегда усиливается в результате такого перенапряжения, когда в большинстве случаев слишком быстро становится ясно, что даже более или менее удовлетворительная цель едва ли может быть достигнута, и что она может стать настоящей чертой характера народов. И так мы находим это как в целом, так и в частностях. Чуди 2, 286 рассказывает о мальчике из племени ботокуде, которого семья в Баии тщательно воспитала, а затем отправила учиться медицине в университет. Он получил докторскую степень, некоторое время самостоятельно практиковал, а затем исчез. «Глубокая меланхолия всегда была основной чертой его характера». Позже стало известно, что, избавившись от всех следов цивилизации, в том числе и от одежды, он снова бродит по лесам как охотник. Совершенно аналогичный случай с молодым чокто, который стал адвокатом, но затем из-за меланхолии (в которой, конечно, была виновата кастовая гордыня североамериканских белых) дошел до самоубийства, рассказывает Вайтц b, 71-72. Чтобы объяснить эти случаи, недостаточно просто вспомнить о «неравном положении», в котором оказались такие люди; поскольку в случае с ботокудами это не так, так как в Южной Америке отношения цветных к белым не являются неблагоприятными: существенную роль в их случае и в подобных случаях, которые мы встречаем у отдельных лиц и целых народов, сыграли вечное унижение с одной стороны и перенапряжение с другой.

§ 16. Отношение белых к коренным народам. Африка. Америка.

Теперь мы подошли к самому мрачному моменту всего нашего описания, возможно, к самой мрачной части всей истории человечества: к тому, как белые люди обращались с дикими народами. Пороки, которые они принесли им или поощряли у них, нам не нужно здесь обсуждать еще раз в контексте, поскольку мы уже упоминали их выше в разных местах. Начнем с Южной Африки. Готтентоты с самого начала представляются нам народом, который раньше обладал гораздо большей мощью и территорией, но уже тогда находился в состоянии упадка. Они были вытеснены соседними африканскими народами повсюду, в частности, с севера на юг, и не только значительно сократились в численности, но, по-видимому, были также сломлены в своей внутренней сущности или, по крайней мере, существенно повреждены вечными войнами и поражениями (Waitz 2, 323 ff.). Но еще хуже для них были голландцы, которые с 1652 года поселились на мысе и, естественно, без колебаний отняли у туземцев столько земли, сколько им было нужно. Но им нужно было очень много земли, поскольку из лени они оставляли все в запустении и возделывали только свежую землю, а также по той же причине предпочитали скотоводство земледелию. Готтентотов, которых по закону нельзя было делать рабами, они сделали своими слугами, которых, поскольку их нельзя было продать, содержали гораздо хуже, чем рабов (Waitz 2, 331). Когда в 1796 году англичане завладели мысом, они сначала, из национальной гордости, были очень возмущены поведением голландцев, но вскоре стали во всем подражать им (там же, 332). Как обращались с «черным скотом», готтентотами, показывает, например,

следующий случай, о котором рассказывает Спарманн. У одного голландца был готтентотский слуга, который лежал с лихорадкой, и его болезнь значительно усугубилась из-за лечения, предпринятого Спарманном по просьбе хозяина; Спарманн попытался утешить очень подавленного бура, но тот взорвался: ему наплевать на готтентота и его душу, если бы только он мог найти другого погонщика волов, чтобы продавать свое масло (Спарманн 273). Однако это был не единичный случай, а общее мнение, и поэтому мы не можем удивляться созданию так называемых командос против туземцев, которые впервые появились примерно в 1774 году. Отчет одного офицера о таком командосе у Вайца гласит (2, 333-34):

«27 сентября 1792 года атакован первый крааль, 75 бушменов убито, 21 пленен.

15 октября обнаружен другой крааль, 85 убиты, 23 взяты в плен.

20 октября обнаружен третий, 7 убито, 3 взято в плен».

«Можно в какой-то мере, продолжает Вайтц, оценить масштабы, в которых осуществлялось истребление, особенно бушменов, если учесть, что Коблинс (1809) слышал, как один в остальном уважаемый человек рассказывал, что за 6 лет он вместе со своими людьми убил и пленил 3200 бушменов, в то время как другой сообщил, что командос, в которых он участвовал, убили 2700 бушменов. Томпсон знал одного колониста, который за 30 лет участвовал в 32 таких набегах, в ходе одного из которых было убито 200 бушменов. С приходом английского правления в Кейптауне система командос должна была прекратить свое существование, но буры были настолько к ней привыкли, что было невозможно ликвидировать ее сразу. С 1797 по 1823 год, то есть до оккупации земли бушменов, официально было зарегистрировано 53 командос; нет сомнений, что в 1823 году, после нескольких перерывов, система снова была в полном расцвете, и, похоже, бушменам под английским правлением жилось еще печальнее, чем под голландским. Тот факт, что под английским правлением до 1822 года население готтентотов в Капской колонии увеличилось вдвое (Zeitschr. 1, 287), малоправдоподобен и, безусловно, только кажущийся. Чтобы не подчиняться ненавистным им английским законам, 5000 буров в 1836 году переселились в Порт-Натал, где они и по сей день продолжают свое ужасное произвольное правление, свои командос и порабощение туземцев, как они делали это даже при жизни Ливингстона (Waitz 2, 336).

Неудивительно, что готтентоты поддались этому духу культуры; что теперь их ненависть к белым настолько велика, что мирное воздействие последних, если и не невозможно, то чрезвычайно затруднено; что, наконец, готтентоты теперь гораздо более грубы, ленивы и нравственно хуже, чем в то время, когда их впервые узнали. Ведь над некоторыми церквями голландцев висела надпись: «Ни один пес и ни один готтентот не имеет права входить» (Waitz 2, 333). Бурские фермеры всеми силами пытались помешать христианизации туземцев, запрещая крестить своих рабов и их детей и под страхом смертной казни запрещая им даже упоминать о миссионерской станции. Именно голландская компания изгнала моравских братьев из страны готтентотов, потому что они приобрели слишком большое влияние на последних. Даже в 1831 году, когда готтентоты поселились на реке Кат и под руководством миссионеров достигли определенного процветания, с трудом удалось удержать буров от насильственного уничтожения этой колонии (Waitz 2, 336).

И в таком состоянии готтентоты живут уже более 200 лет и до сих пор не истреблены!

Перейдем теперь к Америке. Индейцы Северной Америки сначала дружелюбно встретили европейцев (Waitz 3, 242), но именно белые испортили отношения. Сначала они уничтожили народ пекотов по относительно незначительному поводу; около 700 человек были убиты во

время внезапного нападения, остальные были рассеяны, взяты в плен и проданы государством в рабство (Waitz 3, 244). Охота на рабов в Северной Америке со стороны англичан и испанцев была обычным явлением. Набожные пуритане, благодарные Богу за каждую разрушительную болезнь, которая свирепствовала среди индейцев (Waitz 3, 242), видели в каждом успешном злодеянии христиан против индейцев, особенно когда те гибли массово, знак божественной милости, а в каждой неудаче попытки убийства — проявление божественного гнева против них самих и громко заявляли об этом (Waitz 3, 244-45). Очень скоро зародилась мысль о полном истреблении индейцев: и стоит ли удивляться этому, если мы узнаем, что еще в этом столетии правительству Соединенных Штатов был представлен официальный проект по уничтожению индейцев? И как их истребляли! «Англичане, как утверждает Трамбулл в Waitz 3, 248, в то время (в XVII веке) и позже сильно сомневались, совместимо ли с христианством и человечностью сжигать врагов заживо». Как следует из этого и из других источников, белые часто вели войну с такой же, а зачастую и с гораздо большей жестокостью, чем сами индейцы (там же, 258, 260); еще в 1830 году, как и раньше, они распространили среди пани яд листьев (там же, 259). О том, как обманом отняли у народов их земли, как позже все дальше и дальше теснили их на запад и в конце концов за Миссисипи, не обращая внимания на значительно процветающую культуру чероки, которая от этого переселения понесла тяжелый удар, можно прочитать у Вайца 3 до 299 и b, 26-60: мы хотим только отметить, что натчезы, шавано, делавэры, потаватоми, семинолы, каскаски и другие некогда могущественные народы были уничтожены или практически уничтожены белыми (Waitz 1, 166).

В Южной Америке европейцы, возможно, вели себя еще более отвратительно. «Бензони, говорит Вайтц 3, 399-100 в отношении Гайаны, как очевидец нарисовал ужасающую картину того, как испанцы жили в этих странах. Запрет на порабощение не означал запрет на содержание рабов. Обычная формулировка, разрешавшая последнее, звучала так: вы имеете право содержать в рабстве тех, кого коренные хозяева этой земли держат в рабстве и продают вам. Обычная процедура, которая часто применялась, в частности, в Маракапане, заключалась в том, что захватывали вождя, которого заставляли приобрести свободу путем продажи своих людей в рабство, а затем власти признавали законность приобретенных таким образом рабов. Однако если вождь подчинялся добровольно, то на его врагов нападали, чтобы поработить их, или же вступали в конфликт с самим вождем. Отрезание носа и ушей было обычным и нередко применяемым испанцами угрозой в отношении индейцев, которые проявляли непокорность, а поскольку закон запрещал перегружать вьючных животных, чтобы они могли свободно размножаться, это также служило предлогом для использования самих туземцев в качестве вьючных животных. Помимо работы в шахтах и личного рабства, их число значительно сократилось также из-за похищения многих женщин. Конечно, воинственные индейцы не могли просто так с этим смириться, и можно себе представить, какие ужасные сражения вызывало такое обращение и как эти сражения, хотя и частично удачные для них, должны были десятинить индейцев. В Бразилии дела обстояли не лучше. Хотя вначале коренным жителям была предоставлена свобода, очень скоро охота на людей сначала стала терпимой, а затем (с 1611 года) разрешила их, и они очень скоро достигли такого размаха, что за три года, с 1628 по 1630 год, только в Рио-де-Жанейро 60 000 индейцев, в основном из Парагвая, были проданы в рабство, что, конечно, снова привело к ужасным войнам, в которых европейцы и индейцы одинаково озверели (Waitz 3, 450-51). Однако миссионеры (иезуиты) выступали против этого, только для того, чтобы получить рабочую силу индейцев для своего ордена, и в большинстве случаев с таким незначительным успехом, что их сопротивление не имело никакого значения. Кстати, даже

сейчас судьба индейцев, находящихся под властью Бразилии, то есть Португалии, едва ли лучше (там же, 453), так как португальцы, пожалуй, являются теми европейцами, которые наиболее бесчеловечно обращались с американцами. Это доказывает и то, как они поступали с индейцами пампас. Давайте послушаем, что говорит об этом в. Тшуди 2, 261-64 о прошлом и настоящем: «Отношения между завоевателями-португальцами и индейцами с XVI века в целом были напряженными. Как известно, поселенцы стремились как можно больше использовать туземцев для обработки полей и добычи полезных ископаемых. Однако те в целом не испытывали особого удовольствия от таких работ, более или менее противоречащих их естественным склонностям, и не хотели вступать в отношения служебной зависимости с захватчиками. Насущная необходимость в рабочей силе постепенно привела португальцев к тому, что они стали насильно захватывать индейцев и принуждать их к бесплатному труду. Вскоре сформировалось индейское рабство и процветала торговля людьми. Банды смелых авантюристов отправлялись в джунгли на охоту за людьми и по возвращении продавали свою добычу крупным землевладельцам, которые всегда были готовы ее купить. Королевские указы в некоторой степени санкционировали эту возмутительную практику, и только в Обществе Иисуса угнетенные коренные жители нашли защитников и покровителей. Массовый ввоз рабов с африканского побережья в сочетании с несколько более гуманным законодательством привел к сокращению рабства индейцев, особенно в XVIII веке (), однако на многих границах цивилизации развернулась настоящая война на уничтожение между португальцами и индейцами. Превосходство в наступательном и оборонительных оружиях обеспечило успех первым... чьи трубуки, заряженные дробью, часто наносили ужасающие поражения противникам.

Дикие гонимые, специально выдрессированные для поиска индейцев, помогали не менее кровожадным охотникам за людьми находить вражеские лагеря. Офицеры состязались между собой, кто владеет лучшими индейскими собаками, а некий лейтенант Антонио Перейра кормил своих собак только индейской плотью, чтобы они всегда имели хороший нюх. Когда с введением гораздо более трудоспособных негров индейцы почти полностью утратили свою ценность, целью таких экспедиций стало не поимка людей, а убийство как можно большего их числа. Для достижения этой цели, то есть уничтожения индейцев в широких масштабах, португальцы прибегали к самым подлым средствам. Они выбрасывали в леса одежду людей, умерших от оспы или скарлатины, с тем чтобы индейцы ее подобрали, в результате чего среди них разразились бы эпидемии и произошли бы ужасные разрушения». Точно так же, как поступали англичане в Северной Америке! — После того как Чуди сказал, что испанцы никогда не прибегали к таким гнусным средствам, он продолжает: «Несмотря на прекрасную, но, к сожалению, так неэффективно реализуемую конституцию Бразилии, война на уничтожение индейцев провинции Минас продолжалась до самого последнего времени. Даже сегодня (1860 г.) там живут люди, для которых охота на индейцев является высшим удовольствием и которые по-прежнему тщательно выхаживают собак-ищейки и собак-следопытов для этой цели. Прошло всего лишь немного времени с тех пор, как императорский бразильский военный комендант в отместку за убийство, совершенное индейцами, напал на индейскую деревню и привез в качестве трофея *триста* ушей жестоко убитых индейцев в поселок Св. Матеуса, к югу от Мукури! Даже императорский комиссар ... склоняется больше к средствам уничтожения, чем к чисто гуманным способам подчинения индейцев цивилизации....

Оттони приводит несколько примеров того, как война на уничтожение против индейцев велась и в более позднее время. Местом действия этих ужасных деяний были истоки реки Мукури и часть истоков реки Жакитиньонха. Главными руководителями убийственных экспедиций были два индейских солдата, Кре и Крахи, к которым в качестве третьего

достойного товарища присоединился некий Тидоро. Однако они действовали только по приказу высшего военного командования. «Убить альдею» было их лозунгом, заклинанием, которое фанатизировало их для их казни. С помощью императорских бразильских солдат и «любителей» (часто принадлежащих к высшим слоям общества) они ночью окружали обреченную на гибель альдею и штурмовали ее с первыми лучами рассвета, так что восходящее солнце освещало только окровавленные, ужасно изуродованные трупы. Ничего не подозревающие индейцы обычно не имели представления о грозящей им гибели: в большинстве случаев они были застигнуты врасплох во время глубокого сна. Солдаты всегда сначала захватывали луки и стрелы, сложенные в углу, чтобы с меньшим риском для себя убить беззащитных индейцев. Только дети (курука) были пощажены, они были военной добычей! Такой курука, как правило, продавался за 100 мильрей. Даже в последнее время прибыль от продажи захваченных детей была единственной мотивацией для уничтожения альдеи. И это происходит в конституционной Бразилии по отношению к коренным жителям страны! На реках Жакитиньонха, Мукури, Сан-Матеус и Дольче произошло множество примеров таких массовых убийств. За четыре года до моего визита в Мукури палачи Кро и Крахи устроили такую резню в Кверибе на Жакитиньонхе. Даже в 1861 году в нескольких милях от Филадельфии было совершено подобное массовое убийство. В 1846 году в Марианне, в двух легах от Св. Хосе де Порту-Алегри, в устье Мукури, племя вождя Шипорока было почти полностью уничтожено. Шестнадцать черепов убитых индейцев купил француз и отправил их в парижский музей».

Чтобы поверить в эти новости, которые превосходят всякое воображение, нужно прочитать их у такого авторитетного писателя, как сам Чуди. Кстати, арауканам, которые почти 200 лет (с 1540 по 1724 год) боролись с испанцами за свою независимость, повезло не больше. И здесь снова европейцы совершали самые ужасные зверства против храбрых и благородных американцев, которые, однако, как и следовало ожидать, в такой войне огрубели и деградировали, так что теперь в них уже не нужно искать прежних арауканов (Waitz 3, 521 ff.). Как испанцы поступали с ними в этом столетии, видно из следующей истории, рассказанной очевидцем, которая достойно стоит в одном ряду с португальскими злодеяниями: «Из индейского племени, которое скрывалось в своем укрытии от всех поисков, майор Родригес смог найти только одну женщину с сыном и дочерью, которая еще была ребенком. Угрозы и обещания не заставили ее предать своих близких. Тогда сына заставили встать на колени и застрелили на глазах у матери и сестры. Но женщина по-прежнему не хотела ничего признавать. Ее тоже заставили встать на колени, чтобы умереть, и тогда дочь предложила выдать укрытие отца и братьев. Мать в ярости набросилась на нее и хотела задушить, но ей вырвали ребенка из рук и утащили в указанном ею направлении, а дочь засыпали жестокими упреками за ее трусость и извращенность. Она была вынуждена смотреть, как убивают всю ее семью, и, отчаявшись и проклиная убийц последним вздохом, сдалась при этом зрелище» (Waitz 3, 526). Такие примеры зверской бесчеловечности отнюдь не являются единичными случаями, примечательными своей особой жестокостью: в этих войнах они являются совершенно обычным явлением.

Ф. Чуди указал, что ботокуды нашли защиту у иезуитов; и хотя священники иногда заступались за угнетенных, это было далеко не везде и не всегда; даже священники очень часто становились новым бедствием для туземцев из-за способов, которыми они привлекали индейцев к крещению: просто преследуя их, ловя и затем крестя или заключая в тюрьму до тех пор, пока они не соглашались принять крещение, что, конечно, было запрещено испанскими законами, но все же достаточно часто осуществлялось с помощью других индейцев. Слишком хорошо известна ужасная история индианки Гуахиба, которая была поймана вместе со своими детьми и

О Гуахибе и христианском образе
Рассказывает тот камень безмолвными устами
На берегу Атапобос в дикой местности.

Эта история происходит примерно в 1770 году: и Гумбольдт, который рассказывает нам ее из уст самого священника (b, 5, 81 ff.; ср. Chamisso Werke 4, 69 ff.), продолжает: « » «Подобные бедствия происходят везде, где есть господа и рабы, где цивилизованные европейцы живут среди отсталых народов, где священники обладают неограниченной властью над невежественными, беззащитными народами» (Гумбольдт, там же, 85). И он прав: ту же беду мы находим в Калифорнии, куда испанское господство было принесено в основном миссионерами, которые ставили силки, чтобы ловить индейцев, или отправляли вооруженные отряды для той же цели. Если кто-то из туземцев сопротивлялся новому учению, его сначала сажали в тюрьму и морили голодом, а затем показывали ему мясо, чтобы дать ему представление о хорошей жизни, которая его ждет у миссионеров, и таким образом пытались обратить его в христианство (Beechey 1, 356). Повторные дезертиры, по словам Лангсдорфа, подвергались порке палками, которая очень часто применялась и к женщинам, и к ним привязывали тяжелый железный прут, чтобы впредь сделать побег невозможным. Поскольку обращенные в веру люди должны были служить благочестивым миссионерам как рабы, неудивительно, что они не гнушались никакими средствами, чтобы сбежать от этой религии, этой культуры, но с другой стороны, неудивительно и то, что мы видим, как они массово умирают в миссиях. Болезни свирепствовали, и с каждым годом смертность росла. В 1786 году было крещено 7701 индейцев, из которых 2388 умерли; в 1813 году было крещено 57 328, но умерло 37 437 (Beechey 1, 370). — Когда позже миссии пришли в упадок из-за политической ситуации в Калифорнии, судьба коренных жителей стала еще хуже. Начались охоты на рабов или даже прямые преследования людей, их застреливали без разбора по возрасту и полу, где бы они ни попадались. Один испанский генерал (по Уилксу) обучил калифорнийцев военному делу, но когда они проявили себя очень полезными, он испугался их и приказал всех расстрелять (Waitz 2, 244-51).

Но хуже всего белые поступали в культурных районах Америки, которые они первыми познакомили со всем континентом. Завоевание Мексики стоило, как указывает испанец (Clavigero у Waitz 1, 189-90), стоила больше человеческих жизней, чем было принесено в жертву богам за все время существования Мексиканской империи; хотя утверждение того же автора о том, что в результате завоевания население страны сократилось до одной десятой, может быть справедливо сочтено Waitz (4, 190) преувеличенным. Но сам Гомара, пишущий от имени Кортеса, сообщает, что испанцы не щадили ни женщин, ни детей (Waitz 4, 186); и все же Кортес был тем, кто по крайней мере не проявлял ненужной жестокости, в то время как его преемники вели себя просто бесчеловечно. Но даже Кортес, несмотря на то, что это казалось ему жестоким, распределил мексиканцев между испанскими завоевателями в качестве слуг, и как высшая знать, так и простой народ должны были выполнять самую тяжелую работу для своих энкомендерос, от которой они, не привыкшие к тяжелому труду, а тем более к столь бесчеловечной нагрузке, массово гибли. Непокорные или те, кто по какой-либо причине не платил дань, продавались в рабство. Эта дань была огромной и взималась с величайшей строгостью, очень часто с помощью самых жестоких махинаций и вымогательств. Многие из отчаяния покончили с собой, другие договорились больше не рожать детей или делать искусственные аборты, чтобы хотя бы спасти своих потомков от этой совершенно невыносимой нищеты, которая еще более усугублялась ужасными завезенными

болезнями. Во время завоевания были разрушены водопроводы, что привело к новой нищете: большая часть страны превратилась в пустыню (Waitz 4, 187). Христианство, которое, кстати, как только оно приняло коренное население, подверглось яростной вражде со стороны испанских правителей, пришло теперь вместе с инквизицией, которая нередко сжигала по 100 еретиков за раз (4, 189) — короче говоря, на несчастных людей обрушилась такая жестокая нищета, какой, пожалуй, не пришлось пережить ни одному другому народу, и неудивительно, что и здесь коренные жители массово умирали от «дыхания культуры»; удивительно только то, что, несмотря на все эти страдания, они до сих пор не истреблены.

Не иначе жили испанцы в Гватемале (4, 268), в Никарагуа (280) и еще хуже на Антильских островах и Лукайе (Багамские острова), жители которых, насчитывавшие несколько сотен тысяч человек, были полностью уничтожены в течение нескольких десятилетий, чему в основном способствовали завезенные болезни, работа в шахтах, унижительное рабство и зачастую совершенно бессмысленные массовые убийства людей. Коренные жители массово убивали друг друга. Колумб сам разделял взгляды своих соотечественников: похищение людей, рабство, жестокие калечения происходили по его приказу, и испанское правительство, хотя Изабелла и осуждала такое обращение с коренными жителями, было слишком слабо, чтобы добиться чего-либо значимого в пользу индейцев (Waitz 4, 331. 334).

То же самое происходило в Дариене (4, 351) и Новой Гранаде (377), а то, что в Перу ситуация была скорее хуже, чем лучше, подтверждает уже одно только имя Писарро. Здесь широко применялся излюбленный прием португальцев — натравливание на индейцев собак, специально дрессированных для этой цели. Здесь мы вспоминаем уже упомянутую просьбу пленного князя не сжигать его, не бросать собакам, а просто повесить (1, 478 и далее). По данным Гомары, в войнах, непосредственно последовавших за завоеванием, погибло около полутора миллионов туземцев; остальные страдали от давления энкомьенд и митас (принудительная сдача туземцев в аренду частным лицам, от которой были освобождены метисы, мулаты и самбо) настолько невыносимо, что они гибли толпами от чрезмерной работы. К этому добавилось еще и ужасное налоговое бремя со стороны алчных испанцев, в котором, кстати, духовенство без малейшего стеснения принимало самое активное участие. Если сложить эти физические страдания и к тому же сознание полной беспомощности перед этим противником, то можно представить себе психические страдания этих людей; но они имеют наибольший вес в наших весах, поскольку, как многократно подтверждается, им подверглись, несомненно, огромные массы людей. Конечно, если посмотреть на американцев на севере и юге, угнетение которых еще нигде не прекратилось полностью, то единственное, что удивляет, это то, что сейчас, после 300 или 200 лет такого давления, еще осталось что-то от коренного населения.

§ 17. Продолжение. Тихий океан.

Камчадалы и алеуты подверглись такому же обращению со стороны русских, как и ранее обсуждавшиеся народы со стороны голландцев, англичан, испанцев и португальцев. По словам Кинга (Cook 3te Reise 4, 171), русский Атласов, который первым открыл Камчатку в 1699 году, с 1706 года во второй раз был там командующим и «чтобы привлечь жителей добрыми манерами и мирными средствами», настолько жестоко, что его собственные люди,

казаки, которые до того мирно уживались с камчадалами, подняли против него восстание и захватили полуостров. Однако это не улучшило ситуацию, поскольку, привыкнув к убийствам и кровопролитию, они теперь бушевали среди самих коренных жителей Камчатки. «История этого полуострова с того момента до 1731 года представляет собой череду убийств, восстаний и жестоких кровавых сражений между небольшими группами, разбойничаящими по всей стране». В то время озлобленные камчадалы подняли восстание, чтобы не допустить дальнейшего порабощения своей земли и отомстить своим мучителям. В то время там находился Беринг, который направил против чукчей все имевшиеся в его распоряжении войска, за исключением небольших гарнизонов в крепостях страны, поскольку, несмотря на исключительную мудрость, скрытность и энергию камчадалов, ни он, ни кто-либо другой из русских не подозревал о заговоре, охватившем весь полуостров. Заговор был очень хорошо организован; о небольших задерживающих инцидентах, например, в кратчайшие сроки были уведомлены все его главы: и так, после отъезда Беринга, камчадалам удалось быстро захватить крепости и убить или увести в плен всех русских, которые еще оставались в стране (включая женщин и детей). Беринг же, задержанный на побережье неблагоприятными ветрами, узнал о случившемся, вернулся и осадил форт, куда камчадалы бросились, узнав о его возвращении; но он не мог его взять — настолько отважно было сопротивление — пока он наконец не был взорван случайно. Поскольку камчадалы проиграли несколько открытых сражений, которые были очень кровопролитными, им пришлось согласиться на мир. С тех пор все оставалось спокойным, за исключением отдельных восстаний, которые дают ясное представление о том, как русские вели себя по отношению к камчадалам, сломленным тем восстанием. Если, по словам Кинга, полуостров после 1731 года восстановился настолько (хотя сам Кинг сообщает об этом с сомнением), что позже он был более густонаселенным, чем раньше, то этой информации нельзя верить, или она относится к увеличению населения, которое произошло за счет иммиграции. Русские продолжали то, что начали; если бы камчадалы остались такими же, как раньше, с такой же предусмотрительностью и энергией, с которой они подняли восстание 1731 года, они бы снова попытались бороться против ига, чего, за исключением тех бессильных восстаний, которые поднимались против мучителей на местах, больше не происходило. Та война сломила их. И так они полностью пали, когда в 1767 году впервые разразились те эпидемии, о которых мы уже рассказывали.

Помимо войны и эпидемий, им нанесла огромный ущерб торговля мехом. Крузенштерн (3, 52-53) рассказывает, что агенты американской компании и русские торговцы путешествуют по стране, напояют до бесчувствия тех, с кем хотят торговать, что не составляет для них никакого труда, учитывая страсть камчадалов к выпивке, а затем забирают у них весь запас мехов, чтобы «оплатить количество выпитого водки». Таким образом, продолжает Крузенштерн, несчастный теряет в пьяном угаре плоды многомесячного труда, вместо того чтобы купить полезные и необходимые для жизни вещи. «Еще большее страдание (с. 54) связано с угнетением его духа, которое должно оказывать крайне пагубное влияние на его и без того изможденное тело, поскольку в конце концов, при полном отсутствии полноценного питания и любой медицинской помощи, оно не может долго противостоять таким тяжелым ударам. Мне кажется, что это и есть истинная причина их ежегодного сокращения и постепенного полного истребления, которому способствуют эпидемические болезни, уносящие их целыми группами».

Их число сокращается и мирным путем: здесь и на Алеутских островах они часто смешиваются с русскими через браки.

Однако даже на Алеутских островах русские в основном проявляли только враждебность. В частности, это русские охотники (промышленники, которые владели островами с 1760 по

1790 год, Waitz 3, 313), которые отличаются жестокостью. «Они нередко собирали людей в плотную группу и пытались проверить, через сколько человек может пройти пуля из их ружей», — пишет Зауэр (из дневника русского офицера, который он приводит в приложении к своему путешествию) у Хамиссо 177. К этому добавляется рабское подчинение, в котором русские держат камчадалов и алеутов (Chamisso 177 и Langsdorff): например, половина всего мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет в течение всего года бесплатно работает на них (Kittlitz 1, 295). Поэтому Вайтц совершенно прав, когда он не придает большого значения сообщениям о мягком обращении русских (3, 313-14). Согласно описаниям Шамиссо, который в этом полностью согласен с Коцебу (1, 167 — 68), они теперь являются ленивым, мрачным и безразличным народом (Cham. 177), чем они стали в результате непрекращающегося давления. Некоторые, подобно «диким людям» Таити, якобы бежали в горы и ведут там жалкое существование (Chamisso 177).

Из островного мира Тихого океана европейцы сначала вступили в постоянный контакт с Марианскими островами, где испанцы, высадившись в 1668 году, обнаружили очень значительное население (100 000 человек — это не преувеличение, как мы уже видели), рассеянное по всей цепи, а к 1710 году остался заселенным только Гуахам, самый южный и самый большой остров, остальные острова опустели. Война, которую с кровавой отвагой вел, в частности, Кирога и которая длилась более 30 лет, многочисленные эпидемии, переселение туземцев из одного района в другой (что имело самые разрушительные последствия и в Америке) способствовали этому уничтожению. Но даже если, согласно имеющимся у нас отчетам, которые, как и у Ле Гобьена и Фрейсине, основаны на испанских источниках или рассказах иезуитов, участвовавших в испанском завоевании, таких как отчеты в «Neuer Weltbott» (миссионерская газета начала прошлого века), даже если, согласно этим источникам, испанцы не действовали с такой возмутительной жестокостью, как в Америке, все же бросается в глаза, что мы находим здесь и там совершенно одинаковые явления: самое дикое отчаяние туземцев, которые здесь, как и там, вначале очень дружелюбно встретили испанцев, массовая эмиграция последних, бесчисленные самоубийства, искусственные аборты или убийства детей при рождении и, наконец, очень скорое полное обезлюдение островов, которое для Гуахама предотвратило только массовое заселение филиппинцами-тагалами. Вероятно, испанцы жили здесь с той же жестокостью и дикой жестокостью, которые сделали их проклятием для всех вновь открытых земель, только здесь, как и в случае с Гондурасом, который был опустошен столь же быстро (Waitz 4, 280), наши источники молчат или сообщают только одностороннюю и пристрастную информацию. Конечно, из исчезновения населения Марианских островов нельзя сделать вывод в пользу мнения, что дикие народы, поскольку они хуже организованы, подчиняются белым.

Полинезия была открыта на три века позже Америки и на одно столетие позже Марианских островов; таким образом, мы видим здесь культурное человечество в ином свете, чем раньше. Конечно, первые мореплаватели, испанцы, Дэмпир, Роггевен, проявляли ту же грубость по отношению к коренным народам, что и все их современники; но в целом здесь люди вели себя более мягко, чем обычно, и главной причиной этого, помимо меньшей территории и меньшего числа европейцев, является век, в котором были открыты большинство этих островов. Ведь это было время филантропии, и люди верили, что идеалы человеческого счастья, о которых мечтали, например, Руссо в Европе, воплотились в жизни жителей южных морей; это обстоятельство имело большое значение для того, как люди относились к полинезийцам. И еще более важным было то, что сразу после открытия к ним прибыли миссионеры протестантской церкви, которые не стремились распространять христианство и внешние обряды, а, будучи в глубине души истинными христианами,

заботились о возвышении и продвижении коренного населения. Так, выдающийся Уилсон, первый миссионер Южных морей (1795), стоит во главе ряда достойных людей, которые, хотя и не всегда были свободны от человеческих слабостей, самым искренним образом заботились о благополучии этих народов.

Однако ни они, ни прогрессивный дух веков не смогли предотвратить здесь пагубное воздействие культуры и ее носителей. Здесь также имела место серия отдельных актов жестокости, героями которых в основном были капитаны кораблей и их матросы, которые, однако, при небольшом количестве жителей отдельных островов могли быть достаточно опасными и, например, оказались губительными для Вайху (Mörenhout 2, 278-79, который приводит более подробную информацию и источники).

Но в долгосрочной перспективе европейцы стали опасными из-за колоний преступников, которые они создали в южных морях (Новая Голландия, Тасмания и др.). Многие депортированные преступники сбежали и, бродя по разным островам океана или поселившись на отдельных островах, принесли с собой не только болезни, но и множество пороков или, как это часто бывало, подталкивали туземцев к войне против прибывающих белых, которая в большинстве случаев заканчивалась гибелью туземцев; или к сопротивлению миссионерам, что наносило им ущерб с другой стороны.

Кроме того, Южные моря пересекают многочисленные китобои, которые часто довольно долго останавливаются на отдельных островах и чья команда очень часто состоит из отбросов всех народов. Они также оказывали чрезвычайно пагубное влияние. Только для Гавайев Виргин (1, 269) оценивает их число в 15-20 000 в год и упоминает, как сифилис постоянно получает от них новую пищу. Гулик также приписывает этим китобоям и их развращающему влиянию сокращение населения Кусаи, о котором говорилось выше.

Кроме того, здесь особенно пагубное влияние оказала враждебность, с которой недуховные европейцы, в основном из-за жажды наживы или удовольствий, относились к миссионерам (более подробные свидетельства у Meinicke b и Lutteroth); и не менее пагубным было и противостояние, которое католическая церковь начала в южных морях с протестантскими миссионерами. Именно Франция выступила в этой части мира в качестве «инструмента пропаганды» (Lutteroth 164), и то, как она это сделала, ни в коей мере не отвечало интересам полинезийцев. Если уже удивляют оргии, устраиваемые ее представителями — так, Дюмон д'Урвиль на Нукухиве (4, 5 и далее), Лаплас и команда «Артемизы» на Таити (Lutteroth 167), то еще больше удивляет беспристрастность, с которой французские писатели говорят об этих позорных событиях как о чем-то совершенно само собой разумеющемся. Если мы хотим поднять уровень жизни туземцев этих островов, мы должны стремиться укрепить их самосознание, нужно, подавляя пороки, которые так сильно им навредили, воздействовать на их хорошие стороны, оживляя и укрепляя их: но французская оккупация острова Таити привела к противоположному результату, и, как можно заключить из жестокости, с которой она действовала, это было сделано намеренно. По крайней мере, из всего этого следует, что иммигранты не ценили коренных жителей здесь больше, чем когда-то испанцы или англичане ценили американцев. В Новой Зеландии, где англичане прочно обосновались и проявили ту же расовую гордость по отношению к коренным жителям, помимо последнего и других уже упомянутых факторов, особенно пагубное влияние оказала массовая продажа земли, на которую новозеландцы согласились, не совсем понимая, о чем идет речь, и в результате чего они достаточно часто — особенно со стороны Новозеландской компании — были обмануты. Из-за нехватки земли они оказались в большой нужде, а из-за обмана — в большом гневе, и войны, которые велись до недавнего времени, в основном были вызваны

этими причинами (Hochstetter 483-97). Все это, и в первую очередь войны, естественно, сильно мешает прогрессу коренного населения.

В Меланезии, в частности, торговцы сандаловым деревом, в основном английские или американские капитаны, нанесли ущерб населению, поскольку для получения своего товара они часто применяют самые жестокие и отвратительные средства. Они вырубая сандаловое дерево, где бы они его ни находили, из-за чего часто вступают в конфликт с коренными жителями. И в одной такой схватке на Танне случилось так, что, когда туземцы убежали в пещеру в горах, преследовавшие их моряки развели перед ней костер и дымом убили всех, кто находился в пещере! Кроме того, они похищают для своих работ туземцев с островов и увозят их с собой, которые затем часто умирают от тоски по родине и перегрузки работой (Тернер 493, ср. 464). На всех островах Меланезии их одинаково боятся (Чейн).

Майнике (а 2, 217) считает новголландцев племенем, абсолютно недоступным для культуры. Другие авторы также утверждали, что мирное сосуществование с ними совершенно невозможно. Но англичане никогда не пытались даже установить с ними терпимые отношения: и что это было бы очень легко, доказывают, во-первых, отдельные примеры (Waitz 1 184 ff.), в первую очередь пример Грея, который везде мирно ладил с ними, а во-вторых, это следует из всего поведения туземцев, которые были скорее застенчивыми, чем воинственными, вначале дружелюбно встречали белых, даже желая, чтобы те поселились на их территории (Grey 2, 234-35). Даже Майнике, который действительно не принимает сторону новоанголичан, признает это (а 2, 214). Их многократно утверждаемая дикая кровожадность — не более чем вымысел, придуманный, по всей видимости, для того, чтобы теперь действовать против них еще более безжалостно. И это в достаточной мере было сделано. Сначала их земля стала местом депортации преступников; Новый Южный Уэльс был колонией для преступников до 1843 года: Западная Австралия, которая, по свидетельству Грея 2, 364, стояла выше восточной части континента, потому что не была колонией для преступников, недавно стала ею (Waitz 1, 185), и то, что коренные жители «решительно отвергли» более высокую культуру, которая сначала проявилась у них благодаря этим заключенным и их злодеяниям (Meinicke 2, 217): разве это не должно быть для них поводом для гордости? Кроме того, английская корона никогда не признавала права коренных жителей на их землю; она брала все, что хотела, а когда коренные жители в результате нехватки пищи и земли стали нищими и разбойниками, в этом увидели признак их неисправимости культурой и преследовали их всеми средствами. Позже, конечно, и то только в результате вопиющих злоупотреблений со стороны белых, их подчинили английским законам, но те мало что дают им (Grey 2, 368). Потому что, помимо того, что туземцы практически не могут давать показания в суде, законы в большинстве случаев применяются только тогда, когда они выступают против них, а не в их пользу; их преступления против белых наказываются, но не наоборот, преступления белых против них, а последние гораздо более многочисленны. В 1838 году присяжные отказались осудить нескольких белых, которые без всякой причины убили 28 туземцев (Waitz 1, 184). Коренных жителей часто застреливают (Breton 200) для развлечения, поскольку в глазах колонистов они не стоят выше, чем, например, орангутанги. Да, их массово травили ядом в разных местах (Eyre Journal of expedd. into Central-Austral. 1845 2, 176 Примечание: Waitz 186); по словам Byrne (12 years wanderings in the british colonies 1848 1, 275, Waitz eb.), во многих районах Нового Южного Уэльса это делалось с помощью мышьяка, и об этом громко и публично хвастались.

Конечно, для их возвышения практически ничего не было сделано; ведь что значат благородные усилия отдельных людей, таких как миссионеры, если весь народ колонистов

поступает иначе? Грей (2, 364 ff.) подытоживает, в чем заключаются недостатки в отношении к ним: их считают низшей расой и поэтому обращаются с ними с самым большим предубеждением и произволом. Если их нанимают на работу, то часто платят им почти ничего, но всегда гораздо меньше, чем европейцам. Естественно, что они предпочитают бродить, прося милостыню. Предоставить им защиту английского права было благородным намерением: но английские законы следовало бы применять и к несправедливости, которую они творят друг другу, в то время как сейчас (Грей приводит примеры из Перта) европейцы спокойно смотрят, как туземцы убивают туземцев; таким образом, введение английского права не принесло ничего, кроме того, что старшие туземцы отпугивают младших жестоким обращением от принятия новых обычаев (Грей 2, 376). После всего этого неудивительно, что они резко отвернулись от культуры, которая принесла им безмерные страдания и продолжает обращаться с ними как с дикими животными, хотя они достаточно умны, чтобы принять ее и развиваться дальше (Грей 2, 374). Сам Грей рассказывает о случае (2, 369), когда один коренной житель, получивший европейское образование и приобретший некоторые навыки, вернулся к своим нецивилизованным соплеменникам в дикие леса. Стоит ли его осуждать за то, что он не предпочел, как говорится в остроумной комедии Пруца о подобных обстоятельствах,

быть негодяем по-гречески, чем честным тектосагом?

Среди своих он имел семью, честь, богатство; в колонии он был презираем, бесчестен, беден. «Я поступил бы точно так же», — говорит Грей.

Из всего вышесказанного следует, что было бы очень неправильно на основании враждебности новоголландцев к культуре делать вывод о том, что они вообще неспособны к высшему образованию. Не они лишены культуры, культура отвергла их.

Коренные жители Тасмании, которые были еще более миролюбивыми, чем новоголландцы, уже уничтожены. Здесь тоже была колония для преступников, и о том, какими плодами она обернулась для коренных жителей, свидетельствует следующая история: один заключенный уговорил коренного жителя, что если тот вставит ему в ухо заряженный ружье, то испытает очень приятные ощущения. Он показал ему, что нужно делать, с незаряженным ружьем, после чего туземец, естественно, застрелился (Holman a voyage round the world [1827-1832] 4, 403). Как официально установлено, в остальных случаях с ними обращались самым позорным образом, как с дикими животными. Сразу же после первого заселения один офицер для развлечения стрелял картечью по мирным туземцам (Bischof, Sketch of the hist. of V. Diemensl. 204); другие подобные позорные деяния происходили часто, и только в 1810 году, через семь лет после колонизации, было установлено, что убийство туземца считается убийством и должно наказываться (Hobarttown Almanak for the year 1830, 201). Так, в конце концов (в 1826 году) озлобленные туземцы подняли войну на жизнь и смерть, в которой они стали достаточно опасными, но в конце концов — ведь за поимку взрослого человека была назначена награда в 5 фунтов, а за поимку ребенка — в 2 фунта (Van Diemensland Almanak for the year 1831 p. 161) — они потерпели поражение. Дарвин, который также считает, что их уничтожение было вызвано «позорным поведением» англичан, сравнивает войну против них с одной из великих восточноиндийских охот (2, 226). После поражения они были депортированы на остров Флиндерс (Дарвин, там же); в 1848 году их переселили в Ойстер-Коув в канале д'Антрекасто, и теперь, под воздействием такой культуры, они, вероятно, полностью вымерли (Мелвилл, «Современное состояние Австралии», 1851, 370, Никсон, 18). В 1815 году их число еще составляло 5000, в 1835 году (после войны) — 111, в 1847 году осталось 13 мужчин, 22 женщины и 10 детей; в 1854 году, после смерти 29 человек и

отсутствия новых рождений, осталось 16 человек (Petermann 1856, 441 по данным «Синей книги»). Нигде Дарвин не находил столь явного превосходства цивилизованного народа над нецивилизованным, как здесь; но нигде уничтожение коренного населения не велось столь грубо и безжалостно, как в Тасмании (Бишоп, «Очерк истории of V. Diemensland 1832, appendix); при этом следует учитывать, что все эти ужасы были совершены в XIX веке.

§ 18. Географическое распределение отдельных причин исчезновения коренных народов. Сравнение этих причин с точки зрения их значимости.

Беспечность народов по отношению к себе, в физическом и духовном плане: их разврат, а также низкая ценность, которую они придают человеческой жизни; давление местных князей; затем их физическое и духовное разложение под неизбежным воздействием превосходящей их культуры, которую они принимали лишь частично, и, наконец, средства, которые цивилизованные народы применяли против них, частично из жестокости, частично с намерением истребить их: именно эти причины мы до сих пор называли виновными в их исчезновении. Конечно, как мы уже видели, эти причины не все имеют значение везде, и нам необходимо кратко обобщить, в какой степени они были эффективны в отношении отдельных народов.

В Тасмании население погибло исключительно в результате веденной против него англичанами войны на уничтожение. Точно так же только под влиянием европейцев, а именно испанцев, погибли жители Марианских островов и Антильских островов: конечно, эпидемии, которые разразились вслед за европейцами, значительно облегчили белым их кровавую работу: конечно, глубокая подавленность, овладевшая туземцами, значительно способствовала этим болезням и вымиранию. Но и болезни, и меланхолия были вызваны только появлением европейцев; и даже если бы эпидемии поразили эти народы без европейцев, они бы их преодолели, как и население Мексики, которое победило черную язву, бушевавшую еще до прибытия испанцев, без каких-либо остаточных последствий.

Кроме того, европейцы несут ответственность за гибель мексиканцев и перуанцев: только вначале им помогали различные коренные племена и народы, которые были в вражде с материком, пока и они постепенно не поддались европейскому гнету.

Вредное влияние белых и принесенные ими эпидемии были главными причинами, которые уничтожили новоголландцев, но отнюдь не единственными. Во-вторых, очень большое влияние на них оказал плохой образ жизни, который привел к бесплодию женщин и смертности детей, в-третьих, следует учитывать детские убийства, и, в-четвертых, многочисленные войны и вражда между племенами. Распушенность, которая встречается у них — алкоголь принесли белые — слишком мало распространена, чтобы иметь какое-либо значение.

Даже более дикие народы Северной и Южной Америки мы, вероятно, нашли бы в том же количестве, что и 300 лет назад, если бы не было влияния европейцев, которое следует считать основной причиной их вымирания. Помимо воздействия европейского оружия и

спиртных напитков, самым страшным влиянием были эпидемии, завезенные белыми (как мы видели, часто с позорной злобой), а также помимо прямых войн на уничтожение, духовное и физическое разложение коренных жителей в результате внезапно введенной культуры и, прежде всего, глубокая подавленность, которая овладела индейцами, когда они увидели свою беспомощность и то, как их незаконно попирают, и которая, учитывая их и без того склонную к меланхолии природу, имела двойной опасный эффект. К этому следует добавить еще несколько очень важных факторов: во-вторых, ожесточенные войны, которые они вели между собой, в-третьих, снижение рождаемости у женщин в результате образа жизни и, в-четвертых, в Южной Америке (в Северной Америке оба явления были недостаточно распространены) детоубийство, разврат, в частности пьянство.

И здесь мы должны вернуться к упомянутому выше (с. 11) наблюдению Чуди, что американские народы после очень разрушительной войны, после очень страшной эпидемии никогда не восстанавливали свою прежнюю силу, а в лучшем случае продолжали вести жалкое существование в этом ослабленном состоянии. Это печальное явление, к сожалению, вполне естественно. Ведь так же, как человеческий организм, выздоравливающий после страшной болезни, может восстановить свою прежнюю силу только благодаря длительному и тщательному уходу, так и целые народы. Однако из-за многообразных бедствий, в которых, как мы описали, находятся эти племена, все их силы поглощаются поддержанием жизни в том виде, в каком она есть, и не остается ничего лишнего для восстановления утраченного или поврежденного. Кроме того, такие ужасные испытания наносят тяжелый ущерб самой жизненной силе, поскольку при столь массовом страдании неизбежно наступает парализующая меланхолия или апатия.

Плодовитость женщин, да и даже половое влечение мужчин существенно ухудшаются под постоянным давлением забот и нужды, которые почти еще тяжелее ложатся на душу, чем на тело; и удар, который эти народы, находясь в лучшем, более обнадеживающем положении, более или менее легко преодолели бы, теперь неизбежно оказывает на них крайне опасное, даже смертельное воздействие. Если бы удалось устранить бедствие, которое тяготеет над ними физически и духовно — а для этого потребовалось бы столько же благоразумия и энергии, сколько выдержки и времени, — то даже такие ослабленные народы поднялись бы и через несколько лет, которые не должны быть слишком скудными, стали бы тем, чего южноамериканским государствам все же не хватает: полезными и надежными гражданами. Индейские племена, которые сейчас оставляют гибнуть в лесах или даже намеренно убивают и истребляют, являются капиталом, который при разумном обращении принес бы в будущем богатые дивиденды, а сейчас его бездумно и намеренно растрачивают.

Готтентоты также в основном подверглись враждебному истреблению со стороны голландцев и англичан: однако, по-видимому, их сила была уже сломлена предыдущими войнами с соседними народами. Их жалкое существование, эпидемии и т. д. сильно способствуют их вымиранию.

Камчадалы и алеуты погибли в результате войн на уничтожение или умышленного истребления русскими, а также от принесенных ими эпидемий: во-вторых, большое влияние оказали также развратные нравы (в половом отношении и в отношении пьянства), которым они были преданы. Они были обессилены ими и поэтому не были достаточно сильны, чтобы сопротивляться.

Полинезийцы, напротив, в основном сами себя уничтожили, во-первых, своими бессмысленными половыми излишествами (Таити, Гавайи); затем из-за широко распространенного среди них детоубийства, в-третьих, из-за кровопролитных и

разрушительных войн, которые они вели между собой, в-четвертых, из-за бессмысленного угнетения, которое господствующие классы оказывали на подчиненных, и, наконец, в-пятых, из-за низкой ценности, которую они придавали человеческой жизни. Они уже были на грани вымирания, когда к ним пришла культура, и эта культура только — отдельные народы, где ее носители нанесли большой ущерб, — благодаря физическому и психическому возбуждению, которое она не могла не вызвать и которое стало шестой причиной их исчезновения, — ускорило проявление и развитие зла, которое проникло в эти народы, как скрытый яд.

Если мы спросим, какая из всех этих причин была самой губительной, то сразу становится очевидным, что это было враждебное поведение белых, которое одинаково повлияло почти на все природные народы, и мы можем считать нападения на психическую жизнь природных народов почти более губительными, чем посягательства на их физическое существование. Последнее имело более острое воздействие и может быть сравнено с ранением организма: первое, как полное отравление, привело к более медленному, но гораздо более глубокому, трудноизлечимому и гораздо более общему бедствию. Но и европейцы, несмотря на средства, которые они применяли, несмотря на огромное превосходство своей культуры, добились полного истребления только на узко ограниченных территориях, на небольших островах, в Тасмании, на Марианских островах, на Антильских островах: на более обширных территориях их влияние не было столь сильным, несмотря на то, что здесь оно поддерживалось многими другими факторами. Легкую восприимчивость коренных народов мы должны упомянуть во вторую очередь, как с точки зрения силы воздействия, так и с точки зрения его широкого распространения. Болезни, которые, по-видимому, возникали спонтанно при контакте коренных народов с белыми, а также те, которые были завезены последними к первым, погубили в среднем, по крайней мере, треть, если не больше, коренного населения Америки, Африки и Тихого океана.

Третье место в этом ряду губительных факторов мы отводим разврату. Конечно, он нанес меньший ущерб, чем поражение или заражение извне, но для человеческой природы он еще опаснее, потому что разрушает самые сокровенные жизненные нервы, и там, где он действует, нет спасения ни в бегстве, ни в победе над врагом. Мы видели, как полинезийцы, такой блестяще одаренный народ, деградировали, несмотря на то, что их культура в целом была принята дружелюбно: они были изнутри разъедены развратом, которому они предавались, и даже без контакта с белыми они постепенно и все быстрее гибли от своих собственных пороков. Наблюдение за полинезийцами учит нас правильно оценивать опасность разврата для целых народов.

В-четвертых, необходимо упомянуть об убийствах детей, которые были распространены прежде всего в Полинезии и Южной Америке, а также о низкой ценности, придаваемой человеческой жизни. Однако пример архипелага Фиджи доказывает, что одно только это не может существенно отбросить назад развитие народа. Нигде больше, чем здесь, не проливается столько крови и не тратится столько жизней в результате человеческих жертвоприношений, войн, каннибализма и т. п.; и тем не менее эти острова являются одними из самых густонаселенных в южных морях, и их вымирание не наблюдается.

Войны, конечно, привели к различным колебаниям среди первобытных народов, а также к полному уничтожению отдельных племен, но нигде они не оказали такого влияния, чтобы мы могли поставить их на первое место. То же самое можно сказать и о мизерном образе жизни большинства этих народов, который, хотя и мог помешать их веселому и энергичному процветанию, но нигде, насколько позволяет судить наш материал наблюдений, не привел к полному уничтожению. У всех более диких народов мы обнаружили, что даже до контакта с европейцами численность населения никогда не была очень высокой, и причиной этого был

именно их кочевой и скудный образ жизни. И плохие условия жизни, и относительно небольшая численность населения всегда усугубляют любое другое бедствие, обрушивающееся на народ, поскольку они заставляют его подчиняться еще более беззаветно и быстро. То же самое можно сказать и обо всех остальных причинах, которые мы привели, и которые начинают действовать только в сочетании с другими.

Сюда же относятся и неизбежные последствия слишком быстрого и лишь наполовину принятого культурного влияния, которое мы во многих отношениях считали вредным для первобытных народов. Однако эти народы никогда бы не поддались этим последствиям, изменениям в физической и духовной жизни, огромным умственным усилиям, которые требовала культура, если бы не действовали другие причины, к которым, конечно, присоединились бы и эти последствия культуры как более эффективная вторичная причина. Если бы сближение с культурой происходило быстро, но мирно; если бы оно затронуло здоровые народы, то у них, подобно древним германцам, наступил бы период застоя, но затем расцвела бы новая сильная жизнь. Там, где условия были хотя бы приблизительно нормальными, мы наблюдаем такой ход событий, как мы более подробно рассмотрим ниже.

Из вышесказанного следует важный закон: никогда не одна причина уничтожает народ, а всегда несколько причин вместе, хотя одна из них может быть на переднем плане. Истребление марианцев, тасманийцев и населения Антильских островов не является исключением, поскольку здесь в качестве второй причины следует учитывать ограниченность территории, а в качестве третьей — характер и образ жизни жителей Тасмании. Если действует только одна из указанных причин или несколько второстепенных, то, насколько это можно судить по истории человечества и наблюдениям, вымирания не происходит; так, жители Огненной Земли сохраняются, несмотря на свою нищенскую жизнь; так, жители Фиджи продолжают существовать, несмотря на мощное проникновение в их культуру, несмотря на массовые убийства людей; и так далее. Это явление имеет антропологическое значение, потому что оно, как никакое другое, доказывает стойкую жизнеспособность человечества и в то же время показывает, что эта жизненная сила равномерно распределена во всех ветвях человеческого рода, даже сильнее проявляется у первобытных народов, чем у цивилизованных наций, которые, будучи более тонко организованными, чем нецивилизованные люди, гораздо менее способны терпеть.

Ведь если мы спросим: являются ли перечисленные причины достаточно весомыми, чтобы вызвать исчезновение целых народов? то мы должны ответить: они более чем достаточны, каждая по отдельности, а тем более все вместе взятые. Разве не является настоящим чудом, что дикие люди выжили в такой стране, как Новая Голландия, где европейцы, несмотря на все свое снаряжение, в большинстве своем безнадежно погибают? И к тому же удержался в вечных войнах со своими сородичами, под неблагоприятным влиянием собственной несовершенной культуры? Или полинезийцы на своих маленьких, часто бесплодных островах посреди самого огромного из всех океанов, также подверженные вечным войнам, убийствам детей и самым изнурительным развращениям? Неудивительно, что после ужасных войн на уничтожение, развязанных белыми, ни один из этих народов не был полностью истреблен, за исключением небольших племен? Конечно, если мы все это обдумаем, то мы должны будем убедиться не в неспособности коренных народов к жизни, а скорее в их необычайной жизнеспособности и неуязвимости. Итак, здесь мы возвращаемся к вопросу, который поднял Вайтц: действительно ли мы вынуждены признать, что пока не можем полностью объяснить вымирание природных народов? Нет, не вынуждены. Если проследить историю каждого отдельного народа и спросить, почему он угасает и исчезает, мы всегда найдем исчерпывающие причины, которые всегда будут принадлежать к кругу,

составленному нами. Они объясняют исчезновение населения настолько полно, что не остается ни малейшего места для какой-либо загадки, как только мы с достаточной последовательностью рассматриваем отдельные причины в их физическом и психологическом воздействии.

Однако следует отметить, что даже несокрушимость этих более выносливых народов имеет свои пределы. В Новой Голландии мы видели племя, которое, по-видимому, пришло в упадок из более благоприятного положения; то же самое наблюдается в Микронезии и собственно Полинезии, а также у готтентотов. Наиболее продвинулся в своем упадке народ полинезийцев: поэтому при относительно небольшом внешнем воздействии они быстро и гораздо более неудержимо рушатся, чем, например, меланезийцы, готтентоты и другие народы. Этот упадок, если его причины — разврат, войны и растрачивание человеческих жизней — оставались в силе, должен был продолжаться все быстрее и быстрее, и таким образом они были в любом случае обречены — если бы их не спасли извне, что, насколько это было возможно, в целом и сделала культура. И как бы мы ни сожалели о том, как европейцы вели себя по отношению к большинству первобытных народов, мы должны признать, что все эти некультурные народы, если бы они продолжали жить в своем естественном состоянии еще столетиями, шли к очень медленному, но верному гибели, зародыши которой они несли в себе. Они не сумели подчинить себе окружающую природу: они жили разгульно, предаваясь только своим желаниям, беспорядочно, не задумываясь о будущем, в крайней лени; войны, месть и т. д. были для них обычным делом; суеверие, которое так часто требовало человеческих жертв, полностью владело ими; их психическая жизнь была скудной, интеллектуальная деятельность развита только в практическом плане. Однако эти черты их характера с течением веков и тысячелетий становились все более жесткими и непреодолимыми: и нет сомнения, что рано или поздно, ибо кто может определить конец этого времени, они должны были им поддаться. Природа, в которой они жили, не предлагала им никаких воспитательных моментов, обладающих проникающей силой; и даже если бы она предложила им такие моменты в результате каких-либо изменений, они уже не были в состоянии воспользоваться ими, поскольку за тысячелетия привыкания они окаменели. Чтобы спасти эти народы, был необходим внезапный толчок, вмешательство культуры; и хотя она решила свою задачу столь кровавым образом, эта необходимость все же является мыслью, которая в некоторой степени утешает за всю ту кровь и страдания, которые они, или, вернее, их носители, создали.

§ 19. Сравнение природных и культурных народов с точки зрения их жизненной силы.

Поскольку по всем перечисленным причинам вымирание природных народов полностью объяснимо, да и характер их деятельности тем более доказывает жизнеспособность человеческого рода, то само собой отпадает предположение, что природные народы «предназначены природой к гибели» и менее организованы, чем культурные народы. Это станет совершенно ясно и неопровержимо, если мы рассмотрим действие тех же причин на европейские нации. Мы увидим там точно такой же, а то и гораздо худший результат.

Все, что Цезарь причинил галлам, разрушение страны, большие потери человеческих жизней, подавление национального самосознания, все это действительно не сравнится с тем, что пережили, например, Мексика или североамериканцы: и все же за менее чем 10 лет Цезарь настолько сломил галльский народ, который, правда, и без того находился в упадке, что тот утратил свою независимость, за исключением языка. Конечно, итальянские гражданские войны на протяжении примерно 70 лет привели Италию в ужасающее состояние разрухи; но после них мы видим, что страна была разбита до основания, а власть римского государства опиралась на армии иностранцев; только после массового притока новых германских элементов и только после долгого периода покоя итальянское население, ставшее теперь совершенно новым народом, снова поднялось. И все же его страдания были гораздо меньше, чем страдания американцев. А греки! Почему они перестали быть исторически значимым народом? Потому что они были измотаны ужасными излишествами, а их последние силы были подавлены сначала бурями народных переселений, а затем турецким игом. Но каких высот когда-то достигали греки — и не будет преувеличением сказать, что сейчас средний уровень образования греков сопоставим с уровнем образования оставшихся мексиканцев.

Тридцатилетняя война, которая вначале была локальной и никогда не велась без перерывов, со всеми ее ужасами и продолжительностью, далеко не достигая того, что пришлось пережить первобытным народам, какое безграничное опустошение она причинила населению нашей родины! Она серьезно угрожала существованию немецкой нации, и многократно высказывалась мысль, что, с одной стороны, наш национальный характер был многократно изменен и угнетен этой ужасной войной, а с другой стороны, мы до сих пор занимаемся заживлением ран, которые она нанесла нашей социальной и политической жизни.

Если мы видим на этих нескольких исторических примерах, что те же причины действуют еще сильнее в цивилизованных нациях, чем в первобытных народах, то краткий психологический анализ покажет нам то же самое. Хотя у нас есть религия, которая дает верующим утешение даже в самых страшных бедах, хотя благодаря культуре у нас есть много средств помощи даже в трудных ситуациях, на нас влияет множество вещей, которые на природные народы не оказывают никакого влияния, и множество других, которые влияют на них гораздо меньше. Мы избалованы в нашей физической жизни, привыкли к множеству удобств, без которых не можем обойтись; мы гораздо более чувствительны духовно, и унижение того, что для нас свято, придавливает нас к земле. Любовь к родственникам, стыд, короче говоря, целый ряд мощных духовных факторов настолько господствуют в жизни культурных народов, что, когда они серьезно ущемляются, жизнь оказывается под угрозой, и можно с уверенностью сказать, что чем образованнее народ, тем быстрее он будет изнуряться в постоянном несчастье. Если мы, например, только подумаем, какое воздействие на нас должно было бы оказывать чувство бессильной ярости, которое в течение длительного времени постоянно возникает в нас, на каждого из нас, как каждый из нас может ослабевать, то мы сможем оценить, как это же чувство должно было воздействовать на дикие народы, у которых оно постоянно возникало в результате ужасных злоупотреблений, и мы найдем вполне понятным, если бы они погибли только от этого; мы поймем, что пережили образованные мексиканцы и перуанцы и почему именно они так быстро погибли вместе с падением своей культуры; но с другой стороны, мы должны будем признать, что в подобных условиях мы, вероятно, имели бы гораздо меньшую сопротивляемость, чем эти народы, и, конечно, теперь тем более перестанем говорить об особой нежизнеспособности народов природы, поскольку мы гораздо быстрее подверглись бы той же беде, которой подвергаются они. Да, нам пришлось бы искать причины, по

которым эти народы обладают большей стойкостью, чем мы, и найти их в их большей физической закаленности, а также в их низкой духовной чувствительности, которая всегда идет рука об руку с низким уровнем духовного развития. — Если же мы все же видим, что цивилизованные народы становятся бессильными и исторически незначительными, но не исчезают полностью, то это происходит потому, что именно в такие опасные времена они пополняются новыми толпами людей. Разрушители Италии, германцы, массово селились на цветущих полях побежденной страны; то же самое делали болгары в Греции и т. д. Или же уже существующая культура предлагает новые средства помощи, к которым можно отнести и массовую иммиграцию французов в нашу родину после 30-летней войны. Примеры культурных народов, которые были полностью уничтожены, как и их культура, можно найти в истории Малой Азии.

Отсюда снова обращаем взгляд на классификацию, по которой Карус рассматривает людей; и здесь мы видим, насколько она несостоятельна, поскольку его дневные люди не обладают большей стойкостью, чем его ночные или сумеречные люди; и хотя он утверждает (17), что западные сумеречные народы, американцы, «действительно обречены на гибель», мы видим, что дневные народы еще быстрее мчатся к своей гибели, даже когда их постигают гораздо более мягкие судьбы. — Даже деление человечества на активные и пассивные народы, как его дают Клемм и Вуттке (Waitz 1, 344), вызывает серьезные сомнения; она неверна, если в большей активности одновременно видеть большее развитие силы во всех направлениях, потому что «активные» народы (культурные народы) гораздо легче ломаются в несчастиях, чем более выносливые и жесткие природные народы; она также неверна, если рассматривать ее как основанную на изначальной природе человечества, то есть если считать активность или пассивность врожденными качествами разных народов: имея одинаковую изначальную организацию, человечество в течение тысячелетий развивалось так по-разному под влиянием различных природных условий, различных судеб и т. д., как мы видим это в историческом времени.

§ 20. Вымирающие и выживающие природные народы.

Если бы предположение о меньшей жизнеспособности целых народов было верным, то у всех этих народов это исчезновение должно было бы проявляться одинаково. Но как же так получается, что один народ вымирает, а другой, находящийся рядом, нет? Даже что из одного и того же народа одна ветвь вымирает, а другая продолжает жить без угрозы? И это тоже часто встречается. Тонганцы не вымирают и являются полинезийцами, как таитяне, маори или канаки; большинство микронезийских островов (в частности, архипелаг Гилберта) густо заселены, кусайцы вымирают; и микронезийцы, и полинезийцы являются лишь ветвью большого малайского племени, у которого такое исчезновение, за исключением маленького острова Энгано и нескольких несчастных племен, загнанных в горы, нигде больше не наблюдается. Камчадалы вымирают, а остальные североазиаты, их близкие родственники, нет. Но, возможно, здесь не действовали те причины вымирания, о которых мы говорили? Однако в то время как остальные меланезийцы сокращаются во многих местах, фиджийцы, несмотря на европейское влияние, несмотря на свои войны и человеческие жертвы,

остаются сильными и многочисленными. Еще хуже, чем все другие народы, негры страдают от угнетения со стороны местных и иностранных тиранов; и в то время как они считаются одним из самых плодovitых племен, численность которого не уменьшается, новоголландцы, согласно карточке у Каруса, такие же ночные люди, как и они, вымирают — что, конечно, лишает доказательной силы этнологическую чепуху о том, что африканские и меланезийские негры составляют одну расу, которая, однако, встречается не только у Каруса. Но другие примеры совершенно убедительно показывают, насколько ошибочно мнение, что исчезающие народы вымирают вследствие неполноценности своей расы; поэтому мы не будем на этом задерживаться. Если же наше мнение верно, то должно быть доказано, что там, где причины, которыми мы объясняем вымирание первобытных народов, не имеют места или устраняются, там народы процветают, продолжают развиваться или восстанавливаются, да даже могут преодолеть столь опасную культуру и подняться до ее уровня, пусть и очень постепенно. И доказать это легко.

В Африке это доказывают готтентоты из колонии Баавиансклуф, о которой рассказывает Лихтенштейн. В 1799 году число их учеников (Licht. 1, 247) составляло 100; деревня, в которой они жили, с ее 200 домами, садами и прямыми улицами, полностью напоминала немецкую деревню; готтентоты были умелы в полевых работах и строительстве домов и приучены ко всему этому без какого-либо наказания, кроме исключения из богослужения (251). Крещение, конечно, получали только как высшую награду за трудолюбие, честность и набожность, и, правда, Лихтенштейн не встретил ни одного готтентота чистой крови, а только крещенных метисов; но поскольку господа из Herrnhut стремились сделать их «сначала людьми, а потом христианами» (там же, 253), колония все больше процветала, так что о периоде после 1828 года в отчете говорится: «Освободившиеся готтентоты начали больше заботиться о будущем, усердно занимались земледелием и улучшали его с помощью искусственного орошения, возросла умеренность и нравственность, число регулярных браков, посещение и забота родителей о воспитании детей, и для этого не требовалась никакая помощь извне» (Waitz 2, 337). Конечно, это касается только небольшого района, но где еще с таким же пониманием и упорством заботились о готтентотах? Там, где это делают, они процветают и становятся полезными людьми (ср. W. 2, 341).

В Америке чероки, алгонкины, ирокезы и другие народы достаточно ясно доказали, что индейцы также способны к прогрессу и культурному развитию. С 1820 года ирокезы «значительно продвинулись в земледелии, домостроении и механических искусствах в целом; они регулярно посещали церковь, многие из них достигли такого уровня в чтении, письме и счете, что могли стать школьными учителями, а некоторые даже уважаемыми священниками» (Waitz 3, 291 с источниками). Они использовали могавкский язык в качестве общего языка общения, и, согласно отчету Скулкрафта за 1845 год, их численность росла (там же). Аналогичным образом, большие успехи достигли оттава, языческий племя алгонкинов, а также соки и, в еще большей степени, делавэры; они живут исключительно за счет земледелия, которым занимаются очень усердно и умело, а также за счет торговли продуктами своих полей (292-93): их численность растет (294).

Еще больше это касалось чероки, численность которых в период с 1819 по 1825 год выросла с 10 000 до 13 500 человек, помимо 200 белых и 1300 негров-рабов. Еще до 1820 года они были очень умелыми земледельцами, которые за 8 лет (М'Кенней у Вайца 3, 294) превратили дикую местность в сад. Уже в 1773 году у них было 43 города, и их образование уже тогда было немаловажным (Бартрам 353-60); с 1796 года у них были построены хлопковые мануфактуры, время от времени можно было встретить предметы роскоши, а некоторые из них имели немалое личное состояние. Полигамия была отменена; их дети показали себя

«очень послушными, привязчивыми и способными к обучению» (Waitz 3, 295). В 1820 году они ввели письменные законы и представительную конституцию. Верховный вождь, который вместе с высшим советом обладает исполнительной властью, должен каждые два года объезжать страну, чтобы ознакомиться с ее состоянием. Судебная власть осуществляется верховным судом, передвижным судом и мировыми судьями. Введены суды присяжных и три инстанции, судьи могут быть отстранены от должности только по решению обеих палат. Существует общая свобода вероисповедания, но никто не может занимать должность, если не верит в Бога и возмездие в будущей жизни» (Waitz 3, 295-96). В 1821 году один из чероки изобрел алфавит из 85 знаков, и вскоре искусство чтения и письма стало среди них общепринятым; с 1828 года на их языке выходил периодический журнал. Но и эта процветающая культура не была пощажена; чероки, несмотря на их яростное сопротивление, были изгнаны за пределы Миссисипи. Однако, несмотря на то, что их культура оказалась под угрозой, она не погибла; вскоре она возродилась и с 1841 года стала более распространенной, чем раньше (296). То же самое произошло с чокто, криками и некоторыми другими народами, о которых Вайтц (296-99) дает более подробную информацию.

То же самое произошло в Южной Америке: по данным Добрицхофера, численность народа абипонов значительно возросла, когда были отменены изгнание женщин, детоубийство и полигамия (Вайтц 1, 164); в Гватемале (согласно отчету 1771 года) коренное население, несмотря на сильное давление со стороны испанцев, увеличилось настолько, что те начали его бояться (там же, 163). В Мексике, по данным Гумбольдта, коренные жители по-прежнему составляют почти половину населения (b, 3, 9), и в этом количестве индейцы сохранились везде, где испанцы обнаружили организованные империи (там же, 3, 8); численность коренного населения растет (там же, 1, 83 и 107), причем в результате собственного процветания, а не притока чужеземцев (там же, 105), и этот «очень обнадеживающий для человечества» рост индейского населения Гумбольдт доказывает с помощью более конкретных данных (a, 5, 6); 4/7 всего населения составляют индейцы (Waitz 4, 195).

В Полинезии мы также находим очень важные проявления этого явления. О Гавайях Ярвес 371-72 говорит: культура вначале разрушает, но впоследствии приносит благо; так и на Сандвичевых островах депопуляция при Тамехамеха I и Лихолихо была более значительной, чем в более позднее время. «По мере роста христианства и цивилизации смертность снижается. Конечно, их влияние еще слишком ново, чтобы предсказать конечные результаты, но можно с уверенностью надеяться, что, когда плохие влияния исчезнут и уступят место другим, последуют хорошие результаты. Деспотизм князей полностью упразднен, и законы способствуют росту населения. Семьи с тремя детьми освобождены от налогов; те, у кого их больше, получают землю и другие подарки, чтобы их поднять. Налоги, хотя и остаются высокими, распределяются равномерно и облегчаются для народа. Пробудился национальный дух, были основаны школы и церкви, сформировались регулярные торговые связи и ремесла: короче говоря, начинает развиваться прямо противоположное моральному упадку, в котором еще недавно находился народ; распространяются медицинские знания и врачебная помощь; постепенно улучшается одежда и жилье. Конечно, это только рассвет лучшего дня, но уже достаточно ясно, что христианство и образование благодаря влиянию американской миссии и интеллигентности иностранцев приносят эти благотворные результаты. Еще более убедительным доказательством этого является то, что дети и взрослые, которые посещают школы и находятся под непосредственным руководством миссионеров, обладают отличным здоровьем и быстро прогрессируют. То же самое относится и к коренным жителям, которые находятся под влиянием европейских семей». По данным Виргина (1, 300), развитие,

конечно, не шло слишком быстро, но и он указывает, что до 1820 года сокращение населения было более значительным, чем после, и что миссии в различных точках остановили это сокращение, устранив, насколько это было возможно, причины, которые его вызывали. Вайтц 1, 177 также упоминает некоторые острова и районы этой группы, где население не только не сокращается, но и демонстрирует не совсем незначительный рост.

Точно так же обстоит дело и на Таити. Здесь тоже численность населения сразу после первого столкновения с европейцами сильно сократилась, с 16 000 (Уилсон) до 8000 (Эллис) или 9000 (Уилкс), поскольку 5000, указанные Тёрнбаллом, являются заниженными данными. Однако впоследствии это число оставалось неизменным или даже увеличилось; по крайней мере, Виргин указывает для 1852 года цифру 10 000 (2, 41). На Раиате, напротив, население сильно растет (Вайтц 2, 167 по *Journ. R. geogr. soc.* III, 179). Эллис (около 1830) также говорит 1, 169, что до 1819 года сокращение числа таитянских туземцев было еще значительным: в 1819-20 годах количество смертей и рождений было одинаковым, и с тех пор численность населения сильно возросла. Возможно, Эллис, который так усердно работал на благо острова, позволил своим надеждам повлиять на эту информацию: но столь уверенное утверждение столь надежного наблюдателя не может быть основано только на преувеличении. Однако французский комендант острова де ла Ронсьер в своем отчете от декабря 1866 года (*Globus* 12, 60-61) жалуется на лень, вялость и непостоянство жителей; но если учесть события во время и после французской оккупации острова и все поведение французов, по крайней мере в первое время их пребывания, то становится вполне понятно, что они не способствовали развитию острова. Однако, если серьезно и настойчиво заниматься коренным населением, у нас есть все основания для оптимизма.

То, что мы можем рассказать о Новой Зеландии (по Хохштеттеру, 482-497), еще более удивительно. Против влияния иностранцев среди коренных жителей сформировалась национальная партия, которая, считая себя столь же близкой к Богу, как и белые, требовала для себя равных социальных и политических прав. В 1857 году, исходя из этих соображений, маори избрали королем Потатау, известного как воин и оратор, который назвал себя вторым королем мира после Мелхиседека, а также энергичных вождей, в первую очередь маори Уильяма Томпсона из племени Нгатихуа в качестве министра и обосновался в Нгаруавахии, на главной водной магистрали, ведущей вглубь страны, у ворот Окленда, в прекрасно выбранном месте. Основными принципами королевства должны были быть вера, любовь и законность. Люди горько жаловались на английское правительство, которое не заботилось о маори, не относилось к вождям с должным уважением, вело протоколы об их вымирании, но ничего не делало, чтобы этому противодействовать; ввезенные товары облагались несправедливыми пошлинами, например, шерстяные одеяла облагались налогом по весу, как шелк и кружева; им не продавали боеприпасы и оружие, но зато с удовольствием продавали спиртные напитки. И ко всему этому европейцы вели себя высокомерно и грубо! Эта национальная партия, которая рассылала по стране очень красноречивых агентов, быстро нашла повсюду сторонников; даже женщины и девушки разделяли ее взгляды. Добровольные пожертвования королю поступали регулярно и в большом количестве, и он урегулировал в Нгаруавахии все споры между туземцами, взимал пошлины с европейцев, проживавших среди них, и ввел таможенную пошлину на европейские корабли, проходящие мимо его города; его влияние вскоре стало настолько велико, что даже миссионеры, когда им нужно было высказать что-то против маори, обращались к нему. Аналогичные цели преследовала *Landlague*, ассоциация маори-принцев, чтобы предотвратить продажу земли, которую местное правительство крайне неохотно рассматривало. Было ясно, что колониальная администрация должна была оказаться в затруднительном положении из-за этого самостоятельного развития событий, а именно из-за ограничения на покупку земли,

которая, по мнению коренных жителей, для того чтобы быть действительной, должна была сначала быть утверждена королем маори. Поэтому Англия не признала это ограничение на продажу земли, установленное законами маори, и это привело к вооруженному конфликту. Это произошло при Потатау II, сыне Потатау I; 17 марта 1860 года началась война, в которой маори проявили не только исключительную храбрость, но и такую осторожность, что нанесли англичанам серьезные поражения. К Национальной партии присоединились все маори, даже те, кто раньше был равнодушен; лучше, говорили они, умереть за родину, чем жить в порабощении у чужеземцев. В английском парламенте также раздались голоса в их поддержку, в первую очередь Мартинс, епископ Окленда. Уильям Томпсон был единственным лидером этой войны и вполне соответствовал своей должности, поскольку борьба, которая велась маори в основном в виде партизанской войны, могла быть все больше и больше склонена в пользу англичан только благодаря английским пушкам и английскому превосходству в силах (в 1861 году англичане имели 12 000 человек). Однако благодаря влиянию миссионеров и лорда Грея, посланного на место Брауна, было достигнуто мирное соглашение. Таким образом, мы видим здесь начало, достаточно значительное, чтобы в короткие сроки устранить причины, на которых мы основали вымирание новозеландских туземцев. Очень печально, что это национальное восстание с самого начала было подавлено или, по крайней мере, сдержано английской стороной, но не следует терять надежду, что оно снова преодолит этот удар. Главное, чтобы они сами обрели мужество и уверенность, тогда они не будут просто внешне и таким образом, который только вредит им, присваивать культуру, но, поскольку они всегда показывали себя очень способными, они поднимутся над ней и будут способны вести новую жизнь. Эту надежду оправдывает и глубокая религиозность, которую демонстрируют большинство новых и искренних обращенных. Но не перестанут ли они в этом случае со временем существовать как национальность из-за смешения с белыми? Такое слияние было бы, однако, только радостным, поскольку одновременно доказало бы, что и англичане в колонии отказались от своей жесткой расовой гордости.

В Тонга, где с давних времен нравы были более строгими и, в частности, никогда не царила та распущенность, которая так опасно сказывалась в других частях Полинезии; где, по крайней мере в настоящее время и уже в течение длительного времени, не так расточительно обращались с человеческой жизнью, не произошло сокращения численности населения. Христианство насадило моногамию, и поэтому, несмотря на многочисленные войны, которые принесли с собой введение христианства и укрепление королевской власти, население, которое в целом отличается очень хорошим здоровьем, растет (Erskine 160-61).

Эрскин (104) оценивает население Самоа примерно в 37 000 человек, но считает, что оно сокращается (там же, 60). Тёрнер также упоминает высокую детскую смертность в этой стране, вызванную неразумным обращением с детьми до и во время первого кормления. Однако с тех пор, как миссионеры начали оказывать благотворное влияние, полигамия была отменена, а разгульный образ жизни стал очень затрудненным из-за строгого надзора, население снова растет (Тернер 176). Но самоанцы и без того были гораздо менее разгульными, чем остальные полинезийцы, и более высоко ценили человеческую жизнь. Таким образом, и здесь наблюдается то же явление: первое столкновение с белыми людьми приводит к эпидемиям и т. п. (однако Уилкс не обнаружил сифилиса на Самоа 2, 73, 126, 138), что вызывает серьезное потрясение в благосостоянии народа и сокращение численности населения; но как только эти первые последствия преодолены, цифра снова растет. Именно самоанцы являются особенно набожными христианами (Тернер 106-109, 166 и далее).

К наиболее густонаселенным районам Полинезии относятся небольшие острова к северу и западу от Самоа и Тонга, группа островов Юнион, Тикопия, Ротума и т. д., где нравы не испорчены, а население живет в благополучии. Несмотря на многочисленные случаи детоубийства на Тикопии, количество детей в семье там обычно составляет от трех до восьми (Gaimard y Dumont D'Urville b, 5, 309; ср. там же в Zoologie 23; и 5, 306). Только о Сикаяне, также относящейся к этой группе, сообщается о сокращении числа коренных жителей, которое в результате очень сильной эпидемии оспы сократилось до 171 души (2 ноября, 438-441).

Все эти примеры убедительно доказывают, что исчезновение этих народов из-за недостатка жизненной силы, «потому что они по природе обречены на гибель», не происходит; поэтому, когда это происходит, это может быть вызвано только обсужденными причинами. Как только культура подходит не враждебно, а миролюбиво и поднимает эти народы, вместо того чтобы уничтожать их, нет ни одного из природных народов, который нельзя было бы завоевать для себя, более того, некоторые из них, несмотря на враждебное отношение белых, все же поднялись до уровня культуры, по крайней мере, до хороших начал: этот подвиг, величие которого можно оценить по вышесказанному, свидетельствует о столь исключительном таланте и уверенной силе, что вызывает у нас как удивление, так и восхищение. Конечно, племя новоголландцев не сразу превратится в европейское цивилизованное государство, но совершенно неправильно утверждать, как это делает Мейнике, что новоголландцы вообще неспособны к культуре. Ведь там, где они действительно приняли культуру (что случалось достаточно редко), они проявили себя как миролюбивые и податливые люди. То, что они и многие другие коренные народы сейчас как можно дальше уходят от культуры, вполне понятно, учитывая то, что им причинили ее носители. Ведь некоторые северные индейцы считают христианство лишь новым способом обмануть их (Waitz 3, 289) «и, говорили они, зачем нам становиться христианами, если они еще худшие лжецы, воры и пьяницы, чем индейцы» (там же, 287). «Христиане не хотят работать, они азартные игроки, злодеи и богохульники», — сказал индеец из Никарагуа; на ответ, что так поступают только плохие, он ответил: «А где же хорошие? Я, по крайней мере, знаю только плохих» (Waitz 4, 280-81). Вторая причина, по которой многие коренные народы с таким трудом принимают культуру, даже если она приближается к ним мирно, заключается в их привычках. Здесь необходимо еще раз напомнить о силе наследственности. Привыкшие к тысячелетней жизни в постоянных перемещениях и т. п., им очень трудно так внезапно изменить устоявшийся, глубоко укоренившийся в их физическом и духовном существе образ жизни.

§ 21. Африканские негры.

Чтобы ответить на возможный возражение, мы должны еще раз вернуться к обстоятельству, которое мы уже затронули ранее. Как объяснить, что негры не вымирают? Ведь они страдают, угнетаются, подвергаются жестокому обращению, как никакой другой народ, вырваны из родной земли, часто унижены до положения вьючных животных — и все же они процветают. Склонность негров к разврату хорошо известна; насколько опасны для побежденных их войны между собой, слишком ясно доказывают массовые перевозки рабов: они также безжалостно тратят человеческие жизни, о чем достаточно свидетельствует одно

только название Дагомея. И все же это были те же причины, которые, как мы полагали, привели к вымиранию первобытных народов. Как же так получилось, что они действуют там, а здесь нет? Не следует ли добавить к этим причинам еще одну, и какой она может быть, кроме недостатка жизненной силы или чего-то еще загадочного? Но, тем не менее, по единодушному мнению всех исследователей, негры являются физически наименее совершенными людьми, и было бы странно, если бы более высокоразвитые народы имели меньшую жизненную силу, чем они.

Однако это предположение совершенно ненужно. Большая выносливость негров основана на их ином характере, который мы сначала хотим рассмотреть с психологической точки зрения. В характере негров нет ни одной меланхолической черты. Каждое мгновенное впечатление на их грубую чувственную натуру настолько сильно, что следующее сразу же стирает предыдущее, и поэтому даже в глубочайшей нищете они быстро и полностью забывают о своем тяжелом положении, когда на них находит какое-либо внезапное возбуждение. Чтобы избавить их от часто смертельной тоски по родине, работорговцы иногда заставляют их танцевать под кнутом, и тогда в своем веселье, полностью овладевшим ими, они забывают обо всех несчастьях (Waitz 2, 203). Это быстро меняющееся настроение помогает им преодолеть многие трудности и явно контрастирует как с упорным удержанием одной мысли, которое мы так часто наблюдаем у американцев и полинезийцев, так и с меланхолией этих народов. Чувственные удовольствия также доставляют неграм гораздо большее удовлетворение, чем другим народам; его большая половая чувственность, в свою очередь, имеет большое значение для плодovitости его расы, и у них не встречается таких массовых и чрезмерных развратных проявлений, как у полинезийцев. Следует также упомянуть его склонность к фантастическому, поскольку она тоже часто помогает ему видеть свое положение в совершенно ином свете, чем оно есть на самом деле. С этим очень хорошо сочетается некоторая тупость и вялость духовной жизни, которая защищает негра от многих вещей, в том числе и от самых болезненных: он почти никогда не чувствует себя морально уничтоженным и, следовательно, раненным в своей внутренней личности. Не следует также упускать из виду его большую добродушие и искреннюю религиозность.

Во-вторых, физическая природа негров, по-видимому, гораздо менее восприимчива и чувствительна, чем у большинства других народов. Будь то благодаря постепенной привычке, климату своей страны или изначальной конституции, он более вынослив: он переносит переселение в совершенно другие климатические зоны; он даже выдерживает воздух малярийных районов и, кроме того, ежедневные, часто очень большие нагрузки без вреда для здоровья, которым большинство других народов регулярно подвергаются. Таким образом, он уже более защищен благодаря своему телу.

В-третьих, нельзя упускать из виду, что негры уже на протяжении нескольких тысячелетий, с момента зарождения цивилизованных народов, находятся и находились с ними в контакте, причем зачастую в очень тесном: таким образом, они привыкли к влиянию цивилизации совсем иначе, чем американцы и океанийцы, хоттотты и камчадалы, и поэтому гораздо меньше опасаются его неблагоприятных последствий.

Таким образом, возражение, которое можно было бы выдвинуть в отношении негров, следует считать снятым; однако мы должны еще взглянуть на вымирание освобожденных негров в Соединенных Штатах, как это описано в книге Генри Латэма «Black and White» (1867, 1404). По его данным, с момента освобождения 4 000 000 негров 1 000 000 погибли из-за невежества, беспомощности, пороков и лишений. Наступила бесплодность, распространилось детоубийство, «смертность была настолько высока, что некоторые люди предсказывали решение сложной проблемы негров в исчезновении цветной расы в течение

следующих 50 лет». «В тех районах, где они жили в наибольшей безопасности во время войны, где можно предположить, что их было много, и где были собраны самые большие пожертвования, чтобы защитить их от голода, их число сокращается. В более холодном климате северных штатов цветные семьи вымерли через одно или два поколения». Описание, которое мы имеем перед собой, явно окрашено предвзятостью. Поэтому мы рассматриваем только тот факт, что освобожденные негры морально и физически деградируют, даже развращаются. Это явление наблюдается везде, где негры были освобождены, и вначале оно доставляло много хлопот Республике Либерия; но он естественным образом возникает при каждой эмансипации рабов, будь то негры или нет. Они не научились жить самостоятельно, заботиться о себе, работать для себя; любая работа, в памяти о их прежней судьбе, является для них одновременно бременем и унижением. Из-за долгого состояния несвободы они утратили способность противостоять природе, которой обладали в своей родной стране; они также угнетены духовно, и то, что они становятся порочными, является следствием примера, который слишком часто подавали им их собственные хозяева, а также недостатка самоуважения, к которому они были обречены как рабы. В Северной Америке их эмансипация еще более затрудняется решительной и безжалостной враждебностью, с которой «хорошее общество», белые, строго закрывается от любого цветного, к которому оно испытывает только самое горькое презрение. Климатические условия также могут иметь значение; в любом случае, здесь нет ничего, что могло бы добавить к нашему рассмотрению какой-либо новый момент или потребовать более подробного объяснения.

§ 22. Выводы из того, как культурные народы относятся к первобытным народам.

Прежде чем завершить наши рассуждения, необходимо также взглянуть на цивилизованные народы, которые вступали в контакт с дикими народами, поскольку с этнологической точки зрения это будет не без пользы. Прежде всего, следует отметить, что все цивилизованные народы вели себя одинаково жестоко, безжалостно и бесчеловечно по отношению к диким народам, с которыми они вступали в контакт: испанцы, португальцы, голландцы, англичане и французы. Англичане и голландцы отличаются невыразимой гордыней и ненавистью ко всем цветным народам, в результате чего они нанесли первобытным народам почти такой же ущерб, как и открытые враждебные действия. Мы, немцы, не совершали завоеваний, но, тем не менее, некоторые из наших соотечественников вступали в контакт с дикими народами. Те, кто прибыл туда вместе с испанцами во время первого открытия Америки, — например, посланники Вельса, которым Карл V заложил там земли, — вел себя не менее жестоко, чем сами испанцы. Западная Венесуэла была опустошена около 1527 года Георгом фон Шпайером и Амброзиусом Дальфингером (Waitz 3, 398). Но это единичные случаи; в целом немцы принесли благо коренным народам, поскольку именно самые влиятельные миссии частично находились в их руках, причем прежде всего следует вспомнить о деятельности гернхутцев в Африке и Северной Америке (например, Хеккельдер). Среди иезуитов также было много немцев, например, Добрицхофер среди абипонов, Штробах на Марианских островах. Миссионерская деятельность и сейчас не ослабевает и приносит благотворные плоды для туземцев и для науки, поскольку многие из наиболее значительных

миссионерских сочинений, хотя и в основном на английском языке, были написаны немцами — такие имена, как Кёлле, Дёне, Тейхельманн, Шёрманн, Диффенбах (конечно, не миссионер) и др. достаточно известны.

Почти всегда совершенно бесчеловечный и кровожадный характер, с которым европейцы воевали с дикими народами и в большинстве случаев превосходили их жестокость, заставляет нас сделать антропологический вывод, имеющий немалое значение; ведь из этого ясно видно, «что разрыв, отделяющий цивилизованного человека от так называемого дикаря, далеко не так велик, как часто себе представляют» (Waitz, 3, 259). Именно дикая кровожадность диких народов, а также их упорное отсутствие в любой культуре были особо подчеркнуты, и на основании этого был сделан вывод, что они имеют более низкую организацию и способности, что они изначально являются более низкой расой (Carus 28, 22 ff.). Но как можно поддерживать эту точку зрения, если цивилизованные народы обладают гораздо более дикой и ужасающей кровожадностью, которая становится тем более страшной, что соседствует с высокоразвитыми интеллектуальными способностями? Если величайшие и самые значительные люди этих цивилизованных народов разделяют ту же кровожадность, как Колумб, который ввел собак, дрессированных на людей, советовал королеве Изабелле покрывать расходы своих путешествий похищением людей, наказывал кражи жестокими увечьями и считал допустимыми коварство и подлое предательство по отношению к индейцам? (Waitz 4, 331). Если самые кровожадные и жестокие из них по-прежнему восхваляются за свою ужасную зверскость как особо выдающиеся, такие как «пионеры Запада», «герои Старого Кентукки» (Waitz 3, 260), которые, кстати, лишившись интеллектуальных преимуществ культуры, стали такими же суеверными, как и индейцы, чей образ жизни, развлечения и скальпирование вскоре отличались от индейцев только большей жестокостью? Да, д'Эвес (Китай, Австралия и острова Тихого океана в 1855-56 гг. Лондон 1857, стр. 150) рассказывает, что отдельные белые на островах Фиджи и Тонга, помимо самых ужасных преступлений всех видов, даже участвовали в каннибализме туземцев! Примеры испанцев и португальцев, которые опустились до уровня образования туземцев Южной Америки, можно найти в изобилии у Вайтца 1, 370 и у фон Чуди в различных местах. Честность, верность, доверие, порядочность, гостеприимство, человечность, чистая религиозность, лучшие моральные качества чаще всего можно найти не у европейцев, а у столь презираемых диких народов, и слова Зейма

«Мы, дикари, все-таки лучшие люди»

имеет под собой глубокую основу. Нельзя сказать, что злодеяния, совершенные европейцами, исходили только от отдельных лиц и поэтому должны быть вменены только отдельным индивидуумам; они были совершены практически равномерно всем колониальным населением и, в любом случае, были им высоко одобрены; да, еще далеко не везде их осуждают.

Из этих соображений также становится ясно, насколько медленно продвигается человечество в моральном плане и насколько мало интеллектуальное развитие влияет на прогресс в этой области. В качестве доказательства можно привести упомянутого выше Колумба, который, несмотря на то, что духовно значительно опережал свое время, в моральном плане оставался на том же уровне. Однако, несмотря на христианство и внешнюю культуру, все его время находилось на стадии духовной грубости, которая едва ли отличалась от природы первобытного человека, а благодаря более развитым и совершенно

необузданным страстям казалась даже более глубокой. Каждый знает, насколько сильно развился интеллект за последние три столетия; но если посмотреть на цивилизованные народы XIX века — вспомним англичан в Тасмании, Новой Голландии, Северной Америке, португальцев и испанцев в Южной Америке — то мы увидим, что моральный прогресс еще не очень заметен, потому что они ведут себя, хотя и не так широко, но все же так же жестоко и бесчеловечно, как испанцы в XVI веке.

Также нельзя утверждать, что современная пропаганда и ее методы в южных морях сильно отличаются от методов миссионеров XVI и XVII веков в лучшую сторону; то, что она потеряла в жестокости, она приобрела в лживости. И если в XIX веке крестят с той же легкомысленностью, что и в XVI веке, только для того, чтобы крестить, то в наше время это гораздо хуже, чем в прежние времена. До сих пор уровень интеллектуального развития еще ни в коей мере не повлиял на моральную сторону человеческого характера в той степени, в какой можно было бы подумать, по причинам, более глубокая психологическая мотивация которых выводила бы нас слишком далеко.

И все же нельзя отрицать, что весь реальный прогресс всего человечества, благодаря которому оно становится все более чистым и по-настоящему человеческим, основан не столько на интеллектуальных, сколько на моральных деяниях. Европейское общество поднялось на свой сегодняшний высокий уровень, во-первых, благодаря равенству женщин у германцев, во-вторых, благодаря чисто моральной силе христианства, в-третьих, благодаря очищению христианства и признанию индивидуальной свободы духа в результате Реформации и очищению социальных отношений в результате революции прошлого века. Последнее принесло лучшие плоды и для первобытных народов: ведь то, что Полинезия была обращена совершенно иначе, чем Америка, в немалой степени было обусловлено учением таких людей, как Руссо, идеей о том, что все люди, какими бы разными они ни казались по сословию, цвету кожи и языку, по своей сути являются равными; даже мнение, которое долгое время высказывали в Европе об этих народах, также основывалось на этой идее, поскольку оно было сформировано главным образом благодаря работам Форстера, который был горячим сторонником Руссо. — Наряду с этими основными достижениями человечества нельзя не упомянуть и некоторые другие, которые, хотя и не стоят на первом месте, но также не могут быть полностью игнорированы, и к ним относится пробуждение чистого чувства красоты, истинного искусства греками. В то время как в жизни народов и отдельных людей слишком часто оказывается, что высочайшее развитие интеллекта не оказывает никакого влияния на нравственное совершенство человека, то, наоборот, любой нравственный прогресс человеческого общества способствует его интеллектуальным достижениям и без такого содействия вообще немыслим, поскольку любой действительно значительный нравственный прогресс возвышает человечество во всей его сущности и способствует его дальнейшему развитию (), и только там, где происходит этот двойной прогресс, можно говорить о реальном подъеме. Никогда нельзя поднять народ только с помощью промышленности и учебных заведений, даже если это может сделать его богатым и хорошо образованным; его можно поднять, только очистив и поощрив его идеальные взгляды. Но очевидно, что поощрение не происходит путем навязывания современности идеалов прошлых веков как единственно спасительных.

§ 23. Будущее коренных народов. Средства их подъема.

Каким будет будущее коренных народов? Пока что лишь немногие из них были полностью уничтожены, и, поскольку мы не видим у них никакой неспособности к физическому или духовному развитию, мы все еще можем надеяться. Конечно, многое испорчено; и легкость сближения, доверие, с которым они встречали культуру, у большинства из них безвозвратно утрачены.

Поскольку до сих пор миссионеры внесли наибольший вклад в развитие этих народов, то, задаваясь вопросом о будущем, мы в первую очередь обращаем взор на миссионеров. Если учесть, что полинезийцы, можно сказать, обязаны им своим спасением, что готтентоты и многие американские племена только благодаря им получили возможность познать и хорошие стороны культуры, то мы не можем не желать, чтобы их дело благотворно продолжало распространяться. Для этого в первую очередь необходима поддержка со стороны светских властей, конечно, иная, чем та, которую Франция оказала католическим миссионерам: ведь государства должны, в интересах коренных жителей, одинаково защищать любую благотворную деятельность, независимо от вероисповедания. И таким образом, не говоря уже о христианстве, с антропологической точки зрения католическая церковь и Франция совершили серьезную ошибку в своей деятельности в южных морях. Силы, имеющие колонии среди первобытных народов, особенно Англия, извлекают наибольшую выгоду из эффективной деятельности миссионеров, поскольку, во-первых, благодаря им удается избежать бесполезных войн, которые зачастую наносят достаточно большой ущерб белым, а во-вторых, коренные жители сами становятся сторонниками колонии. Поэтому государство должно всеми средствами поддерживать миссии (не насильно вводить, а только поддерживать), но в то же время внимательно следить за ними и в случае необходимости привлекать их к ответственности. Ведь могут происходить человеческие ошибки, и они происходили даже среди протестантских миссионеров в южных морях, которые, например, в Новой Зеландии своими покупками земли и спекуляциями нанесли ущерб себе, своему делу и туземцам. Но и миссионеры должны строго следить за собой. Они должны все больше и больше приходить к правильному и важному пониманию того, что бесполезно крестить народы или указывать им на абстрактные и для этих людей столь же непонятные, сколь и бесполезные учебные понятия, если не пробуждать все их умственные способности, чтобы они усвоили истины этого учения. С этой точки зрения — кто бы хотел это отрицать? ведь и здесь действовать совершенно безупречно — это далеко выходит за пределы человеческих сил — с этой стороны обе церкви допустили много ошибок; католическая — зачастую совершенно беспрецедентно легкомысленным крещением, при этом спокойно оставляя язычество (достаточно примеров для этого жесткого утверждения приводят *Annales de la propagation de la foi*, *Michelis* и *Lutteroth*; мы не приводим отдельных примеров из соображений краткости), протестантская — чрезмерной строгостью и упрямым упорством на абстрактных догматах. Однако любой беспристрастный наблюдатель должен признать гораздо большую эффективность протестантской стороны, хотя мы и далеки от того, чтобы недооценивать великие достижения католической церкви. Такие люди, как Лас Касас и многие его единоверцы, которые были почти единственной защитой угнетенных американцев, многие иезуиты, которые с величайшим рвением подвергали себя всякой опасности ради христианства, как, например, великий Сан Виторес на пропитанных кровью Марианских островах: все эти люди должны быть упомянуты в первую очередь, когда речь идет об описании заслуг миссии.

Сначала нужно сделать из дикарей людей, а потом христиан; нужно постепенно воспитывать их в духе культуры, высшим проявлением которой является христианство. Не знание и познание, даже если это высшая мудрость, а скорее деятельность и самостоятельное построение собственной жизни дают человеку нравственную опору и нравственную силу: пробуждайте, формируйте, поощряйте это, и вы будете поощрять христианство. Ведь верно, что те преступники, которые бежали из мест ссылки и поселились в разных частях Океании, благодаря фрагментам культуры, которые они передали туземцам, проложили путь христианству и миссионерам и очень облегчили их задачу, не желая этого сами и хотя часто вместе с культурой они учили и некоторым преступлениям. Но если хотеть быстрого успеха без достаточной подготовки, то ничего не получится; отчеты миссий (обеих конфессий) достаточно доказывают, насколько глупо такое стремление и как оно часто приводит к самым грубым самообманам. Только самая любящая работа и самоотверженная преданность многих поколений могут принести здесь реальный и устойчивый успех. Не следует ожидать, что первобытные народы в мгновение ока достигнут того уровня образования, который наиболее одаренные цивилизованные народы достигли в течение тысячелетий, переживая частые срывы, горячие борьбы и постоянный труд.

Но и светская власть должна оказать помощь: сначала в негативном плане, не допуская, чтобы другие подрывали и разрушали то, что строят миссионеры, а затем в позитивном плане, продолжая то, что начали миссионеры. Она должна защищать естественные права туземцев, признавать их право собственности на землю, которую они заселяют, и строго следить за тем, чтобы колонисты не причиняли им несправедливости. Конечно, такие люди, как лорд Грей, обладающие величайшей предусмотрительностью и энергией, а также чистейшей любовью к человечеству, встречаются нечасто; но в выборе высшей колониальной администрации нельзя переусердствовать. Конкретные предложения были сделаны Греем для Австралии, Диффенбахом для Новой Зеландии, другими для других народов; и, несмотря на все трудности, если бы державы, владеющие колониями, и прежде всего Англия, искренне хотели этого, то, безусловно, можно было бы предотвратить много страданий, сделать много добра и исправить много зла. До сих пор, конечно, английские и вообще европейские моряки в основном обладают только правом силы; злодеяния, которые они совершают в отношении этих народов, остаются безнаказанными, в то время как самые суровые наказания налагаются, если туземцы совершают какие-либо злодеяния в отношении белых. Отчасти эта несправедливость необходима для защиты далеких белых; отчасти же она объясняется еще очень несовершенным моральным развитием белых, которые в целом едва ли считают такие акты насилия преступлением. Что можно сказать, когда такие позорные истории, как следующая, происходят под официальной защитой Англии и в газетах, в том числе и немецких, рассказываются почти как шутка? После убийства купца⁽¹⁾ английский военный корабль «Perseus» под командованием капитана Стивенса появился весной 1867 года у берегов Палау (острова Пелеу, западная Микронезия), чтобы потребовать удовлетворения: оказалось, что купец был убит по приказу короля, на чьем острове Корор он жил и владел землей, потому что продавал оружие врагам короля. «Хотя Стивенс и понимал, что тому лучше было бы не продавать оружие убийства», он все же счел необходимым применить строгие меры и потребовал казнить короля. Островитяне, под давлением военного корабля, решили не сопротивляться, но попросили, чтобы казнь была произведена матросами корабля, чего Стивенс не допустил. «Островитяне должны сделать это сами». Так и произошло. И произошло еще больше. Островитяне, подвергшиеся такому обращению, провозгласили капитана корабля своим королем. «Он сразу же принял корону и доказал, что умеет плодотворно использовать королевские prerogatives. Он приказал своим подданным принести на борт парохода кур, яйца, фрукты и прочее, и этот приказ был охотно выполнен. Вопрос о вознаграждении за доставленные вещи не стоял, но его

импровизированное величество было так благосклонно, что подарило несколько подарков, таких как ножи, ножницы и т. п. Когда это было сделано, он отрекся от престола и оставил жителям острова Палеуан искать себе другого короля по своему вкусу» (Globus 12, 59, по Overland China Mail от 30 мая 1867 года и «Presse» в Маниле). Разве это не значит поправление самоуважения народа? Не является ли это поправлением справедливости и человечности? И это сделал представитель английского государства во имя справедливости! И такая история веселит европейскую публику как анекдот! Несмотря на свои просьбы, островитяне были вынуждены расстрелять своего собственного короля, потому что он избавился от англичанина, который вел себя по отношению к нему явно враждебно, правда, незаконным способом! До тех пор, пока такие истории еще возможны, у коренных народов не будет слишком много надежды. И мы опасаемся, что они будут возможны еще долго; по крайней мере, до тех пор, пока цивилизованные народы будут считать себя совсем другими существами, чем те «дикари», которым признают форму человека, но ни в коем случае не права человека.

Против этой полной изоляции от всей европейской жизни, которую почти всегда вынуждены терпеть коренные жители колониальных стран, государство должно было бы сделать все, что в его силах, если оно действительно хотело бы их поднять: ведь именно это сейчас больше всего удерживает их от культуры и удерживает в нищете. Но это будет трудно, если не невозможно; и человечество, как кажется, должно будет сделать еще много шагов вперед, прежде чем это равенство (если оно еще возможно) сможет быть хотя бы приблизительно реализовано; так что в этом смысле можно сказать, что все, что делается в Европе для поднятия уровня жизни белого населения и его нравственной жизни, косвенно идет на пользу и коренным народам.

§ 24. Ценность первобытных народов для человечества и его развития. Заключение.

Но мы должны еще спросить: можно ли вообще требовать от государства, от цивилизованных народов, чтобы они тратили столько усилий и труда на коренные народы, которые они должны отвлекать от других, возможно, лучших или, по крайней мере, более полезных целей? Нельзя ли с полным правом сказать о бесполезной жизни этих диких народов знаменитую фразу Тальеранна «je n'en vois pas la nécessité»? Как следует ответить на этот вопрос с точки зрения христианства, которое учит, что все люди братья и равны перед Богом, очевидно: а где же строгое христианство проявляется более явно, чем в общественной жизни Англии и Америки? Но и с точки зрения философии сохранение менее развитых народов следует рассматривать как важную задачу культуры. Эмпирический исследователь, после тщательного исторического и естественнонаучного изучения мира, увидит, что природа в целом, как таковая, подчиняется законам развития, как и отдельные крупные разделы природы, такие как роды, виды и индивидуумы. Закон этого развития заключается в том, что все, как целое, так и отдельные существа, стремятся к большей совершенности, прочности и безопасности существования. В этом процессе развития сама природа установила ценностные определения, согласно которым она подчиняет индивидуума виду, вид роду, род семейству, то есть более ограниченное подчиняет более

широкому, а если это необходимо в интересах более широкого, то и жертвует им. Было бы духовным заблуждением с нашей точки зрения, которую мы занимаем в иерархии целого, если бы мы, люди, хотели применять к себе другие законы, чем те, которые действуют для всей природы; ведь все историческое развитие показывает, что мы подчиняемся тем же законам, что и все остальные организмы, только наше положение отличается. Так же как сохранение и развитие целого является главной целью природы, так и для нас, людей, она должна быть главной целью, а именно, в первую очередь, сохранение и развитие человеческого общества, поскольку наша деятельность в первую очередь относится к нашему собственному виду. Но это означает плохо служить целому, если мы хотим уничтожить жизнеспособные зародыши целого только потому, что они не развивались в то же время и таким же образом, как мы. Кто знает, какой конечной цели они могут служить природе! И никто не станет утверждать, что их уничтожение принесет пользу народам более высокой культуры. Если мы с этой философской точки зрения будем искать цель человеческого развития, то мы должны будем определить ее как цивилизацию как таковую (Waitz 1, 478 f.). С одной стороны, только тесное объединение индивидуумов, которые в естественном состоянии эгоистичны, то есть враждебны друг другу, обеспечивает человеческому обществу прочность и стабильность, с другой стороны, только таким образом, высвобождая избыточную энергию, цивилизация приводит человечество к более высокому развитию. Только она делает возможным самое важное в человеческой жизни – деятельность ума. Однако к этой конечной цели человеческого развития призваны все народы, и единственной задачей уже цивилизованных наций по отношению к нецивилизованным может быть только распространение цивилизации на них, а не уничтожение их с помощью более богатых и эффективных средств цивилизации. При этом не следует упускать из виду, что, как и в случае с цивилизацией, нет ничего опаснее, чем возвращение к дикости, потому что такое возвращение происходит с постоянно увеличивающейся скоростью, как бы по законам падения. Жестокое обращение с дикими народами является таким возвращением к дикости, и мы уже видели, как в ходе длительной борьбы за их уничтожение эта дикость ужасающе растет. Целые племена цивилизованных народов из-за этого, к чему еще присоединились лень и сладострастие, скатились в крайнее варварство или, по крайней мере, заметно задержались в своем развитии: так, например, голландцы на мысе, испанцы и португальцы, а также частично англичане в Америке. Вечное кровопролитие и убийства делали их все более равнодушными, все более жестокими, и в результате, естественно, исчезали многие другие интересы; лень и многое другое, хотя многие колонисты и привезли с собой их в избытке, были естественным следствием продолжавшейся жестокости. Если последний пункт уже выводит нас из теоретической и моральной области в более практическую, то есть и другие практические причины, которые говорят в пользу сохранения и подъема коренных народов, но нет ни одной, которая бы противоречила этому. Вайтц (1, 484) объясняет, что при больших различиях в природном окружении людей, при разнообразных способностях и качествах, которые различные народы развивают в течение времени и благодаря времени, цивилизация всего человечества даже в высшем совершенстве не должна быть и не может быть совершенно одинаковой. «Без того, чтобы один народ мог полностью взять на себя материальный или духовный труд другого, соотношение все же сложилось бы таким образом, что у одних преобладал бы один вид труда, у других — другой, что одни были бы более продуктивны в одном направлении, другие — в другом, и соответственно влияли бы на остальных и делились с ними своими знаниями. Тропическим странам тогда более или менее в целом досталась бы преимущественная доля производства материальных благ, а странам с умеренным климатом — духовных. Высокий уровень интеллектуального образования, глубокое мышление и высокая нравственность, основанная на тонком и многогранном

размышлении, кажутся едва достижимыми в условиях умственного упадка, который несет с собой жизнь в жаркой зоне как для европейцев, так и для коренных жителей» (1, 185). Но именно потому, что жизнь в тропиках вызывает утомление и еще в большей степени влияет на белых иммигрантов, чем на коренных жителей, для первых было бы большим преимуществом, если бы они получали поддержку от вторых. Каким благом для всех колоний было бы, если бы они, вместо того чтобы жить, как сейчас, в часто столь кровопролитной вражде с коренными жителями, нашли в них помощников и дружелюбных и умных работников, и поэтому уже с чисто практической точки зрения европейцам вполне целесообразно бережно относиться к коренным народам и способствовать их процветанию.

Последние также обладают многим, и даже если бы это было лишь знание окружающей их природы, они могли бы дать в качестве полезной благодарности за преданную заботу, посвященную им. Ведь некоторые из них развивали богатые и оригинальные культуры, уничтожение которых является незаменимой потерей для человечества. В первую очередь, это высокий уровень и чистота мексиканской морали, о которой дает свидетельства Вайтц (4, 125 и далее) и которая ни в коем случае не отстает от учений христианства, что оправдывает это утверждение. В то же время в Мексике, как и в Перу, были высоко развиты интеллектуальные способности, и то, чего они достигли в промышленности (сооружения, изделия из золота и т. д.), достаточно хорошо известно. Конечно, многое из того, что они создали, было утрачено в результате завоевания; и мы не можем судить о том, чего могла бы достичь такая культура, если бы она была обогащена дружеским и постепенным знакомством с европейской культурой (). В любом случае, различные очаги культуры являются для человечества только преимуществом, и притом неоценимым, если учесть, насколько медленно в целом происходит развитие народов. Не следует также преуменьшать значение оригинального разнообразия таких независимых культур; их столкновение, соперничество, независимое творчество приводят к появлению большего и более разностороннего, а человеческий дух развивается более полно и всесторонне, чем при наличии одной единственной, по сути своей одинаковой культуры.

Пусть же из этих народов будет спасено хотя бы то, что еще можно спасти. До сих пор развитие человечества и в этом отношении полностью подчиняется законам природы. «Борьба за существование», в которой побеждает сильнейший, проявляется в полной мере; усиленные расы распространяются, насильственно и, в отличие от неразумной природы, с удовольствием и без необходимости разрушая, и более слабые поддаются им. Но только человек способен к разуму и любви, и именно в этом более сильный из разумных существ должен проявить свою силу, поднимая более слабого с любовью, а не уничтожая его; тогда дух, нравственный выбор человека, возобладал бы, и все человечество сделало бы большой шаг вперед на пути, по которому оно должно идти, освобождая дух от грубых оков внешней природы.

Сноски:

[A]

Хейл прямо говорит, что она не кажется ему слишком высокой; он получил эту информацию от Панчарда, англичанина, прожившего на острове несколько лет.

[B]

Также примеры, которые Дарвин приводит в том же месте для подтверждения своей гипотезы о вредном испарении людей, долгое время находившихся в замкнутом пространстве, можно, как представляется, объяснить вышесказанным, равно как и заболевание овец в Шропшире. Этот эфлювиум — не что иное, как те самые бессознательно переносимые миазмы, к которым тот, кто их приносит, постепенно приспосабливается по своей природе.

[C]

Эта раннее половое созревание женщин, вероятно, не является, как считает Гумбольдт в 2, 190, расовой особенностью. Во-первых, этому утверждению противоречит то, что среди американок также встречаются различные примеры позднего развития (); во-вторых, почти у всех первобытных народов половое созревание наступает так рано. Даже если климат и оказывает на это многообразное влияние (Waitz 1, 45), оно ни в коем случае не является одинаковым везде и не поддается достоверному доказательству. Ведь у эскимосов, камчадалов и других народов, проживающих в таких высоких широтах, мы наблюдаем то же явление, а у фиджийцев, например, проживающих в жаркой зоне, его нет. Waitz 1, 125 указывает в качестве причины животный рацион и высокую температуру в хижинах многих из этих народов. Однако и это не относится ко всем. Не заключается ли причина ранней половой зрелости в том, что при полной беспрепятственности природных народов желания возникают раньше, а девушки становятся объектом желания слишком рано? Это могло и должно было проявить свое влияние в течение поколений. Привычка все больше наследовалась, все сильнее укоренялась благодаря наследственности, и таким образом половые функции действительно развиваются раньше, чем это нормально для человеческой природы. Таким образом, это явление можно одинаково хорошо объяснить у всех природных народов: и с каждым днем мы все больше ценим привычку и наследственность в их значении для истории человечества. Не следует отрицать, что климат и другой образ жизни также сыграли свою роль; однако у первобытных народов их влияние является второстепенным, а влияние привычки и наследственности, безусловно, является главным. Нигде влияние воли, желаний и мыслей не так велико, как именно в половых отношениях.

[D]

Следы этого явления можно найти и в Южной Америке, например, у Азара 248, который рассказывает о мбаях, что их женщины никогда не едят мясо коров и обезьян; однако, поскольку их девушки вообще не едят мяса, даже крупной рыбы, а во время менструации питаются только овощами и фруктами, эту воздержанность можно объяснить и более простым образом. С другой стороны, это, безусловно, обычай, первоначально связанный с североамериканским тотемом, который сейчас уже не понимается, когда, например, карибы никогда не едят обезьян, но считают муравьедов деликатесом, который, в свою очередь, макуси едят только по необходимости (Шомбургк 2, 434). В Южной Америке животные также считаются прародителями и защитными духами некоторых народов. То же самое происходит

в Африке у бечуанов, отдельные племена которых имеют неизменные имена, обозначающие их происхождение от определенных животных. «Эти животные считаются священными народами, которые называют себя в их честь, их не охотятся и не едят, а спрашивают об их имени, задавая вопрос «что вы танцуете?». Так, есть люди льва, крокодила, ежа, рыбы, обезьяны, но также и железа, Waitz 1, 352. 413. Вопрос «что вы танцуете?» является любопытным. Он напоминает некоторые танцы американских и австралийских народов, изображающие животных, и можно предположить, что священные танцы сначала символизировали жизнь защитных духов, так же как греки танцевали истории своих богов. Позже значение таких танцев во многих случаях поблекло.

[E]

Подобное можно найти и у индоевропейских народов. Священные животные в качестве гербов и в личных именах были очень распространены, ср. Grimm D.M. 633. Если их убивали на охоте или обрезали священное дерево, то при этом также были обычны определенные умиловительные и просящие прощения молитвенные формулы, eb. 618.

[F]

Если здесь Каду не ошибочно имеет в виду грубый меланезийский племя; или, чтобы рассказать что-то действительно ужасное, намеренно или сам обманывается. Потому что, вероятно, эта информация не относится к Палау.

[G]

Близнецы убиваются почти всеми первобытными народами, в том числе и неграми (Waitz 2, 124).

[H]

Хотя и Ярвес 83, кажется, сомневается в некоторых цифрах.

[I]

Кстати, достаточно хорошо известно, что индоевропейцы и семиты также часто убивали детей. В Греции убивали детей, которых отец не поднимал, когда акушерка клала их ему к ногам; этот обычай многократно упоминается у Плавта и Теренция, то есть в поздней афинской комедии. В частности, убивали дочерей. Это убийство в большинстве случаев происходило путем выставления на улице (Schömann griech. Alterthümer 1, 562). У древних германцев существовал точно такой же обычай. Из семитской области следует в первую очередь вспомнить жертвоприношение Авраамом Исаака, а затем и поклонение Молоху у финикийцев, которое так часто подражали евреи (Winer, bibl. Realwörterbuch под словом «Moloch»), а также на детей, принесенных в жертву Астарте (Movers Phön. 2, 2, 69). Однако семитский обычай является религиозным, то есть связанным с детскими

жертвоприношениями. Но и для простого выбрасывания детей можно привести много семитских примеров.

[J]

Здесь также уместно упомянуть то, что Гумбольдт b5, 110-111 рассказывает о «мистериях ботуто», глиняной трубе с несколькими шарообразными выпуклостями, которая используется во всех торжественных церемониях: «Чтобы быть посвященным в мистерии ботуто, нужно быть чистым по нравам и не иметь жены. Посвященные подвергаются бичеванию, посту и другим суровым обрядам благочестия». Через трубу великий дух сообщает посвященным свою волю; таким образом, они находятся в более тесном общении с богами, чем другие люди, и это было также основной идеей ареоев. Совершенно аналогичное сообщается о Гаити. «Казики, не будучи сами священниками, стояли во главе культа: храмы и места жертвоприношений, где происходило поклонение богам, были либо их собственными домами, либо хижинами, которые считались их собственностью; там были установлены изображения предков, сделанные из дерева, полые внутри и снабженные трубкой, которые только они могли опрашивать как оракулы и которые произносили только то, что им подсказывали. Для этой цели они опьяняли себя своего рода нюхательным табаком и совершали священный обряд в одиночестве, из которого, естественно, народ был исключен». К этим религиозным мистериям, известным только им, относились и танцы, как и у ареоитов.

[K]

Jak. Гримм, *Gesch. d. d. Sprache* 1. Aufl. (1848) S. 143 ff. перечисляет множество народов, у которых существовал такой же обычай: скифы (исседоны, по Меле, 3-е издание, 1868), кельты (3-е издание), германцы разных племен (немцы, шведы), романы и славяне. Примечательно, что это использование встречается и в отношении черепов святых, например, в Трире, Нойсе и, согласно Авентину (изд. 1566, fol. 33, a), в Эберсберге и Регенсбурге. Использование, таким образом, одинаковое; видно, что сначала это было своего рода каннибализмом, но затем стало также знаком дружбы, любви, благодарной памяти. Следует также отметить, что Авентин говорит, что никто не имел права пить из такого черепа, кто не убил врага, поскольку эта черта напоминает некоторые подобные обычаи у первобытных народов. Однако мы не можем дальше следовать этим весьма странным совпадениям.

[L]

Геродот 4, 26 (по Гримму, там же) говорит об исседонах ἑπεὶ δὲ ἀνδρὶ ἀποθάνῃ παῖρ, οἱ προσήχοντες πάντες προσάγουσι πρόβατα καὶ ἔπειτεν ταῦτα θύσαντες καὶ χατατάμοντες τὰ χρέα χαταάμνουσι καὶ τὸν τοῦ δεχομένου τεθνεῶτα γονέα, ἀναμίξαντες δὲ πάντα τὰ χρέα δαῖτα προτιθέσθαι. Также вильцы и скифы ели своих умерших родителей. Еще в XVI веке венды убивали своих нетрудоспособных отцов в ходе особых церемоний (Kühn, *märkische Sagen und Märchen* 335). И здесь мы сталкиваемся с древним и широко распространенным обычаем, который мы также можем только затронуть, но не рассмотреть подробно. См. ниже, что говорится о Маре и Новой Гвинее. Об этом же обычае у римлян, греков, финикийцев (Сардиния), испанцев, немцев и других народов см. Merklin в *Memoires de l'academie de*

Petersbourg 1852, с. 119, и Osenbrüggen в предисловии к Cicero pro S. Roscio, с. 51 и далее. Литовская пословица (Schleicher lit. Märchen 179) «как сынок подрастает, так и отца душит» также может указывать на подобный, давно утраченный обычай.

[М]

У Бехста мальчики после употребления волшебной пищи обретают способность летать. В очень похожей индийской сказке у Сомадевы (Brockhaus 104) этой пищей является человеческое мясо. Связь между этими двумя рассказами не является немыслимой.

[N]

Человеческие черепа, которые установлены у входа во дворец, у городских ворот и на всех важных местах Дагомеи (Waitz 2, 130), нельзя интерпретировать иначе. Этот обычай был распространен и среди семитов: финикийские города укреплялись путем втыкания человеческих черепов в их ворота и другие места (Movers Phönizien 2, 46). У индоевропейцев он встречается многократно; он был очень распространен у германцев, о чем свидетельствуют остатки этого обычая и сегодня; так, например, в Южном Гарце самого маленького ребенка в доме ставят босиком на свежий пол, чтобы он держался и т. д. У славян он встречается, как показывают многие их сказки и легенды (например, Talvj Народные песни сербов 1, 117, Возведение Скодра); кельты также упоминают о нем, и Хан в «Албанских исследованиях» 1, 160 рассказывает то же самое об Албании. Животные, которых теперь там забивают и замуровывают целиком или частично (как это часто делали в Германии), заменяют только прежних принесенных в жертву людей. В Албании, в дополнение к § 4, существует очень похожий метод лечения, как у готтентотов, американцев и австралийцев. Любое зло, которое и здесь основано только на колдовстве, удаляется из тела в виде чего-то твердого, а затем это последнее заворачивается и выбрасывается. Тот, кто наступает на это завернутое, заражается болезнью (там же, 159).

[О]

Убитый англичанин звали Чейн, и это тот самый, который написал книгу «Описание островов в западной части Тихого океана, к северу и югу от экватора», которую мы часто используем (Petermann, Mittheil. 1868, 28). Хотя эта и другие его работы очень ценны для познания малоизвестной западной части Тихого океана, при их использовании следует проявлять осторожность, поскольку Чейн, сам будучи торговцем сандаловым деревом (и рыбаком трепангов), очень часто поддается влиянию своих торговых интересов при моральной оценке описываемых народов. Так, он описывает меланезийцев без исключения (острова Фихтен, Лифу, Маре, Уза, Танна, Эрроманго и т. д.) как диких и «крайне вероломных» и сам часто вступал с ними в споры. Точно так же он говорит о всех каролинцах, что им нельзя доверять. Таким образом, он сам занимает позицию торговцев сандаловым деревом и не обращает внимания на то, что туземцы страдали от несправедливости, грабежей и грубой силы со стороны этих торговцев. После прочтения его книги неудивительно, что он закончил так; его совершенно одностороннее подчеркивание своих торговых интересов не позволяло ожидать ничего другого. Поэтому только отсюда становится ясно, что на самом деле происходило в Короре, как его поведение, так и акт мести английского военного корабля.